

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

Н. В. Эйльбарт

Портреты исследователей Забайкалья

Вторая половина XIX - начало XX века

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М.В. КОНСТАНТИНОВ

МОСКВА
НАУКА
2006

Рецензенты:

доктор биологических наук *Н.А. Григорян*,
доктор исторических наук *М.В. Константинов*

Эйльбарт Н.В.

Портреты исследователей Забайкалья : вторая половина XIX – начало XX в. / Н.В. Эйльбарт ; отв. ред. М.В. Константинов. – М. : Наука, 2006. – 224 с. : ил. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-034066-9 (в пер.).

В книге рассказано о том, что до 1917 г. Забайкалье было местом каторги и ссылки, где на многочисленных серебряноцинковых и золотых рудниках работали тысячи уголовных и политических каторжан. Прибывшие в Забайкалье высокообразованные представители политических ссыльных внесли огромный вклад в его естественнонаучное изучение. Биографический очерк об одном из них – польском ссыльном зоологе, Бенедикте Ивановиче Дыбовском (1833–1930) включен в эту книгу. Включены очерки о других деятелях, исследовавших Забайкалье – учителе и краеведе Петре Саввиче Михно (1867–1938), враче и ученом Александре Капитоновиче Белявском (1872–1931), ботанике Георгии Андреевиче Стукове (1854–1912).

Для интересующихся историей изучения обширных территорий нашей страны.

Темплан 2006-I-166

ISBN 5-02-034066-9

- © Эйльбарт Н.В., 2006
- © Российская академия наук, и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2006
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

*Светлой памяти мамы,
Людмилы Михайловны Эйльбарт (Мороз),
посвящаю*
Автор

Введение

Представляемая вниманию читателей работа посвящена четырем выдающимся ученым, исследовавшим Забайкалье в различных научных отраслях. Имена этих людей, к сожалению, остаются малоизвестными, а их существенный вклад в развитие отечественной науки забыт. Воскресить из исторического и научного небытия их заслуги – наша задача.

Специфика исследовательской деятельности в Забайкалье связана прежде всего с особенностью и даже исключительностью экономического и географического положения региона того времени. Во-первых, отдаленность Забайкалья от Европейской России способствовала тому, что оно долгое время оставалось своего рода terra incognita для всего научного мира. Однако его стратегическое положение (граница с Китаем) и экономическая значимость для страны (наличие месторождений редких и цветных металлов и драгоценных камней) остро ставили вопрос о его изучении. Во-вторых, присоединение к России Приамурья, согласно Айгунскому договору с Китаем, дало толчок к выделению Забайкалья в самостоятельную административно-территориальную единицу – Забайкальскую область со столицей в Чите (в 1851 году) и его освоению. Этот положительный фактор обеспечивал приток научных кадров в Забайкалье. Таким образом, научная деятельность в Забайкалье свелась к изучению этого региона и смежных с ним территорий: Северной Монголии и Северного Китая.

Следует отметить, что количественный и качественный состав забайкальских исследователей существенно изменился за описываемый период, как изменилось экономическое и политическое положение края за эти десятилетия. До образования Забайкальской области периодические научные экспедиции организовывались Российской академией наук, а позже и центральным Русским географическим обществом. Целью этих исследований было изучение геологии, флоры, фауны, этнографии и истории региона. Они носили кратковременный и выборочный характер,

несмотря на то, что давали много исходного “сырого” материала в виде разного рода коллекций и описаний. Колоссальное значение для изучения Забайкалья во всех отношениях имели представители местных научных сил, постоянно проживающие на его территории и имеющие возможность все свои знания посвятить исследованию региона.

В зависимости от качественного и количественного состава так называемых “научных сил Забайкалья” в описанный период, мы делим развитие местной науки на два этапа. На первом этапе (до 1880-х годов) основной научной силой в регионе являлась ссыльная интеллигенция. После подавления польского восстания 1863–1864 гг. в Забайкалье были сосланы тысячи поляков, в большинстве своем имевших дворянское происхождение и университетское образование. Они положили начало зоологическим, этнографическим, историческим исследованиям региона. Ярким представителем этой группы ученых стал профессиональный зоолог Бенедикт Иванович Дыбовский (1833–1930). В историю науки он вошел в большей степени как байкаловед, однако, его вклад в изучение фауны Забайкалья весьма значителен и до сих пор недостаточно отражен в научной литературе. Особенно интенсивно Дыбовский изучал птиц Забайкалья, а также ихтиофауну забайкальских рек.

Вслед за политическими ссыльными в регионе появились исследователи-любители, прибывшие сюда по долгу службы. Забайкалье в то время было слабо заселено и первостепенной заботой правительства являлась активная переселенческая политика. Сюда на службу устремились грамотные профессионалы: врачи, учителя, юристы, инженеры. Некоторые из них оставались здесь навсегда, для других Забайкалье было лишь промежуточным местом службы. Многие из этих людей немало сил, времени и знаний посвятили краю, сумели понять его специфику, внести свой вклад в его научное и культурное развитие. Таковы, например, талантливый сретенский врач А.К. Белявский и кяхтинский педагог П.С. Михно. Большая часть жизни Александра Капитоновича Белявского (1872–1931) прошла в г. Сретенске (Восточное Забайкалье). Здесь появились его многочисленные статьи и книги по истории, экономике, бальнеологии* Забайкалья, его флоре и фауне, влиянию климата Забайкалья на органическую жизнь. Одна из интереснейших работ Белявского, оставшаяся в рукописи, посвящена проблемам смерти и бессмертия, продлению человеческой жизни. Внимание исследователя привлекала также народная

* Бальнеология – раздел медицины, изучающий минеральные воды и их лечебно-профилактическое применение.

медицина, которой он посвятил несколько работ. Белявский внес огромный вклад в изучение урсовской болезни, встречающейся только в Восточном Забайкалье и некоторых провинциях Китая, он дал этой болезни название по именам врачей, впервые ее описавших – “болезнь Кашина-Бека” (в честь Н.И. Кашина и Е.В. Бека). Вклад Белявского в изучение и культурное развитие Забайкалья значителен и неоспорим. Среди его рукописей сохранилось свыше 50 подготовленных к печати работ по географии, фауне, климату, этнографии, фольклору и истории Забайкалья. Кяхтинскому учителю Петру Саввичу Михно (1867–1938) принадлежит заслуга создания и сохранения богатейшего музея Юго-Западного Забайкалья (Кяхтинского). Он собрал значительные коллекции по геологии, флоре, фауне, археологии и этнографии Даурии и Северной Монголии, был организатором и участником многочисленных естественнонаучных экспедиций, не уступавшим по своему территориальному охвату экспедициям таких выдающихся путешественников и исследователей Азии, как Н.М. Пржевальский и П.К. Козлов. На основании коллекций П.С. Михно написаны научные работы известными ботаниками, зоологами, геологами. Его именем названы открытые им представители даурской флоры. Судьба этого талантливого исследователя трагична. В 1938 году он был расстрелян в г. Иркутске по приговору “тройки” в результате ложного обвинения в шпионаже в пользу Японии.

Наряду с исследователями, находящимися в Даурии по долгу службы, в последней четверти XIX века на историческую сцену здесь начинают выходить ученые, являющиеся коренными забайкальцами, полными сознания патриотизма и любви к родному краю. Виднейшим представителем этой группы исследователей был ботаник Георгий Андреевич Стуков (1854–1912), почетный член Читинского отделения Русского географического общества. Учитель по образованию, увлекшийся ботаникой, Г.А. Стуков был первооткрывателем нескольких видов забайкальских растений, написал много научных работ по флоре Забайкалья. Профессор ботаники И.В. Палибин писал что “исследования Г.А. Стукова являются до сих пор первыми попытками специального изучения флоры этой, столь мало обследованной окраины”. Стуков – автор таких серьезнейших работ, как: “Народные лекарственные растения Забайкалья”, “Растительный мир Агинской степи”, “Очерк флоры Восточного Забайкалья”, “Минеральные ключи по системе реки Нерчи” и многих других.

Однако научная деятельность этих людей носила разрозненный характер, несмотря на всю свою важность и значимость. Она стала планомерной лишь на следующем этапе развития местной

науки. В 1894 году на территории Забайкальской области были открыты два филиала Русского географического общества – Читинский и Троицкосавско-Кяхтинский. С этого времени на смену разрозненному и фрагментарному изучению Забайкалья и прилегающих к нему территорий Северной Монголии и Северного Китая, пришло целенаправленное и систематизированное его исследование, финансово поддерживаемое не только меценатами-добротольцами, но и администрацией области, а также центральным Русским географическим обществом. О внимании правительства к деятельности этих двух отделений говорит и тот факт, что пост председателя Читинского отделения географического общества в разное время занимали военные губернаторы Забайкальской области Е.О. Мацневский и А.И. Кияшко, что делало эту должность своего рода “постом государственной важности”. Появление печатных периодических изданий отделений Географического общества создало возможность для публикаций научных работ забайкальских исследователей, дабы знакомить с ними как отечественных, так и зарубежных коллег. Этот этап (длящийся до 1917 года) мы считаем наивысшей за рассматриваемый период точкой развития забайкальской науки и научно-исследовательской деятельности в Забайкалье, давшей возможность привлечь широкие круги общественности.

**Бенедикт Иванович Дыбовский –
исследователь фауны Забайкалья,
(1833–1930)**

Вторая половина XIX века, в особенности шестидесятые годы, была ознаменована прибытием в Забайкалье очередной партии польских политических ссыльных, так называемых “государственных преступников”, участников Январского восстания 1863–1864 гг. Подавляющее их большинство – интеллигенция, причем интеллигенция дворянского происхождения, учившаяся в лучших университетах Европы, знакомая с новейшими передовыми научными теориями того времени. После подавления восстания, ареста и тюремного заключения, люди эти по этапу были отправлены в Сибирь, где отбывали каторгу, а затем переводились в категорию ссыльнопоселенцев (как правило, без права выезда в Европейскую Россию). Только спустя двадцать лет “высочайший манифест” 1883 года разрешил полякам вернуться на родину. Вот как пишет об этом журнал “Иркутский летописец” за 1883 год:

“Двадцать лет тому назад несколько тысяч поляков было сослано в Сибирь. Много умерло из них в суровом крае от нужды и лишений, от тяжелых условий и обстановки, в которой здесь находились они, молодые и неопытные. Едва ли половина всех водворенных в Сибири дожили до нынешнего года. Теперь по высочайшему манифесту почти все они возвращаются на родину. Что дали они Сибири? Какой след оставили они здесь и какие воспоминания унесут о нашем крае, о нас самих? На последний вопрос, конечно, не нам отвечать, но и вопрос о влиянии этих исключительных ссыльных потребовал бы длинного ответа, на который мы не имеем достаточно данных.

Попробуем слегка коснуться пребывания здесь поляков. По прибытии в Сибирь и по освобождении из тюрем и от постоянного надзора поляки не предались отчаянию и не ударились в легкую добычу... В среду и нравы сибирского народа и общества политические ссыльные поляки во время 20-летнего пребывания внесли некоторые свои национальные симпатичные качества: учтивость, сдержанность, такт и замечательно хорошее, сразу бросающееся в глаза гуманное обращение с прислугой. Они, несомненно, содействовали поднятию уровня развития в среднем и низшем классе.

...Долго не было других учителей, кроме поляков, по части музыки, рисования и новых языков. И поляки были лучшими учителями по этим предметам.

В деревнях и окружных городах ссыльные поляки были истинными насадителями просвещения и грамоты. Многие из самых захолустных жителей получили очень порядочное образование и сравнительно высокое развитие, благодаря именно ссыльным полякам.

Нельзя не упомянуть о трудах известных натуралистов и геологов из ссыльных поляков... Нельзя забыть многих врачей из поляков, поплатившихся жизнью на медицинской практике... Сибирь признает и ценит эти заслуги политических ссыльных поляков. Сибирский народ и общество сохранит к ним за это признательность. Сибиряки вместе с поляками приветствуют высочайший манифест и провожают их на родину с чувством вполне доброжелательным... Мы, прощаясь с ними, готовы братски пожать им руку и пожелать им всех благ на родине”¹.

Таким образом, даже тщательно откорректированное и “одобренное цензурою” мнение “Иркутского летописца” признавало ту исключительную роль, которую ссыльная польская интеллигенция сыграла для развития науки в Сибири. И прежде всего это касалось изучения самой Сибири.

По данным польского исследователя сибирской каторги и ссылки профессора Владислава Масажа (г. Краков),

“ссыльные поляки в Забайкалье принадлежали к наиболее образованной группе населения, 14% из них имело образование выше, чем начальное. Для сравнения, у русских эта цифра составляла 1,1%, а во всей [Забайкальской] области – 0,8%”².

Профессор Мажак также подробно описывает роды занятий, которыми занимались ссыльные, а также добровольно прибывшие в Сибирь поляки:

“В Забайкалье, также, как и в остальных губерниях, большинство поляков были затруднены больше всего в земледелии (256), в строительстве и ремонте домов (179), в частных заработках (156), в рудных и угольных шахтах (116), на государственной службе в конторах (66), на рубке леса (64), на плавке металла (51), врачей и санитаров 46, в вооруженных

¹ Цит. по: Яковец Р.Л. Байкальская колония // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ: ВСГАКИ. 2000. Т. 3. С. 75–76.

² *Masiarz Wł. Polskie kolonie na Syberii Wschodniej na przelomie XIX i XX wieku // Prace naukowe. Gorzów Wlkp., 2001. Т. 2. S. 285.*

силах служило 61, в администрации, судах и полиции 50, заключенных 120”³.

Таким образом можно представить себе, какой значительный процент составляли поляки во многих сферах жизни Забайкалья, в том числе и в сфере интеллектуальной. Настоящая биография является ярким примером огромного вклада польской интеллигенции в изучение Восточной Сибири в целом.

* * *

Во второй половине 80-х годов XIX века во Львове и Варшаве демонстрировалась выставка, на которой был представлен животный мир Восточной Сибири, Камчатки и Командорских островов, этнографические и лингвистические материалы, касающиеся коренного населения этих регионов⁴. Эту выставку организовал профессор зоологии Львовского университета Бенедикт Дыбовский, в то время ученый с мировым именем, прославившийся своими открытиями в Сибири и на Дальнем Востоке, проживший там в общей сложности 16 лет. Европейскому зрителю впервые была показана “другая” Сибирь – не только край страданий, каторги и ссылки, но прежде всего – страна несметных природных богатств, достойная внимательного изучения исследователей-натуралистов. Угадывались глубокая привязанность и любовь львовского профессора к “стране беспросветного мрака”, выставка перевернула представление многих неискушенных зрителей о Сибири. В своей книге “О Сибири и Камчатке”, носящей мемуарно-очерковый характер, Б.И. Дыбовский, обращаясь к соотечественникам-полякам, писал:

«У нас в стране уже само слово “Сибирь” обычно пробуждает неприятные чувства, вызванные тем, что со времен войн Батория, а в особенности со времен Барской конфедерации, край этот служит местом депортации наших патриотов...Если бы мы ехали на восток свободными, не окруженные постоянной варварской опекой вооруженного конвоя и чиновников, мы бы нашли вместо красок, которыми обычно рисуют Сибирь, иные краски, менее угрюмые и менее кричащие, представляющие край здоровый, побуждающий человека к сильной, энергичной работе, богатый многими дарами, которые дикая, суровая, а частью еще девственная природа приносит к ногам детей своих. Мы бы увидели рядом с однообразными степями также и другие пейзажи, представленные то велико-

³ Ibid. S. 285.

⁴ *Domaniewski J. Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954. S. 171.*

лепными горными вершинами с несметным богатством лесов и минералов, то расстилающимися разноцветным ковром цветущих лугов, или равнинами и долинами с широкими и быстрыми реками, грандиозными озерами, богатыми различными видами рыб – одним словом нашли бы там землю, флору и фауну, не уступающие европейским во многих отношениях»⁵.

О коренных же народах Сибири и Дальнего Востока, изучению антропологии и этнографии которых он посвятил много лет (даже составил словари бурятского, корякского и камчадальского языков), Дыбовский написал:

“Мир Сибири и люди Сибири заслужили то, чтобы узнать их ближе. Последние носят в себе зародыш жажды исторической деятельности, о чем до сих пор они могли только мечтать, и которая может расцвести на обломках тюремных стен, которые окружают их сегодня со всех сторон. Сибирь и сибиряки имеют отличительную черту: почти в каждом чужаке, временно находящимся среди них, они пробуждают чувство симпатии, которое длится дольше, нежели его пребывание в этом крае... Далеко на востоке можно еще встретить “человека природы” с тою печатью детской наивности, которая так притягивает к себе, что этим людям охотно прощается недостаток светского лоска, а во многих отношениях им можно позавидовать в том, что они до сих пор этой цивилизации не узнали... Не однажды я завидовал этим народам, которые не знали и не знают благословенной современной цивилизации, с цинизмом тончайшей основы братской любви народов и всеобщей справедливости”⁶.

Эти строки ученый писал спустя много лет после отъезда из Сибири, однако воспоминания о ней были одной из важнейших составляющих его жизни.

“Глубоко врезались в память”, – писал он, – “места и люди, которых мы узнали далеко на востоке, а гостеприимство, предупредительность, сочувствие к нашим несчастьям и несчастью нашей родины, которое мы неожиданно в них встретили, нашли благодарное место в наших сердцах. Воскрешая сегодня эти образы прошлого, желаю вложить в сердца читателей то чувство искренней симпатии, которое я вынес по отношению к тамошней природе и людям”⁷.

Автор вышеприведенных строк – польский врач и зоолог Бенедикт Дыбовский – еще при жизни стал живой легендой для пу-

⁵ *Dybgowski B. O Syberii i Kamczatce. Lwów, 1899. S. 4.*

⁶ *Ibid. S. 5, 7.*

⁷ *Ibid. S. 8.*

тешественников по Сибири. Значимость его открытий для науки была столь велика, что заставила склонить головы ведущих специалистов как в России, так и за рубежом. Шведский исследователь А. Норденскольд так писал в 1880 году:

“Важные зоологические работы Дыбовского о Сибири следует причислить к наилучшим приобретениям науки последнего десятилетия”⁸.

Политический ссыльный, повстанец 1863 года, боровшийся за свободу и независимость родной Польши, Дыбовский вопреки собственной воле оказался в Сибири, прославившись фаунистическими исследованиями этой отдаленной части Российской империи.

* * *

Галерею портретов исследователей Забайкалья мы и начнем с научной биографии Бенедикта Ивановича Дыбовского (1833–1930) – польского ученого, прожившего в Забайкалье (Дарурии) более четырех лет и обогативший науку открытиями, которые сложно переоценить. Следует отметить, что польский зоолог являлся первым ученым-специалистом, проводившим свои исследования “систематически” и “на месте”. До сих пор источником сведений о фауне Забайкалья были малочисленные экспедиции, организованные Российской академией наук, а впоследствии Восточно-сибирским отделом императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО). Несмотря на значительные коллекции и описания, произведенные участниками этих экспедиций, они носили кратковременный, “отрывочный” характер, не имели невозможности долго оставаться на одном месте исследования и не могли отражать все богатство даурской фауны. Ввиду географической отдаленности Забайкалье даже к началу XX века оставалось менее других исследованным регионом Российской империи⁹. Можно назвать своего рода удачей то, что политический ссыльный, зоолог Бенедикт Иванович Дыбовский, волею судьбы оказался в Забайкалье, обогатив науку благодаря своему упорному и добросовестному труду открытием десятков новых, неизвестных доселе, видов рыб, птиц, млекопитающих и других представителей животного царства.

Прежде, чем приступить к изложению биографии ученого, оговоримся, что ее “забайкальский” период остается наиболее

⁸ Цит. по: *Librowicz Z. Polacy w Syberii*. Kraków, 1884. S. 302.

⁹ Записки Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Чита, 1897. Вып. II. С. 158.

малоизученным. В научной литературе Дыбовский в первую очередь представлен как первооткрыватель богатейшей фауны Байкала. По сути он – основатель лимнологии – комплексной науки об озерах, проводивший свои исследования на высоком методологическом уровне раньше знаменитых работ Ф. Фореля на Женевском озере (именно Ф. Форель во всем мире считается основателем лимнологии, написавшим в 1901 году первый учебник)¹⁰. В настоящее время трудно найти литературу по исследованию Байкала, где бы не упоминалось имя Дыбовского. Наряду с этим в немногочисленных, как российских, так и польских биографических статьях и монографиях, посвященных знаменитому ученому, в нескольких словах упоминается его пребывание на территории Забайкалья и исследование фауны этого региона. Целью настоящей биографии является полное отражение именно этого периода жизни Бенедикта Дыбовского, хотя для целостности повествования здесь будут представлены вкратце и другие периоды его жизни и деятельности.

Нам представляется необходимым коротко упомянуть об основных источниках, использованных в данной работе. Весьма важно, что здесь задействованы многочисленные материалы из польских архивов, публикуемые впервые (эпистолярное наследие ученого, хранящееся в отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове и отделе рукописей Национальной библиотеки имени Оссолинских во Вроцлаве), а также впервые произведенный на русский язык перевод опубликованных работ Дыбовского, носящих автобиографический характер: “Дневник доктора Дыбовского” и “О Сибири и Камчатке” (фрагменты, касающиеся Забайкалья, не были еще переведены на русский язык и российскому исследователю неизвестны)¹¹. Некоторые детали, касающиеся подробностей пребывания ученого в ссылке в Забайкалье дают документы Государственного архива Иркутской области и Государственного архива Читинской области¹². Вторая важная группа источников – научные труды Б.И. Дыбовского на русском и польском языках, из которых два основных посвящены фауне Забайкалья и Восточной Сибири в целом: “О пресноводных и морских рыбах Восточной Сибири” и “Систематический список видов и семейств позвоночных животных Восточной Сибири”. В них в сжатой и удивительно четкой форме представлен обработанный и си-

¹⁰ *Вотинцев К.К., Мазепова Г.Ф.* Бенедикт Дыбовский – основатель лимнологии: Его вклад в изучение байкальской фауны // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 15–23.

¹¹ *Dybowski B.* O Syberii i Kamczatce; *Idem.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930.

¹² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32; ГАЧО. Ф. 1. Оп. 4 (т). Д. 64.

стематизированный материал, собранный Дыбовским за 16 лет его пребывания в Сибири, на Камчатке и Командорских островах¹³. Немало информации об истории его научных открытий в Забайкалье содержит упомянутый “Дневник” Дыбовского. На русском языке отчеты ученого опубликованы в “Известиях” Сибирского отделения императорского Русского географического общества (далее – СОИРГО)¹⁴. Таков вкратце основной круг источников, задействованных при написании настоящей работы.

Следует отметить, что Б.И. Дыбовский при жизни прочно завоевал признание современников. Польский антрополог Ю.Д. Талько-Грынцевич, сам много лет проживший в Забайкалье, долгое время находившийся в переписке с Дыбовским, назвал его “Нестором наших ученых”¹⁵. Поэтому польская историография жизни и деятельности Б.И. Дыбовского представлена немалым количеством работ. В них, однако, как уже отмечалось выше, лишь вскользь упоминается забайкальский период его жизни, главный упор сделан на исследования им Байкала, Камчатки и Командорских островов¹⁶. Задача нашей биографии – восполнить этот пробел. Что касается русскоязычной историографии работ об исследованиях Б.И. Дыбовского, то в целом она значительно меньше, нежели польская, основу ее составляют краткие статьи энциклопедий и справочников научно-биографического плана, где вкратце даны общие сведения о жизни и деятельности учено-

¹³ *Dykowski B.* O rybach słodkowodnych i morskich Wschodniej Syberii. Lwów. 1923; *Idem.* Spis systematyczny gatunków i ras zwierząt kręgowych fauny Wschodniej Syberii. Lwów, 1922.

¹⁴ Естественно-исторические исследования гг. Дыбовского и Годлевского в Забайкалье // Изв. СОИРГО. 1873. Т. IV, № 1. С. 2–4; *Дыбовский Б.И.* Материалы для зоогеографии Восточной Сибири // Там же. 1872. Т. III № 2. С. 81–99; О некоторых новых видах птиц, найденных Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 г. // Там же. 1875. Т. V. № 3/4. С. 121–122; *Дыбовский Б.И.* Материалы для зоогеографии Восточной Сибири: рыбы системы вод Амура // 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 1–29.

¹⁵ *Talko-Hryncewicz J.* Benedykt Dybowski (1833–1930) // *Archiwum historii i filozofii medycyny oraz historii nauk przyrodniczych.* Poznań, 1932. Т. 12. S. 98–119.

¹⁶ *Brzek G.* Benedykt Dybowski: Życie i dzieło. Wrocław, 1994; *Chudzikowska J., Jaster J.* Tajemnica świętego morza, czyli Benedykta Dybowskiego żywot neurojony. Warszawa, 1957; *Dyakowski B.* Badacz dalekiej północy; (Benedykt Dybowski). Warszawa, 2003; *Fuliński B.* Benedykt Dybowski. S.l., 1928. S. 2–4; *Hirschler J.* Dwa przemówienia o dwóch przyrodnikach polskich: Benedykt Dybowski. Lwów, 1933. S. 3–24; *Jaworski A.* O sposobach postępowania i nauce dra Benedykta Dybowskiego. Lwów, 1896; *Kowalska K., Mikłaszewska-Mroczkowska A.* Benedykt Dybowski: Materiały biograficzno-bibliograficzne. Wrocław. 1960; *Kulmatycki W.* O życiu i działalności ś.p. prof.dr. Benedykta Dybowskiego. Łódź. 1930. S. 2–3; *Stonimski P.* Benedykt Dybowski (w 5-letnią rocznicę zgonu). Warszawa, 1935; *Trepka A.* Benedykt Dybowski. Katowice, 1979; *Ziembicki W.* Ś.p. Benedykt Dybowski. 1833–1930 (zyciorys). Lwów, 1930. S. 1–10.

го¹⁷. Исключение составляют работы белорусского исследователя Г.А. Винкевича, написавшего впервые на русском языке более или менее полную научную биографию Дыбовского, а также сборник материалов об ученом, посвященный 70-й годовщине его смерти¹⁸. Некоторые проблемы польского источникового наследия Б.И. Дыбовского отражены в статьях профессора Иркутского Государственного Университета Б.С. Шостаковича¹⁹. Выше уже отмечалось, что со времен открытия ученым богатой байкальской фауны ни одна работа, посвященная истории изучения моря-озера не обходила молчанием имя польского зоолога и его исследования фауны Байкала. Таким образом труды российских авторов о Байкале можно считать отдельной частью историографии работ о Б.И. Дыбовском²⁰.

¹⁷ См.: Дыбовский Б.И. // Энциклопедический словарь / Брокгауз, Ефрон. СПб., 1893. Т. 21. Стб. 299; Дыбовский Б.И. // Новый энциклопедический словарь / Брокгауз–Ефрон. СПб., 1914. Т. 17. Стб. 25; *Насонов Н., Сушкин П.* Записка об ученых трудах проф. Б.И. Дыбовского // Изв. АН СССР. Отд. физ.-мат. наук. 1928. № 8/10. С. 656; Дыбовский Б.И. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 866–867; *Берг Л.С.* Б.И. Дыбовский: (Некролог) // Природа. 1930. № 10. С. 1047–1048; Дыбовский Б. // БСЭ. 1931. Т. 23. Стб. 699; *Дьяконов А.М.* Бенедикт Дыбовский (1833–1930) // Природа. 1931. № 7. С. 712–715; Дыбовский Б.И. // Русские ботаники: Биографо-библиографический словарь. М., 1950. Т. 3. С. 224; Дыбовский Б.И. // БСЭ. 2-е изд. 1952. Т. 15. С. 322; Дыбовский Б.И. // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958. Т. 1. С. 324; Дыбовский Б.И. // БСЭ. 3-е изд. 1972. Т. 8. С. 558.

¹⁸ *Винкевич Г.А.* Б.И. Дыбовский: (Основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961; *Он же.* Выдающийся географ и путешественник. Минск: Наука и техника, 1965; Бенедикт Дыбовский / Под ред. О.М. Кожовой и Б.С. Шостаковича. Новосибирск: Наука, 2000.

¹⁹ *Шостакович Б.С.* К проблеме изучения и введения в научный оборот источникового наследия Б.И. Дыбовского // Советско-польский симпозиум “100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале”: Тез. докл. Иркутск, 1989. С. 65–67; *Он же.* О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.): Сб. науч. тр. Иркутск. 1989. Вып. 11. С. 6–25; *Он же.* Неопубликованная сибирская “дыбовскиана”: Обзор историко-гуманитарного наследия Б. Дыбовского, относящегося к Сибири // Байкал и естествознание за 100 лет: (К 100-летию исследований поляков на Байкале). Иркутск, 1993. С. 159–166.

²⁰ *Голенкова А.И.* Бенедикт Дыбовский // Следопыты Байкала. 2-е изд. Иркутск, 1986. С. 3–57; *Дорогостайская Е.В.* К истории исследования озера Байкал: О переписке Бенедикта Дыбовского с русскими учеными // Изв. ВГО. 1978. Т. 110, вып. 3. С. 269–273; *Кожов М.М.* Животный мир озера Байкал. Иркутск: ОГИЗ, 1947; *Он же.* Биология озера Байкал. М.: Изд-во АН СССР, 1962; *Он же.* Очерки по байкаловедению. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; *Лопатин Г.В.* О многолетнем колебании уровня озера Байкал // Докл. АН СССР. 1954. Т. 94, № 6. С. 1041–1043; *Здун В.И.* Коллекция байкальских моллюсков Бенедикта Дыбовского в Зоологическом музее Львовского уни-

Итак, в польской исторической науке жизнь и деятельность знаменитого зоолога раскрыта гораздо полнее и разностороннее, нежели в российской, которая целиком и полностью представляет ученого байкаловедом, не затрагивая другие стороны его научной работы. В настоящей книге введены в российский научный оборот архивные источники на польском языке, а также мемуары самого ученого, не говоря уже о монографиях польских авторов биографического плана. На наш взгляд это поможет российскому читателю создать полное представление о вкладе в исследование Сибири польского зоолога Бенедикта Дыбовского.

* * *

Бенедикт Тадеуш Наленч-Дыбовский (в России ученого называли Бенедиктом Ивановичем) принадлежал к великопольскому роду герба Наленч. Его прадед переселился в XVIII веке из Дыбова в Минскую губернию, где в имении Адамарин 30 апреля 1833 года родился третий из шести детей помещика Яна Дыбовского и его супруги Саломеи Пписецкой-Дыбовской, окрещенный Бенедиктом. Ребенок воспитывался в консервативной обстановке старопольских обычаев, в духе патриотизма и безграничной любви к поработенной родине. С детских лет мальчик обнаружил незаурядный интерес к естественным наукам: он собирал гербарии, приручал животных, держал аквариумы. Следует упомянуть, что естествоиспытателем-любителем был дядя Бенедикта со стороны отца, а двоюродный брат Ян в будущем стал профессором высшей сельскохозяйственной школы в Париже. Сначала мальчик получал домашнее образование под руководством учителя-француза, с детства говорил на четырех языках: русском, польском, немецком и французском. Во время учебы в Минской гимназии (1847–1853) юный Дыбовский проявлял большой интерес к географии и путешествиям, закалял и готовил себя к ним (спал в холодных помещениях, много гулял пешком, ездил верхом, плавал на лодке)²¹. Особенно его привлекали рассказы учителя географии Шабловского о кругосветных путешествиях через Сибирь Ф.П. Литке и А.Ф. Миддендорфа. В 1853 году двадца-

верситета // Вопросы малакологии Сибири: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. по изуч. пресноводных моллюсков Сибири. Томск, 1969. С. 68–72; *Россолимо Л.Л.* Б. Дыбовский и В. Годлевский на Байкале: К 100-летию научно-го байкаловедения, 1869–1969 // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 3. С. 119–123; *Овчинникова Т.Н.* Важный этап истории изучения Байкала во второй половине XIX в. // Жизнь земли: Сб. Музея земледования МГУ. 1963. Вып. 9. С. 211–223.

²¹ *Dybowski Wł.* Wspomnienia z lat dziecińczych // *Wszechświat*. Т. 22. S. 130–131.

титетний Бенедикт поступил на естественно-медицинский факультет университета в Дерпте (ныне эстонский город Тарту), где проучился до 1857 года. Именно в стенах Дерптского университета под влиянием преподававших там светил российской науки Дыбовский увлекся исследованием рыб, написал работу “О пресноводных рыбах Лифляндии” (1856), которая была удостоена золотой медали. В основу данного исследования молодой зоолог положил методику, выработанную академиком К.М. Бэр, с которым был знаком лично: изучение рыб не “академическим” способом, то есть не по высушенным или заспиртованным образцам, зачастую уже имевшим мало общего с живым видом, а вылавливание их из водоема специально для исследовательской работы. Впоследствии эта методика сослужила ему службу при изучении рыб Восточной Сибири. Кроме научной работы молодого зоолога волновали проблемы общественной и политической жизни. В 1853 году он с друзьями основал кружок “молочных братьев”. Молодые люди давали клятву воздержания от алкоголя (с алкоголизмом среди населения Дыбовский боролся всю свою жизнь). Ими было создано Патриотическое общество, которое путем морального возрождения стремилось вернуть польскому народу утраченную свободу. Однако в 1857 году за участие в дуэли в качестве секунданта Б.И. Дыбовский был исключен из Дерптского университета без права восстановления в каком-либо высшем учебном заведении Российской империи. Молодой ученый уезжает в Германию, поступает в университет в городе Бреслау (ныне польский город Вроцлав), где продолжает изучать медицину и зоологию, путешествует с одним из своих профессоров по Германии и на Адриатическое море. После окончания Вроцлавского университета в течение двух лет Дыбовский живет в Берлине, где собирает материал для написания работы на звание доктора медицины и хирургии “Рассуждение о партеногенезе”, которую успешно защищает в Берлинском университете 18 января 1860 года. Именно в этот период молодой естествоиспытатель знакомится с теорией Ч. Дарвина и становится на всю жизнь ее горячим сторонником. В 1861 году доктор Дыбовский возвращается в Дерпт, дабы нострифицировать свой диплом в России. Собирая материал для нострификационной работы “О карповых рыбах Лифляндии”, он мечтал о поездке на Мадагаскар в должности врача, где хотел заняться изучением малоизвестной фауны этого острова. Этим планам не суждено было сбыться. При подготовке к нострификации диплома, Дыбовский посетил зоологические музеи в Петербурге и Стокгольме, а 18 августа 1862 года получил русский диплом доктора медицины. В это же время молодой ученый активно принимал участие в деятельности подпольных пат-

риотических организаций, имевших цель освободить Польшу от чужеземного гнета. Он даже подвергся кратковременному аресту за организацию патриотической манифестации в виленском кафедральном соборе. После нострификации диплома Дыбовский получил предложение от Ягеллонского университета в Кракове возглавить кафедру зоологии, однако австрийский министр просвещения Шверлинг не утвердил кандидатуры “политически неблагонадежного” молодого ученого. Вскоре Бенедикт Иванович получает второе предложение – должность адъюнкт-профессора на кафедре зоологии при Варшавской Главной Школе и принимает его. Осенью 1862 года 29-летний ученый приезжает в Варшаву и вступает в должность, одновременно становясь членом Виленского тайного общества. С его подпольной деятельностью в качестве комиссара этой организации связаны были многочисленные поездки Дыбовского совместно с Зыгмунтом Сераковским в Вильно, Житомир, Киев, Краков для связи с отрядами повстанцев. Неполные два года в Варшаве (1862–1864) прошли для Бенедикта Ивановича в чтении лекций, занятиях научной работой и подпольной политической деятельностью. В этот период происходит знакомство и сотрудничество с хранителем зоологического кабинета в Варшаве, знаменитым польским орнитологом Владиславом Тачановским. Ввиду набиравшего силу польского восстания все профессора Варшавской Главной Школы высказали лояльность по отношению к властям. Например, профессор анатомии человека Людвик Гиршфельд так обратился к своим студентам: “Отчизна – хорошая вещь, но и анатомия тоже”²². Дыбовский разрешил собрание секретарей отделов Центрального национального комитета в кабинете зоологического музея, которым он руководил, а также на своей варшавской квартире. Имеющиеся у него документы, касающиеся тайной повстанческой организации и списки лиц, принадлежащих к ней, ученый сначала зашил в чучела, находящиеся в зоологическом музее, а затем, опасаясь обыска, сложил в ящик, который затопил в пруду, расположенном позади Казимировского дворца в Варшаве. В феврале 1864 года Дыбовский был арестован и заключен в Варшавскую цитадель. Сначала ему вынесли смертный приговор, однако благодаря заступничеству ученых К. Рейхерта и Э. Грубе, он был заменен ссылкой в Сибирь в каторжные работы на 12 лет. Обвинительный приговор гласил:

“За дозволение секретарям высших революционных властей в Варшаве собираться в аудитории Дыбовского, лишен

²² *Dybowski B. Pamiętnik... S. VII.*

всех прав состояния и сослан в каторжную работу на двенадцать лет”²³.

10 августа 1864 года ученый вместе с пятьюдесятью участниками восстания был отправлен из Варшавы в Сибирь. На вокзале друзья вручили ему сверток с несколькими научными книгами, лупой, микроскопом, хирургическими инструментами и маленькой аптечкой. Один из них, Антоний Валецкий, хранитель минералогического кабинета, побывавший в сибирской ссылке, напутствовал Дыбовского: “Сила воли победит все”²⁴. Эти слова стали для ученого своего рода девизом как в жизни, так и в науке.

Конечным пунктом назначения, куда отправлены были польские повстанцы, стало Забайкалье, а точнее находящийся на его территории Нерчинский горный округ, где в многочисленных рудниках отбывали наказание десятки тысяч заключенных. Это путешествие длиной в 8000 километров Дыбовский и его товарищи преодолевали самыми различными способами – от езды в кибитках до пешей ходьбы. Уже на этом пути ученый ставит перед собой задачу изучить совершенно неизвестную науке природу Сибири. По дороге (например, при переправе через Ангару), Дыбовский собирал речные раковины и пришел к выводу об отличии их от европейских. В течение нескольких месяцев пребывания в Иркутской тюрьме перед отправкой в Забайкалье, ученый не терял времени даром. Он узнал, что секретарем СОИРГО в Иркутске – зоолог Ричард Маак, его коллега по Дерптскому университету. От него Дыбовскому удалось получить несколько научных книг о Сибири, среди них книгу Густава Радде о Байкале.

В 1855 году Радде посетил Байкал в составе Сибирской экспедиции Российской академии наук и писал об убогости фауны моря-озера. В науке того времени прочно закрепилось мнение, что фауна Восточной Сибири идентична европейской. Дыбовский уже с первых шагов своих научных изысканий, находясь в тюремной камере в Иркутске, пришел к выводу об ошибочности этой точки зрения, как и постулата Г. Радде об убогости байкальской фауны. Первым сибирским видом, попавшим в руки ученого, был сибирский глухарь, купленный на кухню одним из ссыльных. Дыбовский попросил его шкурку и увидев отличие этой формы от европейской, выслал ее через Р. Маака в Варшавский зоологический кабинет В. Тачановскому. Вскоре им были добыты шкурки тетерева и сороки, эти восточносибирские птицы имели значительные видовые отличия от европейских.

²³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 74.

²⁴ Цит. по: *Dyakowski B. Badacz...* S. 16.

Следует отметить, что фауна Восточной Сибири до времени прибытия Б.И. Дыбовского была частично описана Петром-Симоном Палласом, пробывшем в составе экспедиции в Забайкалье с 1771 по 1773 годы. Многие открытые им виды животных носили его имя. В частности, он описал около 60 видов птиц, 14 видов рыб, сибирскую косулю, полярную пищуху, монгольского зайца, горного волка и др. в своем капитальном труде “Путешествие по разным провинциям Российской империи”, где, в частности, отметил:

“Начиная с Урала до самого Байкала я не собрал нигде столько замечательных произведений природы, сколько в одной Даурии, нигде эти произведения не были в таком обилии и совершенстве, как в Даурии и в нагорной стороне за Байкалом”²⁵.

Дыбовский, несомненно, читал эти строки знаменитого путешественника и еще до прибытия в Даурию восхищался ею. Забайкалью, можно сказать, повезло: здесь надолго поселился талантливый польский зоолог, на месте изучающий и описывающий представителей местной фауны. Впервые в истории Даурии были предприняты столь серьезные и масштабные исследования такого рода.

30 марта 1865 года Бенедикт Дыбовский прибыл в селение Сивяково, расположенное вблизи столицы Забайкалья – Читы, на реке Ингоде²⁶. Здесь изолированно были размещены и отбывали каторгу польские повстанцы (1863–1864). Дыбовский вместе со своими товарищами по ссылке Марианом Дубецким (учителем истории и литературы) и Станиславом Кетлинским (в прошлом юристом) покупает у местных рабочих в Сивяково маленькую землянку, имевшую три метра в ширину и столько же в длину, с двумя крошечными окнами. Друзья поселяются в ней, назвав эту обитель “спокойным уголком для научных занятий”. Вскоре ссыльные своими руками пристроили к землянке веранду и разбили перед ней небольшой садик, в котором Дыбовский посадил цветы, выкопанные в поле, а также березы и лиственницы. Ссыльные польские повстанцы обязаны были ежедневно выходить на принудительные работы, которые подразделялись на две категории: общественные и казенные. К первым относились:

²⁵ Цит. по: Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетней деятельности императорского Русского географического общества в торжественном собрании Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества 21 января 1896 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. 1897. Вып. II. С. 125.

²⁶ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 4 (т). Д. 64. Л. 40–41.

привоз дерева из леса, привоз воды из реки Ингоды, чистка дворов тюремных казарм, разжигание огня в банях, пекарнях и пр., собирание на полях и лугах “мангира” – дикого забайкальского чеснока для больных цингой. Ко второму виду работ относилось кузнечное, столярное и слесарное дело, сюда привлекались профессионалы из числа ссыльных. Люди работали с утра до наступления темноты, невыполнение установленной нормы каралось замыканием на ночь без пищи в “каталашке”.

Б.И. Дыбовский совместно со своим коллегой по Дерптскому университету Леоном Домбровским, выполнял следующие виды работ: очистку от бревен берегов Ингоды, привоз дров из леса, собирание “мангира” и дикого лука. Летом Дыбовский охотно вызывался вытягивать бревна из Ингоды, имея, таким образом возможность ловли и изучения рыб и раков этой реки. Ученый смастерил удочку и с ее помощью поймал рыбу, оказавшуюся доселе неизвестной науке, назвав ее в честь своего друга “*Phoxinus Lagowskii*”. В Ингоде также был пойман новый вид рака, названный “*Astacus dahuricus*” – “рак даурский”. Рисунки открытых Дыбовским видов выполнял ссыльный швейцарец Альфонс Парвекс. Во время работ в лесу ученый собирал цветущие растения для гербария и для пересадки в собственный садик, ловил насекомых, а однажды под старым пнем обнаружил новый вид тритона с длинным хвостом, названного им “*Salamandrella Keyserlingii*”. Во время собирания дикого чеснока и лука Дыбовский небольшим сачком ловил бабочек, в чем ему помогала “галицийская молодежь” – совсем еще юные ссыльные. Пойманные экземпляры бабочек, пауков и других насекомых ученый тщательно укладывал в бумагу или специальные бутылочки для последующей пересылки. Спустя десятки лет в переписке с М. Дубецким Дыбовский с любовью вспоминает те дни²⁷. Кроме того, в качестве врача ученый оказывал безвозмездную медицинскую помощь как местному населению, так и ссыльным товарищам. В своем “Дневнике” Дыбовский писал:

“Интеллигенция жаждала работы над самим собою, дабы каждый, вернувшись в отечество, был бы средоточием прогресса, проповедуя благородство, братскую любовь и согласие всех сословий”²⁸.

Создав своего рода “исследовательскую группу”, состоящую из ссыльных товарищей: Виктора Годлевского, Альфонса Парвекса и Александра Чекановского, Б.И. Дыбовский решает искать покровительства для своей научной работы у военного губерна-

²⁷ ВJ. Sign. 10113. К. 99–100, 106–107.

²⁸ *Dybowski B. Pamiętnik...* S. 94.

тора Забайкальской области генерал-майора Николая Петровича Дитмара, весьма лояльно настроенного по отношению к ссыльным полякам. К тому же адъютантом губернатора был дальний родственник Бенедикта Ивановича – Бронислав Славинский. Добившись позволения посетить Читу – столицу Забайкальской области и местопребывание военного губернатора, Б.И. Дыбовский в сопровождении конвойного казака осенью 1865 года отправился в путь. Чита произвела на ученого грустное впечатление:

“Грязные неухоженные улицы, нигде не видать даже деревца, каждый порыв ветра поднимает облака пыли – печальное место”²⁹.

Надежды Б.И. Дыбовского на продолжение научной деятельности были связаны прежде всего с проектом генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, предполагавшим использование политических ссыльных при освоении территории Забайкалья. Одним из пунктов данного проекта являлась постройка курорта на Дарасунском минеральном источнике в долине реки Туры, в 160-ти верстах к востоку от Читы. Для здравницы нужен был врач, а эта должность давала бы Дыбовскому возможность научных исследований в интересной и малоизученной местности. Но сначала Дыбовскому удалось добиться для себя и своих товарищей разрешения на переезд в Читу, что означало для них конец каторжных работ.

Возвратившись в Сивяково, он начинает готовиться к переезду. В это время его посетил крестьянин из соседней деревни Ключевской и в знак благодарности за лечение дочери подарил ученому редкие четыре экземпляра бурундука (*Tamias Pallasi*) и рассказал об их жизни и повадках (впоследствии Дыбовский мечтал акклиматизировать этих животных в польских Татрах). Ученый решает их препарировать и чучела преподнести в дар генерал-губернатору М.С. Корсакову. Альфонс Парвекс создал настоящее произведение искусства, могущее украсить любой светский салон: бурундуки в разных позах на снежном фоне с лиственничными и пихтовыми шишками и сухой травой размещались на подставке с резными ножками под стеклянным колпаком.

Сложив свои пожитки на воз, Дыбовский, Годлевский, Парвекс и Чекановский пешком отправились в Читу. Политических ссыльных поместили в комнате, прилегающей к помещению городской стражи. По воспоминаниям ученого, вся обстановка маленькой комнаты состояла из деревянного стола и нескольких табуретов, ссыльные спали прямо на полу, подстелив войлок и укрывшись мехом. Помещение плохо протапливалось, и от наступивших в Забайкалье холодов они спасались как можно более ча-

²⁹ Ibid. S. 99.

стым питьем горячего чая. “*Per aspera ad astra*”, – “сквозь тернии к звездам”, – сказал тогда Дыбовский своим товарищам. Обхождение со стороны охраны было довольно гуманным, а непосредственный начальник полковник Марков сказал солдатам, что перед ними “преступники, но люди ученые”, просил относиться к ним уважительно и выполнять все просьбы.

Вскоре по приезде в Читу Б.И. Дыбовскому удастся встретиться с супругой военного губернатора Забайкальской области Александрой Романовной Дитмар (урожденной фон Розен). Она великолепно говорила по-польски и принимала живое участие в судьбе польских повстанцев. Ученый показал ей выполненные Парвексом чучела бурундуков и рассказал о своих фаунистических исследованиях. Б.И. Дыбовский рассчитывал хотя бы на минимальную финансовую поддержку своих научных изысканий. Однако правительственный проект научного и культурного развития Забайкалья не предусматривал выделение на это финансовых средств. Все должно было осуществляться “местными силами”, а таковыми являлись политические ссыльные. В Петербурге надеялись, что Забайкалье сможет самостоятельно, без центральной поддержки выйти на должный экономический и культурный уровень и, более того, стать плацдармом для освоения недавно присоединенного к России по Айгунскому договору Приамурья³⁰. По выражению Б.И. Дыбовского, ему оставалось только начать научную работу “собственными силами и средствами, а точнее без всяких средств”. Однако сочувственная помощь не заставила себя долго ждать. Хотя ученый лечил своих читинских пациентов бесплатно и считал это долгом врача, благодарные больные собрали для него сумму в 200 рублей серебром, весьма значительную по тем временам, а офицеры, служащие при военном губернаторе, подарили с разрешения последнего охотничьи ружья, необходимые для добывания экземпляров животных и птиц.

Постепенно “Дарасунский проект” становился все более и более реален, из Петербурга прибыл химик, определивший состав дарасунских минеральных вод (щелочно-железисто-углекислые и щелочно-солено-углекислые). На Дарасун, “забайкальский Карлсбад”, Б.И. Дыбовский возлагал большие надежды. Весьма интересным для него, как врача, было влияние данных вод на течение различных заболеваний. Доктор с европейским образованием

³⁰ Константинов М.В., Константинова Н.Н. “Быть во владении Российского государства” – формирование и охрана забайкальской границы // История и основные этапы становления государственной границы в Восточной Сибири: Забайкалье, перспективы укрепления государственной границы на забайкальском направлении: Воен.-ист. конф., посвящ. 70-летию Краснознаменного регионального управления ФПС России. Чита, 2000. С. 23–27.

скоро приобрел большую популярность в Забайкалье, к нему за советом и помощью обращались как члены семьи военного губернатора, так и простые крестьяне.

Судьба Б.И. Дыбовского и его товарищей по ссылке окончательно должна была решиться после приезда в Читу генерал-губернатора Восточной Сибири Михаила Семеновича Корсакова. Ученый встретился с ним лично, показал собранную коллекцию забайкальской фауны и просил о разрешении бесплатной высылки в будущем таковой в Варшаву для определения (так как необходимой литературы для этого под рукой не было), а также о предоставлении возможности поездок на дальние расстояния для фаунистических исследований на реки Ингоду и Онон. Корсаков дал согласие и, пожелав ссыльному зоологу получить хорошие результаты в работе, подал ему руку на прощание. Такое отношение со стороны “начальника края” было весьма неожиданно и многообещающе.

Перед отъездом в Дарасун Б.И. Дыбовский получил в подарок от читинских знакомых несколько учебников по медицине, а офицер барон И.В. Корф подарил ему книгу о европейских муравьях. Один из офицеров, покидающий Читу, отдал Дыбовскому свою мебель. Весной 1866 года четверо ссыльных, упаковав вещи на два воза, пешком отправились в Дарасун. В своем “Дневнике” ученый вспоминал:

“Настроение наше было вообще веселое, мы входили в новый, “полусвободный” период своей жизни, с прекрасными надеждами на успех нашей работы”³¹. “Необходимо иметь перед собою высокую цель и всеми силами стараться ее реализовать”, – говорил Дыбовский своим товарищами³².

Во время остановки в одной из казацких станиц на реке Онон, ученый попросил хозяина дома показать ему рыбу, которую тот ловил неводом. В неводе казака оказались неизвестные доселе науке виды, часть из которых Дыбовский назвал именами своих друзей: *Ladislavia Taczanowskii*, *Idus Waleckii*, *Phoxinus Łagowskii*, *Phoxinus Czekanowskii*, *Phoxinus Jelskii*, *Micraspius Mianowskii*. Один из видов рыб зоолог хотел назвать именем хозяина-казака, но забыв его, назвал бурятским именем *Coregonus chadary* (следует сказать, что Дыбовский в своих систематических списках животных всегда приводил местное, бурятское либо тунгусское название определенного им вида). В этой же станице ученому с помощью местных жителей удалось получить экземпляр нового для науки вида крота, называемого местными жителями “медведкой”, который вошел в науку под названием *Spalax Dybowskii Czerskii*.

³¹ *Dykowski B. Pamiętnik... S. 149.*

³² *Ibid. S. 132.*

Весной 1866 года начался новый период жизни польского ученого в Дарасуне. Ссылных поселили в двух комнатах дома, принадлежавшего семье казака. В убогой деревеньке Дарасун было в то время всего шесть дворов, а “курорт” представлял из себя избушку с несколькими ваннами и котлом для подогрева воды да беседки, построенной над источником. Эту деревушку правительство руками ссылных намеревалось превратить в “сибирский Карлсбад”. Всего в 10–15 верстах от Дарасуна находились бурятские кочевья, и это дало возможность Б.И. Дыбовскому близко познакомиться с культурой этого народа, которому он посвятил целую главу в своих мемуарах и даже составил словарь бурятского языка.

Ученый, верхом на коне, объезжал окрестности Дарасуна, приходя на помощь местным жителям, одновременно узнавал у них интересующие его сведения о животном мире этого региона. Крестьяне села Бальзина показали ему древние могилы, обложенные камнем, оставшиеся после неведомых кочевников, Дыбовский просил Парвекса выполнить их рисунки, которые и отослал в Варшаву знаменитому ориенталисту профессору О.М. Ковалевскому. Охотясь в местах, указанных местными жителями, ученому вскоре удалось добыть и описать экземпляры полярной совы (*Nyctea* L.), чечотки (*Acanthis linaria* L. var. *innominata* Dybowski), крестоклюва (*Loxia bifasciata* Brehm). Дыбовский выработал собственную методику препарирования, консервирования и обозначения зоологических видов, согласованные с В. Тачановским, которому и отправлялись в Варшаву добытые экземпляры. Схема описания птиц была следующая: вес, общая длина, размах крыльев, расстояние от кончика крыла до конца хвоста, цвет глаз, пол. Каждое изготовленное чучело птицы имело внизу приклеенную карточку, где и были обозначены результаты измерений. Пол птицы обозначался лентой: черного цвета для самок, красного – для самцов, молодые особи обозначались белой лентой. Что касается методики описания представителей млекопитающих, то Б.И. Дыбовский применял следующие характеристики: вес, общая длина; длина головы, шеи, туловища, хвоста; ширина тела спереди, ширина тела сзади; окружность головы, груди, тела в области желудка; длина уха³³. Что же касается методики препарирования и консервации, то здесь Дыбовский использовал такую, заимствованную у знакомого охотника, некоего Бересневича, которая основывалась на посыпании свежеснятой шкуры солью, смешанной с квасцами.

Выше уже упоминалось, что совсем близко от Дарасуна находились кочевья бурят, их культура и быт, а также способы охоты

³³ Ibid. S. 173.

весьма интересовали Бенедикта Ивановича. Кроме того, буряты разводили кабаргу, самцы которой выделяют особую жидкость, называемую “кабаргиной струей”, используемую забайкальцами как панацея от всех болезней. Дыбовский вместе с переводчиком из Дарасуна отправился в юрту бурята Татаурова, у которого купил три особи кабарги (одну он отослал в Варшавский музей, а две других – лично В. Тачановскому). Столь “популярное” в Забайкалье животное, как кабарга, совершенно было неизвестно в Европе, поэтому Дыбовский подробно собирал о нем информацию у местных охотников. Описание этого животного представляет собою яркий пример того, насколько ценным материалом располагал ученый. Приведем здесь описание забайкальской кабарги, составленное Дыбовским (все вновь открытые им даурские виды описывались аналогично). Итак:

“Спаривание кабарги происходит осенью, как и у косуль, самцы борются друг с другом, после окончания брачного периода живут поодиночке. Самки рожают в мае одного или двух ягнят, в это время они стараются держаться в чаще, в горных долинах, пока ягнята малы, матери приходят к ним и тогда-то на них охотятся, изображая писк ягненка при помощи пластины из березовой коры. Самки очень привязаны к ягнятам, найдя его всегда встретишь и мать. Кормом для кабарги зимой служит в основном хвоя кедра и сосны, а летом – лиственницы, кроме того, поедают листья различных кустарников. Молодые кедровые они объедают от верхушки и тем самым приносят им ущерб, также как лоси – сосновым лесам. С появлением летом слепней (*Tabanus* L.) кабарга убегает высоко в горы и ее шкура не бывает так продырявлена насекомыми, как шкуры косуль, оленей и лосей. Кабарга глупее косули, но, как и последняя, имеет слабое зрение и прекрасные обоняние и слух... Она весьма любознательна и если рубят лес, то услышав шум должна во что бы то ни стало узнать о том, что происходит. Зная об этом, охотники ставят капканы у срубленных кедровых веток либо у целого срубленного кедра, и в эти ловушки она чаще всего и попадает. Размеры кабарги меньше, чем сибирской косули (*Capreolus pygargus* Pall.). Длина тела 1150 мм, высота в холке 420 мм. У самцов на животе за пупком находится сумкообразная железа, вмещающая в себя жидкость с сильным запахом – струю. Свежая струя мягкая, как жирная мазь, в высушенном же виде – хрупкая и твердая. Жители Забайкалья разрезают ее ножом и заливают теплым чаем. Вес струи составляет около 50 грамм”³⁴.

³⁴ Ibid. S. 171–172.

Дыбовский посетил Алханайские горы в сопровождении бурята-проводника, где ему удалось добыть новый вид горной куропатки (*Magaloperdix*), отличную от известной доселе алтайской.

Большую часть осени 1866 года Б.И. Дыбовский провел в долине реки Онон, куда он отправился в сопровождении молодого забайкальского казака, родом из Акши. Здесь он оказывал бесплатную медицинскую помощь местному населению, собирал информацию о животном мире южной части Забайкалья, охотился и приобретал экземпляры новых видов млекопитающих, рыб и птиц (среди них оказывалось немало форм, описанных ранее П.-С. Палласом). В частности, коллекция Дыбовского пополнилась следующими экземплярами: островным зайцем – толаем (*Lepus tolai*), сибирским филином (*Bubo sibiricus*), голубой сорокой (*Cyanopolius cyanus* *Corvus cyanus* Pall.), куропаткой (*Perdix barbata* Verr.), антилопой-дзерен (*Antilope gutturosa* Pall.), джегетаем (*Equus hemionus* Pall.), каменным сомом (*Bagrus dahuricus*); а также вновь открытым видом рыбы (упоминавшимся выше), называемым в Даурии “чебаком” (*Idus Waleckii Dybowskii*). Все эти экземпляры были отправлены В. Тачановскому в Варшаву, однако, по причине далеких расстояний часто случалось так, что уже кто-то другой из европейских ученых публиковал описание данного вида. Так произошло, например, с вновь открытым Дыбовским черным воробьем (*Fringila arctoa*). Пока длилась пересылка в Варшаву, данный вид в 1868 году был описан профессором Сальвадори под названием *Leucosticte Giglioli*.

В сопровождении местных охотников-казаков Б.И. Дыбовский посещает казацкие станицы Акшу, Кирпичную, Или, Устилу, Карлуцкую. Казак из станицы Чиданту, великолепный охотник, рассказывал ученому о местных способах охоты на различных животных, его рассказы подробно записывались Дыбовским и представляют большой интерес для натуралиста. Приведем здесь одно из интереснейших описаний охоты на антилопу-дзерена:

“Осенью дзерены собираются в огромные стада, насчитывающие несколько сотен особей. Растительность к этому времени высыхает и приобретает цвет созревшего овса, степь выглядит тогда одинаково, как поросшее пшеницей поле, высота травы достигает 80 см. Проходя по ней, стадо дзеренов только головами выступает над поверхностью. В некоторых частях степи стада пребывают дольше: охотники выезжают на них верхом, шеренгами, по два или три наездника в каждой. Средний наездник всегда без оружия, он ведет боковых коней. Доехав до стада, охотники следуют параллельно ему, стараясь обогнать его; когда это понимают вожаки стада, то замедля-

ют бег и, давая обогнать, держатся линии, по которой ехали охотники, идя по их следам. Вот в таких местах, где предвидится поворот стада в направлении охотников, боковые ездки спешиваются по очереди и остаются в густой траве без движений, другие едут дальше, не останавливаясь. Если все хорошо обдумано, все стадо попадает под выстрелы спрятавшихся в густой траве наездников и тогда начинается канонада, по ее окончании собирают туши, а раненых особей добивают”³⁵.

По возвращении в Дарасун Б.И. Дыбовский занялся систематизацией и упорядочением своей коллекции. Ссылный товарищ Станислав Кетлинский своими руками выстроил в Дарасуне домик, левое крыло которого и занял Бенедикт Иванович – здесь находилась его комната и “амбулатория” для приема больных. Под влиянием Дыбовского естественнонаучными изысканиями занимались и товарищи по ссылке: А.И. Чекановский определял муравьев, найденных им в муравейниках под снегом; В.А. Годлевский помогал Бенедикту Ивановичу в измерениях птиц и млекопитающих, систематизировал коллекции; Владислав Ксенжопольский препарировал птичьи шкурки, собирал гербарий, вел метеорологический журнал (даже новый вид найденного им рододендрона в горах Хамар-Дабан был назван *Rhododendron Książepolskii*), художник Станислав Вронский рисовал иллюстрации к работе Дыбовского “О рыбах системы вод Байкала и Амура”³⁶. В прошлом учитель истории, Мариан Дубецкий, заинтересовался находящейся недалеко от Дарасуна бурятской святыней – Агинским дацаном, посетил и описал его. Как упоминалось выше, Дыбовский также не обошел своим вниманием забайкальских бурят (“братских” на сибирском наречии), часто посещая их кочевья в качестве врача. В данный период главными целителями как бурятского, так и русского населения были ламы, в то время как военные врачи пользовались крайне дурной славой и люди не доверяли традиционной медицине. Б.И. Дыбовскому пришлось приложить немало усилий, чтобы показать своим пациентам силу научного медицинского знания, его вызывали за сотни верст и он всегда приходил на помощь людям. В основном бурятское население было подвержено заболеваниям глаз, хотя Дыбовский отмечал, что в целом оно здорово и выносливо. Ученый произвел некоторые антропологические измерения бурятских женщин и пришел

³⁵ Ibid. S. 192–193.

³⁶ *Dybowski B. Wiktor Godlewski: Wspomnienie pośmiertne // Kosmos. Lwów. 1900. N 25. S. 690–692; Idem. Wspomnienia z przeszłości półwiekowij. Lwów, 1913. S. 103–104; Дыбовский Б.И. Автобиография // Фауна Байкала: 50 лет ВСОИРГО, 1851–1901: Юбил. сб. Киев, 1901. Вып. 1. С. 1–12.*

к выводу, что ширина таза у последних больше, чем у сибирячек русского происхождения, таким образом, у буряток реже встречаются осложнения при родах. Весьма интересовали Б.И. Дыбовского предания и язык бурят. В своем “Дневнике” он писал:

“Общаясь с бурятами, я желал выучить их язык, чтобы разговаривать с ними без переводчика. С самого начала записывал слова, фразы, даже целые рассказы. По моему мнению язык каждого народа выражает его душу, чтобы узнать последнюю, необходимо знать первый... Как по внешнему виду человека антрополог знает наперед, каковы его руки и ноги, так и лингвист, соответственно образованный, зная язык данного народа, может описать его душу... Я записывал весьма интересные легенды о животных, птицах, насекомых, в особенности интересны были “сказки” о филине, белом журавле, лебеде и т.д. Обращаю внимание на эти легенды будущих исследователей, которые когда-нибудь посетят те края”³⁷.

Проезжая по территории Агинской степи, он записывал бурятские названия тамошней растительности: нархун (сосна), хухун (белая береза), шинху (лиственница). Дыбовский видел в бурятах кочевой прошлое собственного народа и считал их “нашими прародителями в чувствах, мыслях, мировоззрении”. Приезжая в бурятское кочевье, он всегда привозил подарки: кирпичный чай, конфеты, а для мужчин – табак. Общение всегда было искренним и доверительным.

В своих воспоминаниях ученый подробно описывает строение бурятской юрты, одежду и украшения кочевников, популярные национальные блюда и даже особенности ухода за младенцами. Однако, его возмущал обычай оставления покойников в голой степи в месте, указанном ламой. Как правило, такой труп уничтожался дикими животными. Б.И. Дыбовский по поручению музея в Иркутске собирал для него черепа бурят и, узнав, что покойника увезли в степь, спешил туда, однако зачастую на месте “погребения” уже ничего не оставалось. Ученый выступил перед военным губернатором Н.П. Дитмаром с проектом погребения усопших бурят на огороженных кладбищах, но он осуществился лишь спустя многие годы.

Помимо коллекторских работ в Дарасуне, Дыбовский занимался курацией больных, приехавших на дарасунские минеральные воды. Для отдыхающих детей товарищ ученого, В. Годлевский, собственными руками сделал качели и карусели, а для их родителей рядом были поставлены скамеечки. Кроме того, дети охотно играли с прирученным Дыбовским даурским журавлем.

³⁷ *Dybowski B. Pamiętnik... S. 244, 247.*

Между ссыльными поляками и гостями курорта установились отношения, напомиравшие большую дружную семью. Пребывание в Дарасуне талантливового врача сделало этот вновь созданный курорт популярным во всей Восточной Сибири. Несмотря на то, что Дыбовский всегда бесплатно оказывал медицинскую помощь больным, его пациенты посильно помогали ему в его фаунистических исследованиях как вещами (ружья, палатки), так и деньгами. Особенно авторитет врача возрос осенью 1866 года, когда в Чите разразилась эпидемия скарлатины. Ламы, привлеченные к лечению населения, давали столь нелепые советы (например, принятие холодных ванн), что многие пациенты погибли от их безграмотности. Дыбовский выехал в Читу и применял симптоматическое лечение, а также использовал порошок хинина, который и сам применял, если был болен.

Двухлетнее пребывание ученого в Дарасуне проходило в постоянных “малых экспедициях” в ближайшие окрестности. Однажды он вместе с товарищами выехал в Алханайские горы, но уже с первого ночлега был возвращен в Дарасун распоряжением из Иркутска, в котором местным властям приказывалось заковать ссыльных в кандалы, отобрать ружья и обыскать квартиры. Однако тактичность местной администрации и покровительство супруги военного губернатора Дитмара спасло ученого и его товарищей. Ни один из пунктов инструкции не был выполнен: присланные кандалы сложили на складе. Этот случай, описанный самим Дыбовским, красноречиво характеризует всю систему каторги и ссылки в тогдашней Российской империи, где неизменно действовало правило: “До Бога высоко, до царя далеко” и местная власть могла поступать по своему усмотрению, несмотря на инструкции сверху. В последующем Дыбовскому в его научных поездках по Забайкальи препятствий не чинили.

Весьма плодотворным для Бенедикта Ивановича было путешествие в феврале 1868 года на горячие Киринские минеральные воды, находящиеся недалеко от Акши, на юге Забайкальской области. Окрестности этого источника, поросшие густым лесом, были местом обитания многих видов даурских птиц. Б.И. Дыбовскому удалось определить следующие: сойку Брандта (*Garrulus Brandti*), сойку сибирскую (*Perisoreus infaustus sibiricus*), ореховку (*Nucifraga*), сибирского ворона (*Corvus corax sibiricus*), дятла большого (*Picus major*), дятла малого (*Picus minor*), дятла седого (*Gecinus canus*), синицу бедную (*Poecilia palustris macroura*), синицу богатую (*Parus major*), крестоклюва двуполового (*Loxia bifasciata*).

Зная, что Киринские минеральные воды до сих пор не подвергались бальнеологическому исследованию, Дыбовский путем ки-

пячения десяти бутылок минеральной воды получил две и этот раствор с высоким содержанием солей отправил на химический анализ в Иркутск. Кроме того, ученый любил закаливание: он купался в воде, температура которой была +30 °С, в то время как внешняя температура воздуха достигала всего – 10 °С.

Б.И. Дыбовский был гостем знаменитых в Забайкалье золотопромышленников и коммерсантов, большинство из них прибегало к его врачебной помощи. Эти поистине “хозяева Даурии” считали за честь пожать руку скромного польского ссыльного – неутомимого исследователя. Дыбовский посетил золотопромышленников М.Д. Бутина и С.А. Шумова, владельца золотых приисков полковника И.М. Буйвида, но особенно плодотворными для ученого были поездки на фермы, принадлежавшие Я.Я. Истоми-ну, расположенные недалеко от реки Онон близ Акши. Здесь в большом количестве разводились тибетские яки (*Bos grunniens*), а также овцы-мериносы. Тибетский як использовался в Забайкалье для верховой езды и перевозки грузов. Б.И. Дыбовский, описав этих животных, пришел к выводу, что не только для Сибири, но и для европейских стран (в частности, Польши) было бы экономически выгоднее разведение яков, нежели коней и мелкого скота. В последующем он обращался с этим проектом как к российскому правительству, так и к частным лицам (например, к польскому магнату графу К. Браницкому), но это смелое новаторское предложение осталось без ответа. На фермах Я.Я. Истомина интерес ученого вызвали стада овец, представляющие собой гибрид меринуса и монгольской курдючной, выносливые в суровую забайкальскую зиму и живущие на подножном корме. Б.И. Дыбовский описал эту расу под названием “истоминской”.

Работа по сбору коллекций шла весьма плодотворно. Каждую неделю посылка весом не менее пуда уходила в Читу, а затем в Иркутск и Варшаву. Дыбовский писал:

“Верные научной работе, мы проводили жизнь в постоянных занятиях. Вместе измеряли птиц, обрабатывали их описание и способ гнездования, всю информацию собрали для 54 видов. В этом нам помогали все друзья, а также знакомые местные жители и этой помощи мы обязаны результатом”³⁸.

Результаты эти были впечатляющи, но уже в то время неоднозначны. Дело в том, что существовала значительная разница во взглядах между Б.И. Дыбовским и В. Тачановским. Первый стоял на позициях эволюционной теории Ч. Дарвина, тогда как последний настаивал на постоянстве видов и был верен школе К. Линнея. Систематические списки видов животных, собранных Дыбовским,

³⁸ Ibid. S. 262.

проходили через своеобразный “фильтр” устаревших взглядов. Многие из предложенных ученым названий впервые описанных им животных не были приняты В. Тачановским. Так произошло, например, с глухарем *Tetrao Tyzenhauzii*, тетеревом *Tetrao Wagij*, дрофой *Otis Taczanowskii* (названия даны по Б.И. Дыбовскому). Когда ученый прислал В. Тачановскому экземпляр дрофы, весьма отличающейся от европейской, назвав ее *Otis Taczanowskii*, то последний долго сомневался, новая ли перед ним форма, затем послал этот экземпляр в Париж на съезд орнитологов с просьбой описать, но в конце концов описал ее сам, присвоив имя дрофы Дыбовского (*Otis Dybowski*). Б.И. Дыбовский писал:

“Вера Тачановского в догматы зоологии Линнея была причиной ошибок, которые он делал в систематике птиц северной части Азии. Что бы только я не отдал за то, чтобы убедить Тачановского в необходимости использования в работе натуралиста принципов эволюционизма; напрасны были мои усилия в данной области, они позднее чаще вызывали споры, чем привели Тачановского к более четкому пониманию природы”³⁹.

Результатом орнитологических исследований Б.И. Дыбовского в Забайкалье стала коллекция, состоящая из 150 видов птиц (общее число экземпляров – 500). Кроме того, он собрал несколько десятков видов млекопитающих, земноводных, змей. Немало трудностей встретил Б.И. Дыбовский при определении коллекций рыб рек Ингоды и Онона. Ученый решил выполнить рисунки всех видов, в этом ему помогали В. Годлевский (при помощи ихтиометра создававший контуры) и А. Парвекс (выполнявший рисунок начисто). Всего Б.И. Дыбовский описал 42 экземпляра рыб Ингоды и Онона, включающие 26 видов (из них 16 ученый описал как новые: 12 видов и 4 разновидности). Однако знаменитый ихтиолог, в последующем академик Л.С. Берг признал новыми видами лишь следующие: *Cottus haitei*, *Phoxinus Lagowskii*, *Phoxinus Czekanowskii*, *Idus Waleckii*, *Ladislavia Tacznowskii*, *Coregonus chadary*, *Thymullus Grubii*, *Esox Reichertii*, *Cobitis Toni*. Что же касается остальных форм, то *Cottus Szanaga* Берг признал разновидностью *Cottus poecilopus*, *Phoxinus Jelskii* за разновидность *Phoxinus Czekanowskii*, *Micraspius Mianowskii* считал *Pseudorasbora*, *Petromyzon Reissneri* и *Ernstii* считал разновидностью *Petromyzon fluviatilis* и *Petromyzon Planeri*. Б.И. Дыбовский до конца своих дней не принял точки зрения Л.С. Берга и указывал на то преимущество, что он видел этих рыб живыми, а не высушенными и обработанными всевозможными растворами.

³⁹ Ibid. S. 251.

Приближался конец дарасунской ссылки, и в 1868 году Дыбовский решает продолжать изучение рыб Онона и Ингоды, однако росчерк пера М.С. Корсакова круто переменяет объект его исследований и принес ему мировую славу. Резолюция генерал-губернатора гласила:

“Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести его в Иркутск[ую] губ[ернию], а труды передать в Сиб[ирское] отделение] Географического] общ[ества]”⁴⁰. В 1868 году Б.И. Дыбовский с товарищем В.А. Годлевским покинули Забайкалье и поселились в деревне Култук на Байкале. Начинался новый, “байкальский” период жизненного пути ученого⁴¹.

Необходимо упомянуть, что условия научной работы в Иркутске, недалеко от которого располагался Култук, были более благоприятными, нежели в Забайкалье, и прежде всего потому, что здесь находился своего рода научный центр всего региона – Сибирское отделение императорского Русского географического общества. Б.И. Дыбовский еще до приезда в Иркутск установил некоторые контакты с этой организацией. В Иркутске, столице генерал-губернаторства, находились следующие “кабинеты”: минералогический, геологический, ботанический, зоологический и этнографический с богатыми и интересными коллекциями. Здесь хранился знаменитый гербарий флоры Восточной Сибири, составленный в 1830-е годы Н.С. Турчаниновым. Большинство коллекций Б.И. Дыбовского поступило именно в распоряжение музея СОИРГО, к этим собраниям относились не только фаунистические экспонаты, но также и богатый антропологический материал (например, черепа жителей Забайкалья, Приамурского края и Маньчжурии). К сожалению, эти коллекции сгорели во время пожара Иркутска в 1879 году. Географическое общество морально и материально поддерживало своих сотрудников. Вот как об этом писал правитель дел СОИРГО Н.Н. Агалитов в 1881 году:

“Жизнь такого общества, как наше, имеющего целью изучение края в географическом и естественноисторическом отношении поддерживается главным образом, если не исключительно, периодически или ежегодно отправляемыми экспедициями, состоящими из большего или меньшего числа членов и назначаемыми в более или менее близкие к центру Об-

⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 36.

⁴¹ Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków, 1815–1914. Warszawa, 1992. S. 36, 77, 276, 277, 281, 341, 344; Łukarski Z. Ludność Polska w Rosji, 1863–1914. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 29, 30, 166, 186, 187; Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej: Zesłancy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. S. 253, 254, 256, 257, 264, 265.

щества местности, смотря по средствам. Поэтому Восточно-Сибирский отдел употреблял всевозможные старания к приисканию способных для этого лиц и пользовался всяким случаем, чтобы поддержать своего члена в его намерении предпринять ту или другую экскурсию с научной целью”⁴².

Кроме того, Б.И. Дыбовский получил возможность публиковать свои труды в регулярно выходящих номерах “Известий” СОИРГО.

Еще до прибытия на озеро ученый сомневался в справедливости оценок Г.И. Радде о “чрезвычайной бедности” фауны Байкала. Зимой 1868–1869 годов он вместе с В. Годлевским приступил к колоссальному труду. В байкальском льде было проделано 79 прорубей, глубина лова достигала 1240 метров. Вот как об этом писал сам ученый:

“При каждом выходе к проруби я тянул за собой саночки, на которых стояла плоская деревянная посуда с теплой водой комнатной температуры, сверху прикрытая крышкой с войлоком. В посудине умещалось 10 больших банок, каждая с номером проруби, которую я в данный день намеревался осматривать. Каждая банка была обернута в мешочек из тонкого войлока. Вытащив цилиндры из означенной проруби, мы быстро при помощи пинцетов отбирали все живое и складывали в банку со свежей водой, закрывали ее пробкой, натягивали на нее мешочек и клали в посудину с водой. За один день невозможно было осмотреть более 10 прорубей. После окончания работы я возвращался домой, везя за собою санки. Годлевский оставался, чтобы далее расширить прорубь, дабы “достичь северной оконечности Священного моря”, как мы в шутку говорили”⁴³.

Столь титанический труд уже в первую зиму увенчался блестящим успехом: в музей при географическом обществе в Иркутск Б.И. Дыбовский отправил великолепную коллекцию в пробирках, банках и баночках, в которой было более 70 видов мелких рачков (*Gammaridae*), 30 видов моллюсков, 18 видов рыб.

В июне 1869 года работа Б.И. Дыбовского над фауной Байкала была прервана по причине прибытия в Иркутск правительственной комиссии по исследованию Приамурья, бассейна рек Амур и Уссури. Во главе комиссии стоял генерал И.Г. Сколков, недавно перенесший ампутацию руки. Б.И. Дыбовский был приглашен в эту комиссию в качестве личного врача генерала. “Сколько Вы требуете денег за участие в экспедиции?”, – спро-

⁴² Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 1. С. 3.

⁴³ *Dybowski B. Pamiętnik...* S. 315–316.

сил Сколков ученого. “Никаких денег мне не нужно”, – ответил Дыбовский, –

достаточно и того, что я буду иметь возможность путешествовать и работать над собранными материалами”⁴⁴.

Экспедиция продолжалась до поздней осени, главной целью Б.И. Дыбовского был сбор ихтиологических коллекций из Амура, Уссури и озера Ханка. Ученый поставил перед собой задачу сравнительного анализа ихтиофауны Байкала с таковой же рек и озер Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это, по его мнению, должно было приподнять завесу над тайной происхождения самого моря-озера. Во время данной экспедиции Дыбовский знакомился с условиями жизни местных жителей и даже составил для генерала И.Г. Сколкова докладную записку, в которой подробно описал способы улучшения их быта и повышения уровня образования. В составе комиссии находился молодой капитан Н.М. Пржевальский, впоследствии ставший всемирно известным путешественником и натуралистом. Пржевальский под руководством В. Тачановского изучил орнитофауну Маньчжурии, научился препарировать и изготавливать чучела. Именно под влиянием хранителя варшавского зоологического кабинета он устремился на исследование фауны Дальнего Востока. Дыбовский, близко знавший Н.М. Пржевальского, так вспоминал о нем в книге “О Сибири и Камчатке”:

“Он не курил табак и терпеть не мог горячительных напитков, избегал общества женщин. Сторонился компаний. Щеголей презирал и называл их “мон-шерами”. В кругу натуралистов был весел, разговорчив, дружелюбен, обаятелен, в кругу же офицеров и чиновников жесток, высокомерен и насмешлив. С подчиненными своими был добр, но требовал от них военной субординации. Все признавали в нем хорошего начальника и командира. Он умел удержать военную дисциплину, внушить к себе уважение и одновременно расположить в свою пользу, привязать к себе подчиненных. Стрелял великолепно, глаз имел неимоверно зоркий, привык ходить пешком, но не выносил долгой верховой езды”⁴⁵.

Особенно сблизились Б.И. Дыбовский и Н.М. Пржевальский при совместных исследованиях на озере Ханка. Впоследствии между ними возникла переписка, они неоднократно встречались.

По возвращении в Култук осенью 1869 года работа над изучением животного мира и гидрологии Байкала закипела с новой силой. Внимание ученого привлекла рыба голомянка (*Comephorus*

⁴⁴ Ibid. S. 333.

⁴⁵ *Dybowski B. O Syberii...* S. 102.

baicalensis), описанная еще П.-С. Палласом. В определенное время большое число мертвых голомянок всплывало на поверхность озера. Прежде принято было считать, что причина тому – ядовитые газы, выделяющиеся со дна Байкала. Но возникал вопрос: почему только голомянка становится жертвой этих газов? Ученый установил, что голомянка живородяща и гибнет сразу же после произведения на свет потомства. Под одним из рисунков этой рыбы Дыбовский подписал: “Гордость моя и Байкала”⁴⁶.

Основную массу времени ученого занимала обработка, описание и зарисовка полученного материала. Например, описание и измерение одного маленького гаммарида занимало целый день. Вскоре к опубликованию были подготовлены следующие работы Б.И. Дыбовского: “О байкальской нерпе (*Phoca baicalensis*)”, а также составлены атласы: байкальских и амурских рыб и гаммарид Байкала. В работе “Гаммариды озера Байкал”, опубликованной в “Известиях” СОИРГО за 1875 год, ученый описал 115 видов гаммарид, из которых 110 были новыми для науки⁴⁷. Что же касается байкальской нерпы, то Дыбовский впервые выделил ее в самостоятельный эндемичный вид, тогда как многие тогдашние ученые относили ее к одной из форм северного тюленя (*Phoca vitulina*).

Изготовлением зоологических экспонатов по коллекциям ученого занимался также ссыльный поляк Ян Черский (1845–1892) – участник восстания 1863–1864 гг., в будущем знаменитый географ, геолог, палеонтолог, исследователь геологического рельефа Байкала. Черский, будучи личным другом Дыбовского, создавал коллекцию птиц Восточной Сибири, был заведующим зоологическим кабинетом при Сибирском отделении Русского географического общества в Иркутске. Моллюсков и губок, выловленных в Байкале, Дыбовский отправлял в город Дерпт своему младшему брату Владиславу, также зоологу и доценту Дерптского университета. Владислав Дыбовский описал 32 новых для науки вида моллюсков⁴⁸. Однако опубликовать собранный материал в российских центральных изданиях оказалось затруднительно.

⁴⁶ Исследование голомянки: (Сообщено из письма Б.И. Дыбовского) // Изв. СОИРГО. 1870. Т. 1, № 1.

⁴⁷ Дыбовский Б.И. Гаммариды озера Байкал // Там же. 1875. Т. VI, № 1/2. С. 10–80.

⁴⁸ Dybowski B., Grochmalicki J. Badania nad ślimakami bajkalskimi o rozwiniętych skretach skorupy, oraz nad formami podobnymi z innych miejscowości // Kosmos. Lwów, 1920. N 45. S. 87–100; *Idem*. Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego // *Ibid*. 1923. N 48. S. 7–58; *Idem*. Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego // *Ibid*. 1925. N 50. S. 819–881.

Автор настоящей книги обнаружила в архиве Московского общества испытателей природы, весьма солидной организации, основанной в 1805 году, состоять членами которой считали за честь как отечественные, так и зарубежные научные светила, многочисленные письма Владислава Дыбовского. Первое из них, датированное 29-м сентября 1884 года, имеет следующее содержание:

“Ваше превосходительство! Брат мой, Бенедикт Иванов, оставил у меня рукопись о ракообразных Байкальского озера и поручил мне предоставить оное для напечатания”⁴⁹.

Наверняка, это письмо осталось без ответа, так как сохранились письма Владислава Дыбовского идентичного содержания за период с 1885 по 1889 годы. В бюллетене Московского общества испытателей природы в 1884 году была опубликована одна небольшая его статья по вопросу о птицах Байкала⁵⁰.

Как и все новое, работы Б.И. Дыбовского о животном мире Байкала сначала не были приняты Академией наук. Исследования Дыбовского полностью опровергли ошибочную точку зрения орнитолога Г.И. Радде о “крайней бедности” животного мира Байкала. Его работы встретили непримиримую враждебность со стороны руководителя Академии наук в Петербурге академика Фридриха Брандта. Все объяснило письмо, полученное недоумевающим Дыбовским от зоолога, академика Александра Штрауха. Содержание этого письма ученый приводит в своих мемуарах, оно весьма любопытно.

“Очень щепетильный вопрос для Брандта”, – писал Штраух, – “это открытая Вами обильная фауна ракообразных и моллюсков. Густав Радде является зятем академика Брандта. Он его протезировал всей силой своего влияния, поэтому компрометация, встретившая зятя с Вашей стороны, очень его обидела. Он до сих пор не верит, что Вы могли найти что-либо большее... На одном заседании Академии, когда академик Миддендорф доложил о безмерно большом значении открытой фауны Байкала, академик Брандт с нескрываемым бешенством, цитируя по памяти виды, описанные Палласом и Гершфельдом, сказал, что остальные открытые Вами виды – это ложь. Он не предполагает, что они могли остаться незамеченными таким добросовестным исследователем, как Г. Радде... Если бы это открытие богатой фауны было осуществлено зятем академика Брандта, наверное, он представил бы его к на-

⁴⁹ Арх. ИМОИП. 1884 г. Письма членов общества и других лиц. Л. 50 об.

⁵⁰ *Dybowski W.* Ein Beitrag zur Kenntnis der im Baikal-See lebenden Ancyclus-Arten // Бюл. ИМОИП. 1884. № 4. С. 145–149.

граде Демидова, но поскольку это сделали Вы, то с его стороны не будет даже малейшего упоминания об этом факте”⁵¹.

С большим трудом, благодаря поддержке генерала Родошковского, председателя Энтомологического Российского общества в Санкт-Петербурге и финансовой помощи польского графа Константина Браницкого, иллюстрированное издание о животном мире Байкала увидело свет в столице Российской империи только в 1874 году⁵². Б.И. Дыбовский писал:

“В этом отношении победил Байкал, помимо усилий академиков, желающих уменьшить значительность его мировой славы”.

Всю жизнь Б.И. Дыбовский бился над загадкой происхождения как самого Байкала, так и его фауны. Загадка эта не разгадана и по сей день, хотя за прошедшие со времен исследования Дыбовского почти полтора века было высказано много гипотез. Всю фауну Байкала ученый разделил на две группы: сибирскую (встречающуюся в других водоемах и реках Сибири) и байкальскую, эндемичную, не проникающую даже в реки, впадающие в Байкал. Решение вопроса о причине наличия двух комплексов фаун в море-озере привел Дыбовского к вопросу о происхождении Байкала. Почему в нем обитают животные, характерные как для пресных, так и для морских соленых вод? Поначалу все как будто объяснялось теорией А. Гумбольдта, говорящей, что Байкал когда-то являлся фиордом Северного Ледовитого океана. В пользу этой теории свидетельствовало наличие в нем нерпы, некоторых видов губок, а также преобладание среди ракообразных группы амфипода. Однако в дальнейшем под влиянием геологических исследований на Байкале, Дыбовский признал ее неверной. В своей статье “Байкал и его значение для науки и природе” в 1923 году он писал:

“Точка зрения Гумбольдта-Пешеля и ряда других уважаемых авторитетов, принимавших Байкал за фиорд Северного Ледовитого океана, а его фауну идентичной с фауной того же океана, держалась лишь до исследовательских работ А.И. Чекановского, И.Д. Черского и Ф. Шмидта, показавших, что на просторах Сибири к югу от 67°5' с.ш. нет морских отложений моложе силурийского времени”⁵⁴.

⁵¹ Цит по: Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 156–157.

⁵² *Bertrage zur naheren Kenntniss der im Baikalsee vorcommenden niederen Krebse aus der Gruppe der Gammariden v. Dr. B. Dybowski. Herausgegeben v.d. Russischen entomologischen Gesellschaft zu St. Petersburg mit 3 kolorirten und 12 schwarzen Tafeln.* St. Petersburg, 1874.

⁵³ Цит по: Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 159.

⁵⁴ Цит. по: *Винкевич Г.А.* Выдающийся... С. 76. См. также: *Dybowski B.* Bajkał i jego znaczenie dla wiedzy przyrodniczej // *Przyroda i technika.* Lwów, 1923. S. 367–368, 466–476.

Так откуда же взялась эндемичная байкальская фауна? Весьма подробно свою гипотезу Б.И. Дыбовский изложил в конце жизни в работе на польском языке “О пресноводных и морских рыбах Восточной Сибири”. Как указывает в ней ученый, первоначально идея разделить животных Байкала на эндемичных и экзотических (присущих другим водоемам) принадлежала его брату Владиславу. Во время написания ученым вышеуказанной работы в российской науке господствовали две теории происхождения животного мира Байкала. Первая из них принадлежала профессору Н. Андрусову. По мнению последнего, Байкал походит на огромную мастерскую, где постоянно образуются новые виды. Поскольку этот водоем весьма древний, когда-то проникшие в него представители животного мира под влиянием особых условий дифференцировались во множество видов⁵⁵. Эту часть гипотезы Андрусова Дыбовский полностью разделял. Вторая же ее часть, где говорится о том, что огромное пресноводное озеро Байкал создает условия, которые придают пресноводным животным черты морских, то есть происходит “конвергенция признаков”, по мнению Б.И. Дыбовского не выдерживает критики, так как весьма сходные виды, незначительно различающиеся между собой, он находил, например, в Японском море, а это указывает на то, что условия Байкала мало их изменили. Он считал: решение этого вопроса за будущими поколениями исследователей, но спустя почти 150 лет после открытия Б.И. Дыбовским эндемичной фауны Байкала среди ученых нет единого мнения о ее происхождении.

Что касается физико-географического исследования самого озера, то необходимо упомянуть, что Дыбовский изучал южную его часть. Здесь он производил измерения глубины весьма оригинальным методом – опускал камень на бичеве в воду, одновременно взвешивая его. При достижении камнем дна вес уменьшался, причем при каждом промере брались образцы донных отложений⁵⁶. Батиметрическая карта южной котловины Байкала, составленная Дыбовским, была основной и единственной до 30-х годов XX века⁵⁷. С марта 1869 года по июль 1871 года ученый наблюдал температурный режим Байкала и установил, что на глубине более 250 метров температура постоянна (+3,5 °С). Ему же принадлежит первое в истории науки описание образования и та-

⁵⁵ Андрусов Н. О двух новых родах гастропод из апшеронского яруса // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1903. Т. XXXI, вып. 5. С. 55–72.

⁵⁶ Дыбовский Б.И., Годлевский В.А. Отчет об измерении глубин озера Байкал, совершенном весной 1871 г. // Изв. СОИРГО. 1872. Т. II, № 5. С. 6–16; *Они же*. Измерение дна озера Байкал // Там же. 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 58–59.

⁵⁷ Винкевич Г.А. Выдающийся... С. 62–63.

яния льда на озере, а также процесса появления ледовых трещин перпендикулярно направлению ветра. Дыбовский установил также амплитуду колебаний уровня воды в Байкале, не выходящую за пределы 3-х метров. Ученый описал газовый режим озера, отличающийся высоким содержанием в воде растворенного кислорода; он также установил, что в результате разложения органических веществ на дне образуется огромное количество газов⁵⁸.

Итак, результатами фаунистических исследований Б.И. Дыбовского на Байкале было описание 29 видов рыб, 10 из которых оказались новыми для науки⁵⁹. К ученому пришло признание. В 1870 году Русское географическое общество за исследования на Байкале наградило его золотой медалью, а к фамилии предложило приставку “Байкальский”, от последнего Б.И. Дыбовский отказался. Следует отметить, что собранный ученым материал до конца не обработан до сих пор: в зоологическом музее Львовского университета хранятся байкальские олигохеты, низшие ракообразные и насекомые.

После почти четырехлетнего пребывания в Култуке на Байкале (1868–1872) Б.И. Дыбовский принимает решение вновь вернуться в Даурию, дабы продолжить прерванные фаунистические исследования в этом регионе, а затем ехать далее на Восток к берегам Тихого океана. Ученому сопутствовали Виктор Годлевский и Михаил Янковский (также польский ссыльный, бывший студент Григореевского агрономического института). Ему даже удалось получить “рекомендательное письмо” от генерал-губернатора Восточной Сибири к местным властям с просьбой оказать содействие его исследованиям.

Второе пребывание Б.И. Дыбовского в Забайкалье длилось чуть менее года (1872–1873), но было не менее плодотворно, чем первое (1865–1868). Главной целью ученого в эту поездку стало доказать отличие флоры и фауны Забайкалья от Прибайкалья, а также собрать антропологический материал, касающийся забайкальских автохтонов. Б.И. Дыбовский представил СОИРГО в

⁵⁸ Дыбовский Б.И., Годлевский В.А. Этюды у юго-западной оконечности Байкала: (Физико-географические заметки) // Изв. СОИРГО. 1870. Т. I, № 2/3. С. 35–48.

⁵⁹ Ихтиологические и другие естественноисторические исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет о действиях СОИРГО за 1869 г. СПб., 1870. С. 39–48; Дыбовский Б.И., Годлевский В.А. Предварительный отчет о фаунистических исследованиях на Байкале // Там же. С. 167–204; Естественноисторические и другие исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет СОИРГО за 1870 г. Иркутск, 1871. С. 8–14; Дыбовский Б.И. Рыбы озера Байкал // Изв. СОИРГО. 1876. Т. VII, № 1/2. С. 1–25; Он же. Фаунистические исследования на Байкале // Там же. С. 34.

Иркутске подробный план экспедиции на Восток, причем конкретно указал районы и продолжительность исследований. Правление СОИРГО ассигновало 500 руб. на исследовательскую работу ученого, а также предоставляло ему в пользование указанные им метеорологические инструменты: анероид и барометр. В свою очередь Б.И. Дыбовский обязался перед отделением высылать экземпляры рыб, птиц и млекопитающих, не имевшихся в иркутском музее географического общества, а также этнографические предметы (модели жилищ коренных народов с домашней утварью, костюмы автохтонов).

Первым в Забайкалье 29 февраля 1872 года выехал В. Годлевский. Он остановился в станции Кирпичной на реке Онон, недалеко от Акши, и наблюдал за весенним перелетом птиц. Во время следования в Кирпичную через Читу и Акшу, на каждой почтовой станции на вершинах Яблонового и Кургетайского хребтов он производил метеорологические наблюдения при помощи анероида. Б.И. Дыбовский отправился в Кирпичную 8 июня 1872 года, причем по пути следования произвел барометрическое определение высот и составил профиль пройденного маршрута. Последним в Кирпичную прибыл М. Янковский.

Условия для фаунистических исследований летом и осенью 1872 года были для Б.И. Дыбовского и его товарищей крайне неблагоприятны. Летом Забайкалье “посетила” дизентерия (“крававый понос”, как говорили местные жители). В письме своему другу-натуралисту, ссыльному польскому повстанцу Яну Черскому, ученый писал:

“С утра до вечера посещают меня как местные, так и приезжие пациенты или же предлагают самому ехать к пораженным дизентерией, которая едва не лишила меня такого сотрудника, как Годлевский. Некоторое время я даже сомневался в благополучном исходе его болезни, да и самому мне довелось перенести ее. Эпидемия серьезно взялась за свое дело: из 50-ти посещенных мною больных умерло 15, а кандидатов на смерть наберется почти столько же. Падеж лошадей в свою очередь не позволяет нам делать далеких экскурсий из опасения неприятной перекладки вьюков на свои собственные плечи. От этого разумеется страдают наши коллекторские занятия”⁶⁰.

Вскоре в Забайкалье пошли сильные ливневые дожди, что стало причиной разливов рек и наводнений: “Мы почти на острове”, – писал тому же Яну Черскому Виктор Годлевский, –

“Обстоятельство это и замедлило отсылку заготовленных коллекций, так как перебраться в Акшу не было никакой воз-

⁶⁰ Изв. СОИРГО. 1873. Т. IV, № 1. С. 2–3.

возможности. Я с грустью посматривал на волнующуюся стихию в том месте, где перед тем оставлен был мною целый скелет волка с целью очистки его посредством гниения в луже. Наверное он занесен уже песком!”⁶¹.

К “сюрпризам” погоды добавились еще и сильные ветра, нарушившие маршрут перелета птиц, что и стало причиной того, что летом и осенью 1872 года Б.И. Дыбовскому удалось собрать лишь небольшое количество экземпляров для орнитологической коллекции. Однако сбор остеологического материала (в основном черепов), как человеческого, так и животного, шел быстрыми темпами. Б.И. Дыбовский прислал в СОИРГО интересный экземпляр черепа тунгуски, обе теменные кости которого носили следы поражения сифилисом. В забайкальской практике доктора Дыбовского было множество случаев этой болезни. Особенно ученого поразил пример женщины, сплошь покрытой сифилитической сыпью и при нестерпимом зуде пускавшей в ход нижнюю челюсть барана. Что же касается животного остеологического материала, то Б.И. Дыбовский прислал в Иркутск скелет неизвестного науке роющего грызуна, которого И.Д. Черский назвал в честь коллектора *Myospalax Dybowskii*. Кроме того, ученый отправлял шкуры даурских млекопитающих и птиц в Варшаву В. Тачановскому. Наиболее интересные экземпляры хранитель варшавского зоологического кабинета оставлял в музее, остальные же продавал любителям и вырученные деньги отправлял Б.И. Дыбовскому, что и позволяло ученому продолжать работу, не заботясь о финансах.

Зиму, весну и лето 1873 года зоолог и его товарищи провели в деревне Старый Цурухайтуй на реке Аргуни, на самой границе с Китаем. Б.И. Дыбовский вспоминал:

“Выбор станицы Старый Цурухайтуй для изучения перелетов птиц был весьма удачен, трудно себе представить, сколько по этому пути пролетает птиц, стремящихся на север: журавлей, гусей, уток и т.д. во время перелетов можно встретить великое множество. Долина Аргуни широка, река медленно и лениво текущая в этой местности, разделена на протоки, старые русла и озера: велика здесь и площадь прибрежных лугов... С высоты гористого берега на левой стороне реки я наблюдал при помощи небольшого бинокля поведение перелетных птиц: танцы журавлей, веселые игры гусей и уток”⁶².

В 1873 году из Старого Цурухайтуя В. Годлевский и М. Янковский выезжали даже на сопредельную территорию Китая дабы до-

⁶¹ Там же. С. 3.

⁶² *Dybowski B. Pamiętnik... S. 459–460.*

быть экземпляр изюбря (*Cervus Ludorfi*) – разновидности оленя, в то время еще не описанной, которого Б.И. Дыбовский хотел назвать *Cervus amurensis*. Однако, пока шла обработка коллекций, вид этот уже был описан (как отмечалось выше, таким образом ученый утратил приоритет в отношении многих открытых им видов). Для сбора орнитологических коллекций Б.И. Дыбовский с товарищами сплавлялся по реке Ган и вступал на китайскую территорию, где встречался с китайской пограничной стражей. Ученый вспоминал:

“Это были монголы, вооруженные луком, верхом на конях, в типичных монгольских кожухах. Народ этот архипрIMITИВЕН: они никогда не видели спичек и сахара. Когда они подъехали к нам во время нашего отдыха за чаем у костра, сошли с коней, но не подходили ближе, мы встали и пригласили их составить нам компанию. Я спросил их по-бурятски, имеют ли они при себе мисочки аяга. Они достали их из-за пазухи, я налил им чая и дал каждому кусочек сахара и сухари, показав, как пьют чай “вприкуску”. Они наивно улыбались и выполняли все буквально. После нескольких чашек чая и сухарей я дал им по папиросе, показав, как их курить, они выкурили с улыбкой. Мы попрощались с ними, подарив спички и сахар”⁶³.

Б.И. Дыбовского всегда привлекала первобытная простота и бесхитрость коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

С появлением перелетных птиц исследователи переехали на заимку, принадлежавшую семье казака Ковалева, в нескольких верстах от Старого Цурухайтуя. Весной в тот год временами шел снег и случались бури, в которых гибло множество перелетных птиц, как правило, спустя несколько дней после такой бури ученый собирал погибших особей. Это давало возможность описать как можно большее количество экземпляров, не тратя времени на охоту. Во время подобных бурь ученый наблюдал за поведением стад домашних животных, пытающихся противостоять стихии. Например, стада овец и другого мелкого рогатого скота убегают от ветра, местным жителям приходилось закрывать их в загонах во время бури, дабы они не погибли. Табуны коней, а также тибетские яки поворачиваются в сторону, противоположную направлению ветра и крепко прижимаются друг к другу.

На берегах Онона и Аргуни Б.И. Дыбовский встретил много видов птиц, какими-либо чертами отличающихся от подобных европейских видов. Как уже отмечалось выше, ученый был верным сторонником эволюционизма⁶⁴ и считал, что при определении но-

⁶³ Ibid. S. 467.

⁶⁴ *Dybowski B.* O znaczeniu i dinoistosci teoryj mutacyjnych: Ewolucyjnych w nauce i w zyciu. Lwów, 1902.

вого вида необходимо учитывать даже малейшую разницу между представителями европейской и азиатской фауны. Наиболее подробно ученым были описаны следующие виды даурских птиц: жаворонок полевой монгольский (*Alauda arvensis mongolica*), гусь лебедеобразный (*Anser Cygnopsis cygnoides*), ворон даурский (*Phalacrocorax carbo dahuricus*), седая даурская цапля (*Ardea cinerea dahurica*) и некоторые другие⁶⁵. Для большей наглядности приведем здесь одно из описаний Дыбовского, касающегося *Anser Cygnopsis cygnoides*. Ученый писал в своем “Дневнике”:

“Вид этот в изобилии гнездится в долине Аргуни. Мы выделили три разновидности, и притом большую и меньшую формы, каждую взвесили и измерили, результаты этих исследований я переслал Тачановскому, однако он не привел их в своей работе. Вес самцов был в среднем 8,1 русских фунтов, самый большой вес составлял 10 фунтов. Наибольшая длина тела 960 мм, наименьшая 816 мм, средняя 871 мм, наибольший размах крыльев 1760 мм, средний 1613 мм, наименьший 1483 мм. Яйца имеются как большие, так и малые, последние в среднем 75 × 58 мм, первые 77 × 54 мм. Большие весят 36 золотников или 144,20 гр, меньшие 24 золотника – 113,40 гр. Средний вес 18-ти яиц – 29,2 золотника или 123,06 гр. Во многих местах в Сибири лебедеобразный гусь занимает место домашнего гуся и большинство из них совершенно белые. Бывают также гибриды с домашним гусем, они больше двух исходных родительских форм, я видел гусей весом от 14–15 фунтов. Лебедеобразный гусь в природе живет в моногамии. Самец является предводителем стада, состоящего обычно из 5 молодых особей”⁶⁶.

Б.И. Дыбовский с товарищами пробыл в Старом Цурухайтуе до 9 августа 1873 года (по старому стилю). Считая, что гораздо экономичнее плыть по реке, нежели передвигаться по суше, исследователи собственноручно построили лодку (в этом строительстве им помогала вся станица) с двойным дном и тремя лавками, с мачтой и парусом и назвав ее “Надежда”, украсили бело-красным польским флагом. На ней они поплыли по Аргуни и Амуру.

Подводя итоги повторному пребыванию Б.И. Дыбовского в Забайкалье необходимо отметить, что сам ученый считал этот год весьма удачным в научном отношении. Он собрал 300 экзем-

⁶⁵ Тачановский В. О некоторых новых видах птиц, найденных Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 г. // Изв. СОИРГО. 1875. Т. V, № 3/4. С. 121–122.

⁶⁶ Dybowski B. Pamiętnik... S. 460.

пляров птиц, относящихся к 207 видам, в том числе несколько видов были новыми для науки. Ботаническая коллекция ученого включала 1500 экземпляров, причем для каждого из них была указана та высота над уровнем моря, на которой он был найден. Орнитологическая и ихтиологическая коллекции составляли (вместе с коллекциями 1865–1868 гг.) 287 видов птиц (из них 174 вида новые для науки) и 27 видов рыб (из них 13 видов ранее неизвестных). Б.И. Дыбовский подчеркивал уникальность фауны Забайкалья, вобравшей в себя черты степных (монгольский жаворонок, антилопа-дзерен), сибирских таежных (соболь и рябчик), высокогорных (тундровая куропатка и горный баран), амурско-уссурийских (енотовидная собака и сизый дрозд) и эндемичных (забайкальский барсук и даурский хомячок) видов⁶⁷. Кроме того, ученый высказал собственную версию причин недостатка леса в даурских степях – засушливость климата, а отнюдь не особенность состава почвы, как считалось ранее.

При отъезде Б.И. Дыбовского из Старого Цурухайтуя «на берег реки пришло много мужчин, женщин и детей, было прощание и целование. Мы отчалили от берега, Михаил [Янковский – Э.Н.] выстрелил из двустволки. Присутствующие жители хором произнесли: “С богом”, – мы взялись за весла, начиная далекий путь к новым берегам», – вспоминал ученый⁶⁸. Б.И. Дыбовский решился на столь далекое и тяжелое путешествие несмотря на проявившуюся тяжелую болезнь – суставной ревматизм, которая во время обострения позволяла ему передвигаться только с тростью.

СОИРГО обязал Б.И. Дыбовского собрать еще одного рода информацию, касающуюся месторождений угля, известняка, глины и золота. Он собирал ее по деревням и у станичных атаманов. Председатель СОИРГО поручил также узнать, правдивы ли те статистические сведения, которые подаются местными властями. Дыбовский установил, что почти все они были фальшивы и это обуславливалось недоверием населения к администрации.

Миновав Нерчинск – старейший город Забайкалья, в начале сентября 1873 года “Надежда” достигла реки Амур. Коллекторские работы по пути продолжались: ученым было описано 53 вида амурских рыб. Путешественники причаливали к берегу всего раз в сутки, для быстроты передвижения, и ночевали в палатке. Сплав по огромному Амуру был крайне тяжел, не прекращавшийся осенний дождь промочил путешественников до нитки, у Б.И. Дыбовского началось серьезное обострение суставного ревматизма. 20 сентября 1873 года “Надежда” причалила в Благове-

⁶⁷ Винкевич Г.А. Выдающийся... С. 87.

⁶⁸ Dybowski B. Pamiętnik... S. 471.

щенске. Здесь, после небольшого отдыха, продлившегося несколько дней, исследователи отправились в Хабаровск на пароходе, привязав к нему “Надежду”. В начале октября путешественники прибыли в Хабаровск, откуда на лодке поплыли вверх по реке Усури, впадающей в Амур, причем Дыбовский и Янковский тянули лодку канатами против течения. Конечным пунктом назначения была станица Казакевичево, где исследователи провели год (до августа 1874), изучая местную фауну. Их материальное положение было весьма затруднительно, средств, полученных от продажи шкур, не хватало на проведение дальнейших исследований. Это обстоятельство стало причиной того, что М. Янковский весной 1874 года вынужден был покинуть товарищей и принять должность на золотых приисках на острове Аскольд. Однако любовь к фаунистическим исследованиям, привитая ему Б.И. Дыбовским, была столь велика, что М. Янковский проводил на о. Аскольд серьезную научную работу, открыл 26 неизвестных науке вида чешуекрылых, описал природные условия острова⁶⁹. Б.И. Дыбовский оказался в трудной ситуации, тем более, что В. Годлевский был болен малярией. В августе 1874 года исследователи вернулись во Владивосток. Все собранные в Казакевичево коллекции, а также дневники Дыбовского были значительно попорчены в дороге ливневыми дождями. Ученый назвал это возвращение “крестным путем”. Не имея средств на жизнь во Владивостоке, Дыбовский с товарищем поселяются у залива Стрелок, напротив северо-западной оконечности острова Путятина, где приступают к изучению фауны Японского моря. Здесь он открыл более 40 видов птиц, неизвестных науке, собрал большую коллекцию губок, моллюсков, ракообразных⁷⁰. Обитающий на Дальнем Востоке пятнистый олень был впервые описан Б.И. Дыбовским и получил название *Cervus Dybowskii*. Ученый намеревался провести сравнительный анализ морской и пресноводной фауны Дальнего Востока, но для морской экспедиции нужны были большие средства. Б.И. Дыбовский обратился с рекомендательным письмом, данным ему генерал-губернатором Восточной Сибири, к командующему морским флотом во Владивостоке генералу Афанасьеву. Однако оказалось, что последний был в плохих отношениях с генерал-губернатором и в просьбе о помощи отказал. Ученый пытался объяснить, что изучение фауны морских глубин

⁶⁹ Янковский М. Остров Аскольд // Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 2/3. С. 82–87; Он же. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива // Там же. С. 92–93.

⁷⁰ Дыбовский Б.И. Коллекция птиц, собранных гг. Дыбовским и Годлевским на устье реки Усури // Изв. СОИРГО. 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 76.

станет заслугой флота и его командующего, на что Афанасьев ответил:

“Для исследования морской фауны есть французы, немцы и англичане, а морские глубины моряку не нужны, достаточно знать мели”. Б.И. Дыбовский возразил, что

“стыдно использовать плоды чужого труда, когда мы можем заняться этим сами”. Однако, генерал был непреклонен:

“Если мы не стыдимся плавать с английскими картами, то что стыдного в том, что англичане, а не мы, собирают всякого рода мусор в море? Мы не настолько щепетильны, как вы себе это представляете”⁷¹.

К сожалению, такого рода встреча с равнодушием и пренебрежением администраторов к научным исследованиям не была единственной для Бенедикта Ивановича. После этой неудачи он вместе с В. Годлевским отправляется по приглашению М. Янковского на остров Аскольд, где проводит зиму 1874–1875 годов в китайской фанзе, вдали от цивилизации, без почты и телеграфа, все свое время посвящая обработке коллекций. Михаил Янковский, в свою очередь, занимался коллекционированием птиц и бабочек Уссурийского края, последних ему удалось собрать более 700 экземпляров⁷².

В Хабаровске и Владивостоке у ученого появилось немало друзей среди интеллигенции, даже спустя много лет из местной газеты “Владивосток” к Дыбовскому обращались с просьбой прислать свои научные статьи⁷³. В Хабаровске ученый сдружился с семьей чиновника К.К. Фриесе. Жена последнего, Римма Фриесе, так вспоминала о Б.И. Дыбовском:

“Зимой 1874 года нас посетил и внес в жизнь некоторое разнообразие известный ученый Дыбовский, который вместе с двумя товарищами поселился в научных целях в 40 верстах от Хабаровки⁷⁴. Это был один из наиболее интересных людей, которых я когда-либо знала. Спокойный и уравновешенный философ, высокообразованный, он производил впечатление будто не чувствуя своего превосходства над другими и охотно принимал участие в каждом, самом обычном разговоре. Когда же он сам рассказывал о своих открытиях, слушателю казалось, что читает интересную книгу... Наука и медицинская помощь, оказываемая больным, заменяли ему в жизни все. Я ни разу не видела его грустным и не слышала, чтобы он жаловался на свою судьбу. После разговора с ним на душе дела-

⁷¹ Цит. по: *Dyakowski B. Badacz...* S. 48.

⁷² ВJ. Sign. 10114. К. 100–108.

⁷³ ВJ. Sign. 10119. К. 160.

⁷⁴ Старое название г. Хабаровска.

лось легче и казалось, что все в жизни – незначительный пустяк, кроме идеалов, руководящих человеком”⁷⁵.

Уже после не осуществившегося намерения организовать морскую экспедицию у Б.И. Дыбовского возникла идея поездки на Камчатку и изучения как фауны, так и населения полуострова, а также лечения прокаженных камчадалов. Ученый поделился этой мыслью в доме супругов Фриесе. Спустя много лет, в 1908 году, Римма Фриесе писала Дыбовскому из Петербурга:

“Когда Вы сказали, что едете к прокаженным и будете получать сто рублей в месяц, то мы все пришли в ужас... Я думаю, в настоящее время не найдется человека, который отважился бы на такой шаг не за сто рублей в месяц, а и за тысячу. За 20 лет жизни в Питере мне не случилось видеть идейных людей, их стало совсем мало”⁷⁶.

Тем временем СОИРГО, а также польские и российские друзья Б.И. Дыбовского и В.А. Годлевского, хлопотали о разрешении для них вернуться на родину. Получив известие об этом, исследователи в августе 1875 года отправляются в Иркутск. Ответ из Петербурга пришлось ждать полтора года, и это время ученый употребил на дальнейшее изучение Байкала. Прежде всего, продолжая измерение глубины озера, Б.И. Дыбовский обнаружил на дне Байкала подводный хребет, в районе которого глубина не превышала 60-ти метров. Этот хребет разделял озеро на два бассейна – восточный и западный, и тянулся от реки Голоустной до Посольска⁷⁷. Дыбовский и Годлевский построили на льду Байкала небольшой деревянный домик, обитый войлоком, своего рода передвижную станцию, где хранились инструменты, необходимые для коллекторской работы. В этом домике исследователи и ночевали, дабы неделями не покидать Байкал. Весна и лето 1876 года были посвящены исследованию фауны Прибайкалья. В этом регионе Б.И. Дыбовский исследовал и описал 51 вид млекопитающих, а в составе орнитологической фауны Прибайкалья – 291 вид. Кроме того, изучая птиц Байкала и Прибайкалья, благодаря круглогодичному наблюдению, Б.И. Дыбовский разделил их на три группы: гнездящиеся, прилетающие только на зиму и живущие постоянно, причем для каждого вида привел сроки прилета, гнездования и отлета⁷⁸. Ихтиологиче-

⁷⁵ Цит. по: *Dyakowski B. Badacz...* S. 66.

⁷⁶ ВJ. Sign. 10114. К. 34.

⁷⁷ Отчет о занятиях Б. Дыбовского и В. Годлевского в 1876 г. // Изв. СОИРГО. 1877. Т. VIII, № 3/4. С. 115–135; *Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Физико-географические исследования на Байкале в 1869–1876 гг. // Байкальский сборник. Иркутск, 1897. Вып. 1. С. 1–62.

⁷⁸ *Скрябин Н.Г.* Птицы Байкала // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 81–85.

ские коллекции насчитывали 29 видов рыб, обитающих в Байкале, реках бассейна Байкала и в северной части озера Косогол (Хубсугул) в Монголии, 10 из которых были новыми для науки. Ученого занимал вопрос об акклиматизации даурских видов в Байкале. Он провел эксперимент – переселил туда даурского рака, обитающего в реке Ингоде. За полтора года Б.И. Дыбовский выслал в Варшаву более 350 экземпляров птиц и богатые коллекции других животных.

В июне 1877 года в Иркутск пришло долгожданное позволение для Дыбовского и Годлевского вернуться на родину и в начале августа они покинули Иркутск. Из Сибири в Европу возвращался прославленный ученый, обессмертивший свое имя исследованиями на Востоке.

“Невольно приходится удивляться”, – писал забайкальский ученый А.К. Кузнецов в 1896 году, – “как можно было достигнуть таких громадных результатов при отсутствии средств и при крайне неблагоприятных внешних условиях”⁷⁹.

Совет ИРГО в Санкт-Петербурге по предложению П.П. Семенова, Ф. Шмидта и Р. Ленца 13 декабря 1878 года избрал Б.И. Дыбовского действительным членом. По выражению одного из польских биографов, он “возвращался на родину, опережаемый славой великого ученого”⁸⁰. Дыбовский вернулся в Варшаву, однако ни в одном из университетов не было свободной кафедры зоологии, единственно граф К. Браницкий предложил ему место хранителя музея Браницких в Варшаве, однако, это бы весьма сузило поле деятельности Бенедикта Ивановича. Он решает начать изучение фауны Камчатки и Командорских островов, этот план созрел у него еще во время пребывания на Дальнем Востоке. Кроме животного мира ученого интересовали быт и обычаи местного населения – камчадалов. Узнав о решении Б.И. Дыбовского ехать на Камчатку, его варшавские друзья пробовали остановить его, взывая к патриотизму, но ученый ответил:

“Тот, кто любит родину, сердцем всегда с нею, хотя бы и находился за тысячи километров, для того же, в ком этой любви нет, родной край чужд, хотя он в нем и живет”⁸¹.

Виктор Годлевский остался в Польше и больше не выезжал в Сибирь. Спутником и помощником Бенедикта Ивановича стал 18-летний юноша, прекрасный стрелок и охотник Ян Калинов-

⁷⁹ Кузнецов А.К. Речь... // Записки Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Чита, 1897. Вып. II. С. 148.

⁸⁰ Dyakowski B. Badacz... S. 53.

⁸¹ Ibid. S. 54.

ский. В июле 1879 года ученый и его коллега прибыли в Петропавловск-Камчатский. Б.И. Дыбовскому при помощи П.П. Семенова удалось получить должность окружного врача, вечно вакантную из-за отсутствия желающих. Доктор Дыбовский провёл на Камчатке пять лет и за это время успел многое сделать не только на поприще зоологии, но и улучшить быт местного населения – камчадалов, насчитывающего 3 тысячи человек. Последние находились в весьма тяжелом положении, не хватало продуктов питания, свирепствовали эпидемии тифа и оспы. Много среди камчадалов было поражено проказой, доктор Дыбовский приложил много усилий для того, чтобы были построены лепрозории – изоляторы для подобных больных, где им оказывалась медицинская помощь. Б.И. Дыбовский собрал обширный антропологический и этнографический материал, касающийся камчадалов, алеутов и айнов. Однако, наибольшую симпатию он испытывал к камчадалам. Ему импонировала их привязанность к родным местам, к семье, гостеприимство и жажда познаний. Этот народ называл себя ительменами, происходящими от богов. В своей работе “Добродетели и верования камчадалов”, написанной в 1886 году, Б.И. Дыбовский описал их достоинства: отсутствие в их среде лжи, воровства, убийств, телесных наказаний, послушание старшим. В языке камчадалов отсутствовали ругательные слова, они весьма деликатны в общении друг с другом. Небо в их понимании было точной копией земли с реками и долинами, а смерть – продолжение земной жизни⁸². Тяжелое положение камчадалов обуславливалось полным невниманием и равнодушием властей к их судьбе. “Несколько веков Камчатку и ее население систематически уничтожали”, – писал Б.И. Дыбовский, – “не имея никакого определенного понятия о том, что содержит в себе весь Камчатский полуостров”⁸³. Ученый много сделал для местного населения, дабы повысить его благосостояние. Благодаря стараниям Дыбовского, Североамериканская кампания завезла на Камчатку и соседние острова различных домашних животных: коней, коз, кроликов. Перемещенные Дыбовским на Командорские острова северные олени, лошади и собаки прекрасно акклиматизировались и дали потомство. Он также выступил инициатором введения земледелия на полуострове с использованием акклиматизированных семян. Местное население назвало окружного врача “белым богом”. В 1923 году ученый писал своему товарищу по забайкальской ссылке М. Дубецкому:

⁸² ZNJO. Rkp. 12034. К. 135–149.

⁸³ ZNIO. Rkp. 7200. К. 487.

“Моя любовь к народам, терпящим гнет, а в особенности к такому достойному любви, как камчадалы, руководила мной в моей работе, я хотел также повысить благосостояние алеутов. Если я в своей жизни боролся за трезвость, справедливость, свободу мысли, научную истину, то делал это не для себя, не для собственного благосостояния, но для пользы родины и человечества. К идеалу, по которому должно быть хорошо всем на земле, я всегда стремился. Мои работы на Байкале имеют своей целью именно это”⁸⁴.

Б.И. Дыбовский пересек Камчатку пять раз (4 раза на санях, запряженных собаками, и 1 раз верхом на лошади), трижды посетил Командорские острова. Он составил их подробное описание, которое включало в себя характеристику рельефа, климата, флоры и фауны, а также дал первую классификацию камчатских горячих источников по температурному режиму.

В 1881 году Дыбовский получает предложение от Санкт-Петербургского университета занять его кафедру зоологии, однако, отклоняет его и остается на Камчатке до 1883 года. В 1881 году он выступает с инициативой постанковки в Петропавловске-Камчатском памятника первому исследователю морской фауны Камчатки академику Георгу Вильгельму Стеллеру, участнику второй Камчатской экспедиции в 1733–1743 годах⁸⁵. Вот как об этом упоминается в протоколе заседания СОИРГО от 10 сентября 1881 года:

“Должено письмо члена Отдела Г.С. Воля, в котором он сообщает о сооруженном М.Д. Бутиным памятнике академику Штеллеру⁸⁶ в виде готического креста с обозначением имени Штеллера, для отправки в г. Петропавловск и постанковки его на площади этого города. Впервые мысль об этом появилась у доктора Б.И. Дыбовского, по просьбе которого г. Воль обратился к г. Бутину, на что Михаил Дмитриевич выразил свое согласие и изготовил на своем Николаевском заводе названный памятник, уже отправленный им на свой счет во Владивосток”⁸⁷.

В 1882 году Б.И. Дыбовский получает предложение возглавить кафедру зоологии Львовского университета и принимает его, посоветовавшись с В. Тачановским, который так писал своему ученику:

⁸⁴ В.І. Przyb. 8/67. Т. 1.

⁸⁵ Советский энциклопедический словарь, 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 1265; ЗНИО. Ркп. 13325. К. 1–10.

⁸⁶ Так звучала транскрипция имени Г.-В. Стеллера в XVIII–XIX столетиях.

⁸⁷ Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 4/5. С. 80.

“Мы все рассчитываем на тебя и уверены, что ты примешь эту должность. Мы все думаем, что ты один способен создать в отечестве школу, которой нам доселе не хватало и не видим никого, достойного этого предприятия... Ты имеешь столько материала для обработки, что тебе его хватит на всю жизнь. Никто не в состоянии сделать это за тебя. Пока в тебе есть энергия, ты сделаешь это лучше, чем потом, когда силы будут исчерпаны тяжелыми путешествиями. Мы надеемся, что наших надежд не обманешь”⁸⁸.

Б.И. Дыбовский увозит с Камчатки 116 центнеров собраний в 60-ти ящиках, которые и становятся основой созданного им во Львове зоологического музея. К месту назначения он плывет через Сингапур, Суэцкий канал, Дарданеллы и Одессу. Деятельность его на Камчатке и Командорских островах не была забыта местным населением и местной администрацией. К семидесятилетию ученого он получил в подарок от командорцев скелет морской коровы (*Rythina Stelleri*) со следующим сопроводительным письмом от помощника начальника Командорских островов С.М. Леха:

“Когда я узнал, что Вы так много сделали для Камчатки и островов, когда я услышал от жителей-инородцев (кстати в большинстве случаев обиженных) восторженное воспоминание, как о враче и как о человеке и наконец узнав, что те табуны оленей на острове Беринга, в общей сложности около 2000 голов, происходят от тех 15 голов, которые Вами привезены на острова в 1882, то решил, как скромную благодарность от командорцев, просить Вас принять в дар в музей Вашего имени при Львовском университете скелет и череп *Rythina Stelleri*”⁸⁹.

Б.И. Дыбовский был профессором Львовского университета до 1906 года (до выхода на пенсию). Львов – столица Галиции, в то время являлся одним из четырех важнейших центров польской культуры (наряду с Варшавой, Краковом и Вильно). Здесь он имел возможность ставить научные опыты и упорядочить свои коллекции. Происходят перемены и в личной жизни Бенедикта Ивановича: он женится на Елене Липницкой (1866–1943), с которой имел троих детей – двух сыновей и дочь. Во Львове ученый поселился в небольшом двухэтажном доме по адресу – улица Застяжек, дом 12, называемый с тех пор “виллой Дыбовского”. Ав-

⁸⁸ *Taczanowski Wł.* Listy do Antoniego Wagi, Konstantego Branickiego i Benedykta Dybowskiiego // *Dział historii zoologii Instytutu zoologicznego PAN.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 210.

⁸⁹ BJ. Sign. 10116. K. 19.

тору настоящих строк удалось побывать в этом доме в 2003 году. На левой стороне фасада расположена бронзовая памятная доска с портретом Дыбовского и надписью на украинском языке. В “вилле Дыбовского” сейчас располагается ветеринарная лечебница, из внутреннего убранства со времени пребывания здесь ученого ничего не сохранилось. Во дворе здания высится забайкальская кедровая сосна, судя по размерам дерева, несомненно, посаженная Б.И. Дыбовским, как символ далекой и любимой им Сибири.

Ученый вел обширную переписку с российскими, польскими, немецкими и французскими зоологами (ниже мы приведем некоторые ее фрагменты). Двумя важными обобщающими работами Б.И. Дыбовского о фауне Забайкалья, написанными в последние годы жизни, стали: “Систематический список видов и семейств позвоночных животных Восточной Сибири” (1922) и “О пресноводных и морских рыбах Восточной Сибири” (1923). В первой из этих работ Б.И. Дыбовский охватил группы позвоночных, обитающих на всей территории от реки Енисея до Тихого океана (географические границы Восточной Сибири по Б.И. Дыбовскому). При систематизации он сравнивал фауну Восточной Сибири не только с западносибирской и европейской, но и с ископаемыми видами ледникового периода. Б.И. Дыбовский писал:

“Черский открыл в пещере, находящейся близ Нижнеудинска, невероятно интересную палеонтологическую фауну ледникового периода, все виды были в состоянии сухой мумификации, на многих экземплярах сохранилась и шерсть (я сделал в Иркутске фотографии большинства из них). Виды животных ледникового периода оказались отличными от современных, в те времена были даже иные виды антилоп и оленей”⁹⁰.

Среди описанных Дыбовским новых видов, неизвестных науке ранее, значатся, например, следующие: даурский еж (*Erinaceus dahuricus* Dyb.), медведка (*Talpa ircutensis* Dyb.), сибирский медведь (*Ursus sibiricus* Dyb.), сибирский барсук (*Meles sibiricus* Dyb.), камчатская росомаха (*Gulo kamtshaticus* Dyb.), амурский соболь (*Mustela amurensis* Dyb.), сибирский горноста́й (*Putorius sibirica* Dyb.), камчатская ласка (*Jetis kamtshatica* Dyb.), байкальская выдра (*Lutra baicalensis* Dyb.) и другие. В этой работе Б.И. Дыбовский также систематизирует авифауну Восточной Сибири, дополняя ее некоторыми видами, не описанными В. Тачановским по его коллекциям (Тачановский издал (1891–1893) двухтомный труд на французском языке под названием “Орнитофауна Восточной Сибири”)⁹¹. Преж-

⁹⁰ Dybowski B. Spis... S. 2.

⁹¹ Taczanowski Wl. Faune ornitologique de la Sibirie orientale // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. 1891–1893. T. XXXIX.

де всего Б.И. Дыбовский делит птиц Восточной Сибири на пять категорий: азиатские, европейские, американские, австралийские, а также виды европейские и американские, изменившиеся настолько, что их следует признать самостоятельными. Ученый указывал, что подобное деление птиц, в зависимости от континента происхождения, субъективно для каждого исследователя, так как существует много “форм-космополитов”, общих для нескольких континентов. Для каждого вида млекопитающих, птиц и рыб Дыбовский четко указывал ареал их обитания. Всего в Восточной Сибири ученый описал 555 видов птиц, из них к азиатским видам он отнес 254; к европейским, измененным пребыванием в Азии – 92; к европейским, не измененным пребыванием в Азии – 174; к американским – 34; к австралийским – один вид. Новые для науки виды составляли 6,6% от общего числа. Авифауна Камчатки включает по Б.И. Дыбовскому 195 видов, а Командорских островов – 153 вида, или 37,5% всей авифауны Восточной Сибири. Причиной существования на Камчатке птиц, отличных от Прибайкалья и Даурии, Б.И. Дыбовский считал “островное прошлое” полуострова, что и позволило сформироваться здесь новым видам.

Вторая работа ученого “О пресноводных и морских рыбах Восточной Сибири” носит комплексный, зоогеографический характер. Ученый разделил пресноводные бассейны Восточной Сибири на три: байкальский, амурский и ленский, изучив ихтиофауну двух первых. Дыбовский допускал и выделение четвертого, камчатского бассейна, однако, обитающие там лососевые имеют морское происхождение и им была описана только одна пресноводная рыба – конек (*Catostomus uhensis*). Реки Забайкалья, которые исследовал Б.И. Дыбовский (Ингода, Онон, Аргунь, Шилка), относятся к амурскому бассейну. Ученый отмечал, что ихтиофауна этого бассейна включает как виды, похожие на европейские, так и виды, носящие черты южной (китайской) и северной (местной) ихтиофаун, а сам Амур называет “живым зоологическо-палеонтологическим музеем, собирающим различные виды, сохраняющим их и придающим им собственные черты”⁹². Он выделил в бассейне Амура 90 видов рыб, 21 из которых считал близкими к европейским, а главной географической особенностью бассейна назвал малое число озер (единственное большое озеро – Ханка, остальные, как, например, Кенонское близ Читы или Бальзинское близ Дарасуна, зимой замерзают до дна).

Б.И. Дыбовский возглавлял кафедру зоологии Львовского университета до 1906 года, когда вышел на пенсию, но в преж-

⁹² *Dybowski B.* O rybach słodkowodnych i morskich Wschodniej Syberii. Lwów, 1923. S. 23.

нем темпе продолжал свои научные занятия. Несмотря на покачнувшееся здоровье: душащий кашель и снижение слуха, он признавал только одно лекарство – порошок хины⁹³. Друзья советовали ученому написать воспоминания о своем пребывании в Сибири, и на Дальнем Востоке, над этим он начинает работать в начале 1910-х годов⁹⁴.

Последний, львовский период жизни Дыбовского, был ознаменован всеобщим признанием, что наглядно видно из его корреспонденции, хранящейся ныне в Ягеллонской библиотеке в Кракове. Ему писали как простые пациенты, так и увенчанные лаврами славы научные светила. Данная корреспонденция публикуется впервые, поэтому мы позволим себе процитировать наиболее интересные фрагменты из писем.

Б.И. Дыбовский до конца жизни не терял связь со своими сибирскими знакомыми. Житель Дарасуна И.П. Бялковский писал ученому в 1914 году:

“Люди весьма хорошо об Вас поминали и говорили вообще, что таких людей очень мало на свете и сколько доброго совету Вы им давали”⁹⁵.

Курорт Дарасун, как и предсказывал Дыбовский, уже к началу XX века стал весьма популярен в Восточной Сибири и ежегодно привлекал многочисленную публику. Ссылный польский повстанец Эдвард Барткевич писал ученому из Иркутска в 1912 году:

“Вы не забывали обо мне в Сибири и не раз сердечным словом прибавляли мне сил, дабы перенести жизнь на поселении, которая была тяжела. Я навсегда сохраню это в сердце”⁹⁶.

Б.И. Дыбовский с трогательным вниманием относился к молодым исследователям, только начинающим свою научную биографию, старался им помогать и поддерживать. Это отношение не изменилось и после кардинальных политических перемен, принесенных 1917-м годом. В архиве Дыбовского сохранилось письмо молодого сотрудника АН СССР в Ленинграде В.И. Цветкова от 1928 года. Молодой человек писал:

“Глубокоуважаемый Бенедикт Иванович! От души благодарю Вас за те добрые советы, которые Вы высказали мне в письме Вашем! Мне как молодому, только вступающему на путь научной деятельности биологу, чрезвычайно дорого Ва-

⁹³ ZNIO. Rkp. 7176. К. 325–326.

⁹⁴ ZNIO. Rkp. 12648. К. 465; Rkp. 14009. К. 375.

⁹⁵ BJ. Sign. 10113. К. 1.

⁹⁶ BJ. Sign. 10112. К. 74.

ше внимание. Ваше письмо – драгоценная для меня реликвия, которую я буду хранить при себе всю жизнь”⁹⁷.

СОИРГО в Иркутске постоянно обращалось к Б.И. Дыбовскому за теми или иными материалами, касающимися фауны Сибири и Дальнего Востока, в чем ученый никогда не отказывал. На общем собрании членов СОИРГО 13 февраля 1913 года Б.И. Дыбовскому было присвоено звание почетного члена “за многолетнюю просвещенную деятельность по изучению Восточной Сибири”⁹⁸. Уже в совершенно другое время, в конце 1920-х годов, редакция Большой Советской Энциклопедии обратилась к ученому с просьбой предоставить ей основные биографические сведения. Дыбовский и его научные исследования были вне времени. В 1926 году Академия наук СССР организовала экспедицию по изучению Байкала, Дыбовский присылал ее участникам по их просьбе свои работы по байкальской фауне. Участники экспедиции прислали ученому во Львов фотокарточку, где они были запечатлены, с надписью:

«Глубокоуважаемый Бенедикт Иванович! Собравшись перед началом работ отдельных партий, Байкальская экспедиция Академии наук невольно вспоминает Ваши заслуги по изучению Байкала и с берегов “священного моря” шлет Вам привет и наилучшие пожелания»⁹⁹.

В 1927 году ему было присвоено звание члена-корреспондента АН СССР.

Значительная часть зоологических коллекций Б.И. Дыбовского осталась в России. Например, энтомологическую коллекцию, состоящую из 100 000 экземпляров, ученый подарил П.П. Семенову-Тянь-Шанскому. В 1911 году он преподнес коллекцию байкальских моллюсков в дар Зоологическому музею императорской Академии наук, в 1913 году – каспийских, а в 1915 году – коллекцию галицийских дождевых червей (по этому поводу в бумагах ученого сохранились благодарственные письма директора Зоологического музея императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Н.В. Насонова)¹⁰⁰.

В последние годы жизни ученый был поглощен решением загадки происхождения животного мира Байкала. С этой целью он проводит сравнительный анализ между моллюсками Байкала и Каспийского моря, а также морфологическим строением байкальской нерпы и каспийского тюленя (*Phoca caspica*). В 1925–

⁹⁷ ВJ. Sign. 10113. К. 56.

⁹⁸ ВJ. Sign. 10117. К. 160.

⁹⁹ ВJ. Sign. 10118. К. 88.

¹⁰⁰ ВJ. Sign. 10119. К. 231–232, 247–248.

1926 годах он вступил в переписку с профессором А.Н. Державиным, известным ихтиологом и гидробиологом, жившим в Баку. Дыбовский отмечал в одном из писем, что число особей бокоплавов как в Байкале, так и в Каспийском море, огромно и советовал коллеге производить вскрытие каспийских рыб для сбора фаунистического материала. А.Н. Державин писал во Львов:

“Благодарю судьбу, позволившую хотя по переписке познакомиться с Вами и принести свое глубочайшее уважение Вашему исследовательскому энтузиазму и разносторонним интересам, которые Вы сохраняете на протяжении стольких лет”¹⁰¹.

В последние годы жизни Б.И. Дыбовский был увлечен международным языком эсперанто и сам выучил его. По мнению ученого, он должен был объединить научный мир, а “только посредством научной работы народы постигают красоту мира”¹⁰². В одном из писем М. Дубецкому Б.И. Дыбовский так доказывал необходимость внедрения международного языка:

“Теперешняя мировая война доказала, что малые нации по крайней мере не думают отказываться от своей самостоятельности, наоборот, требуют большего признания своих прав. Все народы стараются сохранить языковую самостоятельность в наичистейшей форме и противостоят всяким попыткам деспотичного навязывания себе другого языка. При таком положении вещей становится понятной необходимость использования нейтрального международного языка, легкого для изучения, логичного, звучного, простая грамматика которого не имела бы исключений и достаточно бы было нескольких лекций для овладения им. Таким языком является эсперанто, признанный отвечающим всем требованиям везде”¹⁰³.

Б.И. Дыбовского интересовали вопросы национальной политики по окончании Первой мировой войны. Он, например, еще в 1920-е годы выступал за создание независимого еврейского государства в Палестине и за то, чтобы под этим подписались все страны, на территории которых проживали евреи¹⁰⁴. Всеобщая братская любовь народов занимала доминирующее место в его политических взглядах. “Нужно уметь любить, дабы быть любимым”, – писал ученый в 1922 году, – “это правило, о котором должен помнить каждый человек, дабы счастливо жить на земле”¹⁰⁵.

¹⁰¹ ВJ. Sign. 10113. К. 78–83.

¹⁰² ZNIO. Rkp. 7200. К. 287.

¹⁰³ ВJ. Przyb. 157/63.

¹⁰⁴ ZNIO. Rkp. 7200. К. 347.

¹⁰⁵ ВJ. Przyb. 8/67. Т. 1.

Один из польских биографов и современников Б.И. Дыбовского так писал о нем:

“Если мы посмотрим на события его жизни, то там нет необычайных и фантастических приключений, нет ничего чрезвычайного – есть только ежедневная кропотливая работа, ежедневная борьба с препонами, расставляемыми природой и человеком, жизнь, ежедневно полная борьбы с первобытной природой, озаренная любовью к науке и любовью к людям, полная героизма и самопожертвования великим идеям – счастью родины, пользе для науки и пользе для человечества”¹⁰⁶.

Бенедикт Иванович Дыбовский умер 30 января 1930 года в возрасте 97 лет и похоронен на Лычаковском кладбище во Львове (в той его части, где лежат ветераны восстания 1863–1864). Старая могильная плита с польским текстом несколько лет назад заменена на новую, с надписью на украинском языке, гласящей: “Зоолог Бенедикт Дыбовский. 1833–1930”.

На северо-востоке Польши в местечке Каидово находится парк диких животных, носящий имя Б.И. Дыбовского, в нем в естественных условиях содержатся представители фауны Сибири и Дальнего Востока, почетное место среди них занимает пятнистый олень Дыбовского (*Cervus Dybowskii*). В Иркутске именем ученого названа улица.

Подводя итоги научной деятельности Б.И. Дыбовского отметим следующее. Исследования его носили комплексный характер, а благодаря теории эволюции Ч. Дарвина, которую ученый полностью разделял, ему удалось установить зависимость между средой обитания вида и его морфологией. Б.И. Дыбовский внес большой вклад в зоогеографию и систематику животных Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также Камчатки и Командорских островов, описав анатомию и ареал распространения каждого вида. На вышеуказанных территориях он встретил 555 видов птиц, 216 видов млекопитающих и 109 видов пресноводных рыб. Значителен вклад Б.И. Дыбовского в изучение антропологии, этнографии и языка коренных народов: в Забайкалье – бурят, на Камчатке – камчадалов. В завершении следует сказать, что Б.И. Дыбовский явился первым зоологом такого масштаба, который четыре года прожил в Забайкалье и в течение этого времени на месте, по живым экземплярам, следуя методике своего учителя К.М. Бэра, изучал богатый животный мир этого региона.

¹⁰⁶ Dyakowski B. Badacz... S. 8.

Основные даты жизни и деятельности Б.И. Дыбовского*

- 1833, 30 апреля** – в имении Адамарин Минской губернии родился Б.И. Дыбовский.
- 1847–1853** – учеба в Минской гимназии.
- 1853–1857** – учеба на естественно-медицинском факультете Дерптского университета.
- 1856** – Б.И. Дыбовский написал работу “О пресноводных рыбах Лифляндии”, удостоенной золотой медали.
- 1857–1858** – учеба в университете г. Бреслау.
- 1858** – участвовал в экспедиции на Адриатическое море.
- 1858–1860** – занимался научной работой при Берлинском университете.
- 1860, 18 января** – защитил работу на звание доктора медицины и хирургии “Рассуждение о партеногенезе”.
- 1862, 18 августа** – иностранфикация диплома доктора медицины в России. Защита работы “О карповых рыбах Лифляндии”.
- 1862–1864** – работал в качестве профессора зоологии в Варшавской Главной Школе.
- 1864, февраль** – арест и заключение в Варшавскую цитадель.
- 1864, 10 августа** – отправление в сибирскую ссылку.
- 1865, 30 марта** – прибытие в забайкальское село Сивяково близ Читы.
- 1865, осень – 1866, весна** – пребывание в Чите.
- 1866–1868** – научная работа в Дарасуне Забайкальской области.
- 1868–1872** – исследовательские работы на Байкале совместно с В. Годлевским (село Култук).
- 1869** – поездка в Забайкалье и на Дальний Восток в составе правительственной комиссии генерала И.Г. Сколкова.
- 1870** – Б.И. Дыбовский награждается золотой медалью Русского географического общества за фаунистические и физико-географические исследования на Байкале.
- 1872–1873** – второе пребывание Б.И. Дыбовского в Забайкалье.
- 1873–1875** – путешествие по рекам Амуру и Уссури, пребывание на берегах Японского моря.
- 1875–1877** – вторичное пребывание Б.И. Дыбовского и В.А. Годлевского на Байкале. Изучение флоры и фауны Прибайкалья.
- 1878, 13 декабря** – Б.И. Дыбовский избран действительным членом Русского географического общества.
- 1877–1879** – пребывание в Варшаве.
- 1879–1883** – научная работа на Камчатке и Командорских островах.
- 1883–1906** – Б.И. Дыбовский – профессор кафедры зоологии Львовского университета.
- 1913, 13 февраля** – Б.И. Дыбовскому присвоили звание почетного члена ВСОИРГО.
- 1927** – присваивается звание члена-корреспондента АН СССР.
- 1930, 31 января** – смерть Б.И. Дыбовского во Львове.

* До 1917 года даты приведены по старому стилю.

Библиография

Работы Б.И. Дыбовского*

На русском языке

- Исследование голомянки: (Сообщено из письма Б.И. Дыбовского) // Изв. СОИРГО. 1870. Т. I, № 1. С. 28–30.
- Ихтиологические и другие естественноисторические исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет о действиях СОИРГО за 1869 г. СПб., 1870. С. 39–48.
- Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Предварительный отчет о фаунистических исследованиях на Байкале // Там же. С. 167–204.
- Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Этюды у юго-западной оконечности Байкала: (Физико-географические заметки) // Изв. СОИРГО. 1870. Т. I, № 2/3. С. 35–48.
- Естественноисторические и другие исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет СОИРГО за 1870 г. Иркутск, 1871. С. 8–14.
- Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Отчет об измерении глубин озера Байкал, совершенном весною 1871 г. // Изв. СОИРГО. 1872. Т. II, № 5. С. 6–16.
- Дыбовский Б.И.* Материалы для зоогеографии Восточной Сибири // Там же. 1872. Т. III, № 2. С. 81–99.
- Естественноисторические исследования гг. Дыбовского и Годлевского в Забайкалье // Там же. 1873. Т. IV, № 1. С. 2–4.
- О некоторых новых видах птиц, найденных Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 г. // Там же. 1875. Т. V, № 3/4. С. 121–122.
- Дыбовский Б.И.* Гаммариды озера Байкал // Там же. 1875. Т. VI, № 1/2. С. 10–80.
- Дыбовский Б.И.* Рыбы озера Байкал // Там же. 1876. Т. VII, № 1/2. С. 1–25.
- Дыбовский Б.И.* Фаунистические исследования на Байкале // Там же. 1876. Т. VII, № 1. С. 34.
- Дыбовский Б.И.* Материалы для зоогеографии Восточной Сибири: Рыбы системы вод Амура // Там же. 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 1–29.
- Дыбовский Б.И.* Коллекция птиц, собранных гг. Дыбовским и Годлевским на устье реки Уссури // Там же. 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 76.

* Приведены только работы, так или иначе касающиеся животного мира Забайкалья и Восточной Сибири.

- Отчет о занятиях Б. Дыбовского и В. Годлевского в 1876 г. // Там же. 1877. Т. VIII, № 3/4. С. 115–135.
- Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Измерение дна озера Байкал // Там же. 1877. Т. VIII, № 1/2. С. 58–59.
- Дыбовский Б.И., Годлевский В.А.* Физико-географические исследования на Байкале в 1869–1876 гг. // Байкальский сборник. Иркутск, 1897. Вып. 1. С. 1–62.
- Дыбовский Б.И.* Автобиография // Фауна Байкала: 50 лет ВСОИРГО, 1851–1901: Юбил. сб. Киев, 1901. Вып. 1. С. 1–12.

На польском языке

- Dybowski B.* O Syberii i Kamczatce. Lwów, 1899. 248 s.
- Dybowski B. Wiktor Godlewski:* Wspomnienie pośmiertne // Kosmos, 1900. Lwów. R. 25. S. 690–692.
- Dybowski B.* O znaczeniu i doniosłości teoryj mutacyjnych: Ewolucyjnych w nauce i w życiu. Lwów, 1902. 78 s.
- Dybowski B.* Wspomnienia z przeszłości półwiekowej. Lwów, 1913. S. 103–104.
- Dybowski B., Grochmalicki J.* Badania nad ślimakami bajkalskimi o rozwiniętych skretach skorupy, oraz nad formami podobnymi z innych miejscowości // Kosmos. Lwów, 1920. N 45. S. 87–100.
- Dybowski B.* Spis systematyczny gatunków i ras zwierząt kręgowych fauny Wschodniej Syberii. Lwów, 1922. 46 s.
- Dybowski B., Grochmalicki J.* Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego // Kosmos. Lwów, 1923. N 48. S. 7–58.
- Dybowski B.* O rybach słodkowodnych i morskich Wschodniej Syberii. Lwów, 1923. 39 s.
- Dybowski B.* Bajkał i jego znaczenie dla wiedzy przyrodniczej // Przyroda i technika. Lwów, 1923. S. 367–368, 466–476.
- Dybowski B., Grochmalicki J.* Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego // Kosmos. Lwów, 1925. N 50. S. 819–881.
- Dybowski B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 628 s.

Литература о Б.И. Дыбовском

На русском языке

Справочники и энциклопедии

- Дыбовский Б.И.** // Энциклопедический словарь / Брокгауз, Ефрон. СПб., 1893. Т. 21. Стб. 299.
- Дыбовский Б.И.** // Новый энциклопедический словарь / Брокгауз, Ефрон. СПб., 1914. Т. 17. Стб. 25.
- Дыбовский Б.И.** // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 866–867.

- Дыбовский Б.** // БСЭ. 1931. Т. 23. Стб. 699.
Дыбовский Б.И. // БСЭ. 2-е изд. 1952. Т. 15. С. 322.
Дыбовский Б.И. // БСЭ. 3-е изд. 1972. Т. 8. С. 558.
Дыбовский Б.И. // Русские ботаники: Биографо-библиографический словарь. М., 1950. Т. 3. С. 224.
Дыбовский Б.И. // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958. Т. 1. С. 324.

Исследования

- Берг Л.С.* Б.И. Дыбовский: (Некролог) // Природа. 1930. № 10. С. 1047–1048.
- Винкевич Г.А.* Б.И. Дыбовский: (Основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961. 59 с.
- Винкевич Г.А.* Выдающийся географ и путешественник. Минск: Наука и техника, 1965. 105 с.
- Вотинцев К.К., Мазепова Г.Ф.* Бенедикт Дыбовский – основатель лимнологии: Его вклад в изучение байкальской фауны // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 15–23.
- Голенкова А.И.* Бенедикт Дыбовский // Следопыты Байкала. 2-е изд. Иркутск, 1986. С. 3–57.
- Дорогостайская Е.В.* К истории исследования озера Байкал: О переписке Бенедикта Дыбовского с русскими учеными // Изв. ВГО. 1978. Т. 110, вып. 3. С. 269–273.
- Дьяконов А.М.* Бенедикт Дыбовский (1833–1930) // Природа. 1931. № 7. С. 712–715.
- Здун В.И.* Коллекция байкальских моллюсков Бенедикта Дыбовского в Зоологическом музее Львовского университета // Вопросы малакологии Сибири: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. по изуч. пресноводных моллюсков Сибири. Томск, 1969. С. 68–72.
- Насонов Н., Сушкин П.* Записка об ученых трудах проф. Б.И. Дыбовского // Изв. АН СССР. Отд.-ние физ.-мат. наук. 1928. № 8/10. С. 656.
- Овчинникова Т.Н.* Важный этап истории изучения Байкала во второй половине XIX в. // Жизнь Земли: Сб. Музея земледования МГУ. 1963. Вып. 9. С. 221–223.
- Россолимо Л.Л.* Б. Дыбовский и В. Годлевский на Байкале: К 100-летию научного байкаловедения, 1869–1969 // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 3. С. 119–123.
- Тачановский В.* О некоторых новых видах птиц, найденных Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 г. // Изв. СОИРГО. 1875. Т. V, № 3/4. С. 121–122.
- Шостакович Б.С.* К проблеме изучения и введения в научный оборот источникового наследия Б.И. Дыбовского // Советско-польский симпозиум “100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале”: Тез. докл. Иркутск, 1989. С. 65–67.

- Шостакович Б.С.* О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.): Сб. науч. тр. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 6–25.
- Шостакович Б.С.* Неопубликованная сибирская “дыбовскиана”: Обзор историко-гуманитарного наследия Б. Дыбовского, относящегося к Сибири // Байкал и естествознание за 100 лет: (К 100-летию исследований поляков на Байкале). Иркутск, 1993. С. 159–166.

На польском языке

- Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W.* Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków, 1815–1914. Warszawa: Wyd-wo nauk. PWN, 1992. S. 36, 77, 276, 277, 281, 341, 344.
- Brzęk G.* Benedykt Dybowski: Życie i dzieło. Wrocław, 1994. 396 s.
- Chudzikowska J., Jaster J.* Tajemnica świętego morza, czyli Benedykta Dybowskiego żywot nieurojony. Warszawa, 1957. 518 s.
- Domaniewski J.* Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954. S. 171.
- Dyakowski B.* Badacz dalekiej północy: (Benedykt Dybowski). Warszawa, 2003. 69 s.
- Dybowski Wł.* Wspomnienia z lat dziecińczych // Wszechświat. Lwów, 1913. T. 22. S. 130–131.
- Fuliński B.* Benedykt Dybowski. S.l., 1928. S. 2–4.
- Hirschler J.* Dwa przemówienia o dwóch przyrodnikach polskich: Benedykt Dybowski. Lwów, 1933. S. 3–24.
- Jaworski A.* O sposobach postępowania i nauce dra Benedykta Dybowskiego. Lwów, 1896. 34 s.
- Kowalska K., Mikłaszewska-Mroczkowska A.* Benedykt Dybowski: Metiraty biograficzno-bibliograficzne. Wrocław, 1960. 96 s.
- Kulmatycki W.* O życiu i działalności ś.p. prof. dr. Benedykta Dybowskiego. Łódź, 1930. S. 2–3.
- Librowicz Z.* Polacy w Syberii. Kraków, 1884. S. 302.
- Łukarski Z.* Ludność polska w Rosji, 1863–1914. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 29, 30, 166, 186, 187.
- Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej: Zesłancy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. S. 253, 254, 256, 264, 265.
- Słonimski P.* Benedykt Dybowski: (W 5-letnią rocznicę zgonu). Warszawa, 1935. 8 s.
- Taczanowski Wł.* Listy do Antoniego Wagi, Kostantego Branickiego i Benedykta Dybowskiego / Dział historii zoologii Inst. zoologicznego PAN. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 210.
- Talko-Hryncewicz J.* Benedykt Dybowski (1833–1930) // Archiwum historii i filozofii medycyny oraz historii nauk przyrodniczych. Poznań, 1932. T. 12. S. 98–119.
- Trepka A.* Benedykt Dybowski. Katowice, 1979. 494 s.
- Ziembicki W.* Ś.p. Benedykt Dybowski, 1833–1930: (Życiorys). Lwów, 1930. S. 1–10.

Архивные источники

Российские

Арх. ИМОИП. 1884 г. Письма членов общества и других лиц. Л. 50 об.
ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 36, 74.
ГАЧО. Ф. 1. Оп. 4 (т). Д. 64. Л. 40–41.

Польские

VJ. Sign. 10112. К. 74.
VJ. Sign. 10113. К. 1, 56, 78–83, 99–100, 106–107.
VJ. Sign. 10114. К. 34, 100–108.
VJ. Sign. 10116. К. 19.
VJ. Sign. 10117. К. 160.
VJ. Sign. 10118. К. 88.
VJ. Sign. 10119. К. 160, 231–232, 247–248.
VJ. Przyb. 157/63.
VJ. Przyb. 8/67. Т. 1.
ZNIO. Rkp. 7176. К. 325–326.
ZNIO. Rkp. 7200. К. 287, 347, 487.
ZNIO. Rkp. 12034. К. 135–149.
ZNIO. Rkp. 12648. К. 465.
ZNIO. Rkp. 13325. К. 1–10.
ZNIO. Rkp. 14009. К. 375.

Использованная литература

Справочники. Энциклопедии

Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 1265.

Исследования

На русском языке

Андрусов Н. О двух новых родах гастропод из апшеронского яруса // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. 1903. Т. XXXI, вып. 5. С. 55–72.
Изв. СОИРГО. 1873. Т. IV, № 1. С. 2–3.
Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 1. С. 3.
Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 4/5. С. 80.
Кожов М.М. Биология озера Байкал. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 315 с.
Кожов М.М. Животный мир озера Байкал. Иркутск: ОГИЗ, 1947. 302 с.
Кожов М.М. Очерки по байкаловедению. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 254 с.

Константинов М.В., Константинова Н.Н. “Быть во владении Российского государства” – формирование и охрана забайкальской границы // История и основные этапы становления государственной границы в Восточной Сибири: Забайкалье, перспективы укрепления государственной границы на забайкальском направлении: Воен.-ист. конф., посвящ. 70-летию Краснознаменного регионального управления ФПС России. Чита, 2000. С. 23–27.

Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетней деятельности императорского Русского географического общества в торжественном собрании Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества 21 января 1896 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Чита, 1897. Вып. II. С. 125.

Лопатин Г.В. О многолетнем колебании уровня озера Байкал // Докл. АН СССР. 1954. Т. 94, № 6. С. 1041–1043.

Скрябин Н.Г. Птицы Байкала // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. С. 81–85.

Яковец Р.Л. Байкальская полония // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2000. Т. 3. С. 75–76.

Янковский М. Остров Аскольд // Изв. СОИРГО. 1881. Т. XII, № 2/3. С. 82–87.

Янковский М. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива // Там же. 1881. Т. XII, № 2/3. С. 92–93.

Прочие

Dybowski W. Ein Beitrag zur Kenntnis der im Baikal-See lebenden Ancyclus-Arten // Бюл. ИМОИП. 1884. № 4. С. 145–149.

Masaiarz Wł. Polskie kolonie na Syberii Wschodniej na przełomie XIX i XX wieku // Proca Naukowe. Gorzów Wlkp., 2001. Т. 2. S. 285.

**Забайкальский ботаник
Георгий Андреевич Стуков
(1854–1912)**

Последняя четверть XIX века представляет собой начало качественно нового этапа в научном освоении Забайкалья. Для него характерно, прежде всего, появление местных исследователей-сибиряков, которые, желая служить научному знанию, отдавали свои силы изучению Даурии в естественноисторическом отношении. Если сведениям по географии, флоре, фауне, археологии и т.д. Забайкалья в первой половине XIX века российская и мировая наука были обязаны либо исследовательским экспедициям, присланным из Санкт-Петербурга, либо политическим ссыльным (как в случае с Б.И. Дыбовским) и приезжим чиновникам-любителям, то конец столетия ознаменовался приходом таких талантливых ученых, коренных сибиряков, как Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, отдавших изучению родного края знания, полученные ими в центральных образовательных учреждениях России. Известный забайкальский краевед Е.Д. Петряев писал в 60-е годы прошлого столетия:

“До начала 80-х годов [XIX века – Э.Н.] в Чите своих культурных сил было мало. Главную массу интеллигенции составляли приезжие чиновники, стремившиеся только использовать преимущества сибирской службы и поскорее возвратиться в Россию. Почти все статьи и заметки о жизни забайкальцев, появлявшиеся тогда в печати, принадлежали перу путешественников, миссионеров, ревизоров и других случайных гостей Забайкалья”¹.

В списке имен исследователей Забайкалья видное место занимает имя скромного преподавателя духовного училища в г. Нерчинске, ботаника Георгия Андреевича Стукова (1854–1912), которое по праву должно стоять в одном ряду с вышеупомянутыми знаменитыми учеными-сибиряками. Именно Г.А. Стукову наука обязана первыми трудами по географическому распространению даурских растений, что представляло для того времени новый и перспективный раздел – ботаническую географию. Коллекции забайкальского ботаника насчитывали около 1000 видов высших

¹ *Петряев Е.Д.* Вперед – огни. Иркутск, 1968. С. 213.

растений и несколько сотен видов споровых, 15 из которых были новыми для науки.

До исследований Г.А. Стукова единственным справочником по даурской флоре был трехтомный труд современника декабристов Н.С. Турчанинова под названием “Байкало-даурская флора”, вышедший в Москве в 1842–1856 годах. Однако, труд Н.С. Турчанинова имел существенный недостаток: он оставлял без внимания географическое распространение растений и констатировал только присутствие того или иного вида в Забайкалье, таким образом, создавая огромный пробел в географии растений. Главная заслуга Георгия Андреевича Стукова перед наукой заключается именно в восполнении этого пробела. Труды забайкальского исследователя в указанный период были первой попыткой ботанико-географического описания Даурии. Один из членов Читинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества (далее – ПОИРГО) так писал о роли первого поколения коренных сибиряков, отдавших силы забайкальской науке:

“От природы одаренные стремлением изучить и понять окружающую жизнь, они каждый в своей области делали свое маленькое и, может быть на первый взгляд незаметное дело, в результате внося и свою лепту в общую сокровищницу знания. Они – продукт своего времени, своей среды и тех условий, в которых они жили и работали. При всем разнообразии обстановки, их индивидуальных особенностей и склонностях, общее для всех них – горячая любовь к родине, бескорыстное служение науке и вера в будущее, вера в то, что и их скромные труды найдут свое место в общей сокровищнице человеческих знаний, в той науке, которая в конце концов приведет людей к свету, правде и истине”².

Имя Георгия Андреевича Стукова совершенно забыто и не упоминается даже в Сибирской Советской Энциклопедии, которая собрала имена более или менее известных исследователей Сибири и Дальнего Востока. Настоящая научная биография – первая и единственная попытка охарактеризовать его исключительный вклад в изучение даурской флоры. О нем написано всего несколько небольших газетных статей, а также тезисов местных краеведческих конференций, в то время как его заслуги перед наукой явно превосходят внимание исследователей к его деятельности³. При жизни Георгия Андреевича его имя в централь-

² ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 21. Л. 145.

³ Антонова Г. Ботаническое наследие краеведа // Забайкальский рабочий. 1977. 17 авг.; Горбатовский Ю. Памяти Г.А. Стукова // Забайкальская новь. 1912.

ной печати упоминалось всего один раз в книге “Коллекторы и коллекции по флоре Сибири”⁴. Таким образом, двумя единственными видами существующих источников для восстановления научной биографии Г.А. Стукова служат “Записки” Читинского отделения ПОИРГО, почетным членом которого он являлся, а также документация, хранящаяся в фонде № 115 ГАЧО (фонде географического общества). Кроме того, счастливой случайностью явилось то, что в 1960-е годы племянница Георгия Андреевича, Ольга Алексеевна Стукова, передала в ГАЧО весьма ценную переписку исследователя. Приступая к изложению биографии Г.А. Стукова, мы руководствовались словами председателя Читинского отделения ПОИРГО Д.М. Головачева, сказавшего в 1912 году, что “среди ярких имен представителей русской науки и скромное имя Г.А. Стукова должно занять свое место”⁵.

Георгий Андреевич Стуков родился в 1854 году в селении Дону близ города Нерчинска в семье дьякона. Следуя совету отца, он поступил в Иркутскую духовную семинарию, после окончания которой в 1874 году вернулся в родные места и работал преподавателем латинского языка, арифметики и географии в Нерчинском духовном училище. Стуков также обучал мальчиков пению и выполнял при училище административные функции.

Скромный преподаватель духовного училища приступил к своим занятиям ботаникой сначала как коллектор-любитель. Следует сказать, что в то время Нерчинск, хотя и старейший город Забайкальской области и ее культурный центр, вообще не располагал какой бы то ни было литературой о растительном мире Даурии. Таким образом, определить собранные растения на месте у Георгия Андреевича не было практически никакой возможности. В весьма сложных условиях приходилось ему начинать свою исследовательскую работу. Вот как об этом писал один из членов Читинского отделения ПОИРГО агроном И.Ф. Крюков:

“Для ботаника-любителя, изучение флоры в условиях отдаленного от культурных центров захолустья при отсутст-

№ 1544; Колобов М.А. Некролог. Воспоминания // Там же. № 1543, 1546, 1580; Локотко О.Г. Исследователи Забайкалья в экспозиции отдела природы // Забайкалье – судьба провинции. Чита, 2002. Вып. 4. С. 41–51; Небольсина Т.М. Из истории гербария Читинского областного краеведческого музея // Там же. С. 21–24; Отчет о заседании отделения Географического общества памяти Г.А. Стукова // Забайкальская новь. 1912. № 1578; Сизиков А.И. Влюбленный в Забайкалье // Забайкальский рабочий. 1962. 18 нояб.; Он же. Основателям посвящается // Там же. 1966. 22 окт.

⁴ Борodin И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908. С. 115–116.

⁵ Головачев Д.М. Памяти Г.А. Стукова // Зап. ЧОПОИРГО. 1913. Вып. IX. С. 10.

вии хороших гербариев и доступных литературных пособий, при отсутствии опытных руководителей, – дело крайне нелегкое и сопряжено с бесчисленными затруднениями, которые очень скоро могут отбить охоту к продолжению занятий ботаникой”⁶.

Счастливая случайность помогла Георгию Андреевичу поставить свои исследования на более высокий уровень. В 1888 году в Нерчинск на место провизора городской аптеки прибыл страстный ботаник-любитель Фердинанд Каэтанович Каро (1854–1927), поляк по происхождению, собравший в Сибири свыше 80 000 экземпляров растений, из которых несколько десятков видов не были известны науке. Гербарии его и по сей день хранятся в музеях Лондона, Лозанны, Киева, Флоренции и Варшавы⁷. Каро располагал некоторой литературой по ботанике, и в 1889 году оба исследователя провели в окрестностях Нерчинска ботанические сборы. Свою коллекцию, собранную в 1888–1889 годах, Фердинанд Каэтанович отослал для определения в Будапешт профессору ботаники Э. Рихтеру, который в свою очередь переслал ее в Прагу профессору И. Фрейну. После обработки Фрейном данной коллекции, 300 видов из нее поступили в Нерчинский музей и стали серьезным подспорьем для Георгия Андреевича, именно по гербариям Каро он первоначально определял собранные растения. Однако, этого своего рода “пособия” стало недостаточно, и вскоре Стукову удастся достать первый том “Байкало-даурской флоры” Н.С. Турчанинова. Коллекция Каро являлась слишком неполной и для Г.А. Стукова единственным выходом было отправлять собранные растения для определения в Московский университет профессору В.Я. Цингеру. За период с 1889 по 1897 годы Георгий Андреевич отослал ему более 800 видов представителей даурской флоры.

В 1894 году в Чите было основано Читинское отделение ПОИРГО, которое дало мощный толчок развитию забайкальской науки, объединив доселе разрозненные “научные кадры” этого региона. Г.А. Стуков явился одним из членов-учредителей данного филиала Русского географического общества. Роль Читинского отделения ПОИРГО в развитии науки в Забайкалье весьма велика, поэтому позволим себе посвятить несколько слов истории создания этого учреждения.

⁶ *Крюков И.Ф.* Г.А. Стуков как ботаник // Зап. ЧОПОИРГО. 1913. Вып. IX. С. 12.

⁷ *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: Słownik biograficzny. Poznań, 2000. S. 147; *Петряев Е.Д.* Краеведы и литераторы старого Забайкалья: Библиографический указатель. Чита, 1981. С. 43.

А.К. Кузнецов, первый директор музея при Читинском отделении ПОИРГО так писал о роли географического общества для Забайкалья:

“В глухих местах, отдаленных от университетов и других центров умственной деятельности – ученое общество со скромными задачами может не только существовать, но и совершать громадную культурную работу, пользуясь уважением как среди всех слоев местного населения, так и среди ученых. Причина успеха и влияния отдела заключается в том, что деятельность его никогда не замыкалась в одну программу географии в узком смысле этого слова, а постепенно расширяла свои задачи, идя в уровень с прогрессом науки и потребностями жизни. Притом двери этого храма науки, как и страницы его изданий, всегда открыты не только для ученых специалистов, но и для скромных любителей из всех слоев общества, каково бы ни было их специальное положение; каждый из работников несет бескорыстно свой труд в общую сокровищницу знаний о Сибири”⁸.

Именно географическое общество позволило Г.А. Стукову вырасти из скромного коллектора-любителя в ученого-ботаника, популяризатора знаний о растительном мире Даурии.

До открытия филиала географического общества на территории Забайкалья функционировали следующие организации, имевшие большее или меньшее отношение к науке: музей и библиотека в Нерчинске (основанные в 1887 году), музей в Троицкосавске. В столице Забайкальской области Чите в то время не было даже музея, однако, в частных руках имелось немало ценных коллекций, пригодных для его создания. По словам известного забайкальского общественного деятеля Д.М. Головачева,

“мысль об основании в Чите какого-либо учреждения, которое бы собирало и систематизировало материал по естествознанию, этнографии и археологии Забайкалья, давно блуждала среди некоторых лиц местного населения”⁹.

Основания в Чите научного общества настоятельно требовало время, экономическое и политическое развитие региона. Полным ходом шло строительство забайкальского звена Транссибирской железной дороги, соединяющей Сибирь с Европой¹⁰.

⁸ Зап. ЧОПОИРГО. 1897. Вып. II. С. 153.

⁹ Головачев Д.М. Десятилетие Читинского отделения (1894–1904) // Зап. ЧОПОИРГО. 1905. Вып. V. С. 1.

¹⁰ Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья, 1851–1917 гг. Чита, 2001. С. 48–57.

“Забайкалье из глухой, отдаленной от центра окраины, мало кому интересной и известной, заняло почти боевую позицию в жизни многомиллионного русского народа. Жизнь со всеми ее перепетиями и неожиданностями с неумолимой последовательностью выдвинула события последнего времени. Отдаленная и мало кому известная окраина очутилась ближайшей соседкой Дальнего Востока. Чита из захолустного города превратилась в один из ближайших опорных пунктов русской народности на Востоке”, – писал тот же Д.М. Головачев¹¹.

Инициаторами основания в Чите филиала географического общества были два талантливых исследователя Забайкалья: ссыльный нечаевец, бывший студент Московской сельскохозяйственной академии Алексей Кириллович Кузнецов и талантливый врач, натуралист-любитель Николай Васильевич Кирилов (близкие знакомые Г.А. Стукова). Оба деятеля выдвинули свою идею на общем собрании членов Забайкальского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты 12 июля 1894 года. Эта идея была весьма благосклонно встречена находившимся в то время в Чите генерал-губернатором Приамурского края С.М. Духовским. Последний являлся основателем и покровителем ПОИРГО в Хабаровске и теперь принял активное участие в основании филиала – Читинского отделения ПОИРГО. Торжественное собрание, посвященное открытию отделения, имело место в читинской резиденции военного губернатора, так называемом Атамановском доме, 16 июля 1894 года. Звание покровителя забайкальского филиала Русского географического общества принял генерал-губернатор С.М. Духовской, первым же председателем стал военный губернатор Забайкальской области Евгений Осипович Мацевский. На этом собрании в качестве члена-учредителя присутствовал приехавший из Нерчинска Г.А. Стуков. Читинское отделение ПОИРГО получило право печатания собственных изданий, пересылки без оплаты корреспонденции и посылок, издания трудов членов на средства самого филиала. Последние складывались из ежегодных членских взносов (по 5 рублей в год от каждого члена), пожертвований частных лиц и денежной помощи ПОИРГО. Развернулась активная переписка между Читинским отделением ПОИРГО и обществами естествоиспытателей России, касающаяся обмена опытом работы организаций, экскурсий и выставок. Началась работа по изучению вечной мерзлоты, состоянию почв, водоемов, целебных источников, по сбору сведений по статисти-

¹¹ Головачев Д.М. Десятилетие... С. 2.

ке, распределению земельных угодий и переселенчеству. В Чите 16 апреля 1895 года торжественно были открыты библиотека и музей, директором последнего стал А.К. Кузнецов¹². Согласно принятой членами отделения концепции, музей

“должен представлять наглядную картину природы, как окружающей нас, так и отжившей, и проявлений человеческого ума, как в настоящее время, так и в прошедшем”¹³.

В последующие годы в коллекциях музея гербарии Г.А. Стукова занимали почетное место. Вскоре вышло в свет первое печатное издание Читинского отделения ПОИРГО в которых в будущем было опубликовано большинство работ Г.А. Стукова. Подчеркивая стремительное развитие региона в конце XIX – начале XX века, газета “Амурский край” писала в 1901 году:

“Чита шумит теперь сравнительно с тем, что она представляла из себя пять лет тому назад; она шумит приливом новых элементов населения, своей железной дорогой, своей все развивающейся торговлей, известной степенью своего роста как город, наконец, своим высокоблагодетельным учреждением – отделением императорского Русского географического общества”¹⁴.

Несомненно, столь лестный отзыв прессы о научном учреждении в Чите имел место благодаря самоотверженной работе его членов, в том числе и Г.А. Стукова.

Являясь преподавателем Нерчинского духовного училища, Г.А. Стуков имел продолжительный летний отпуск, который употреблял на ежегодные многочисленные дальние и ближние поездки по Забайкалью. В 1880-е годы он начал также изучать минеральные источники Даурии, которых здесь насчитывалось несколько сотен, однако, не было описано и нескольких десятков. Г.А. Стуков являлся автором многих статей по этой теме, о чем более подробно будет сказано ниже.

В 1895 году Г.А. Стуков передал Читинскому музею список растений, включающий в себя 730 видов, определенных профессором В.Я. Цингером, которому предшествовало введение. Это была первая “проба пера” Георгия Андреевича на поприще ботаники. В 1896 году Стуков ботанизировал на юге Забайкалья, в Акшинском уезде, в долинах рек Онона и Аргуни, на границе с Китаем, где ему удалось собрать несколько десятков видов расте-

¹² ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 1. Л. 79; Д. 2. Л. 3–7, 20–29, 32–37; Д. 26. Л. 208; Д. 34. Л. 49; Д. 40. Л. 345–346.

¹³ Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и краевого музея имени А.К. Кузнецова за тридцать лет, 1894–1924. Чита, 1924. С. 3.

¹⁴ Амурский край. 1910. 2(15) марта.

ний¹⁵. Особое внимание им было обращено на географическое распространение того или иного вида, а также на местные лекарственные и съедобные растения. Его первой опубликованной работой по ботанике стала статья “Некультурные съедобные растения Даурии”, появившаяся в печати в 1897 году¹⁶. В “Записках” Читинского отделения ПОИРГО за 1897 год вышла и вторая его статья под названием: “Список растений, входящих в состав сена в Забайкальской области”¹⁷. О результатах летних сборов 1897 года Г.А. Стуков так писал Ф.К. Каро, в 1893 году покинувшему Нерчинск и проживающему в Благовещенске:

“Во время каникул я по обыкновению кое-где побывал и гербаризировал – именно по реке Унде и частью по Аргуни. Нашел и нынче до двадцати неизвестных мне до сих пор видов, так что мой список растений перевалил теперь уже за 800 видов. Кое-какие сам определил, а частью послал еще из прежних сборов в Москву во флористический отдел Императорского общества акклиматизации растений и животных для определения. Вошел также в сношения с Юрьевским университетом насчет обмена растениями: послал ему кое-что для обмена и определения. Выслал и профессору Коржинскому [в Санкт-Петербург – Э.Н.] два растения в пятидесяти экземплярах каждое. Сейчас готовлю дополнительный гербарий для Читинского музея за два последних года, преподнесу туда видов до 80-ти новых, не имевшихся в прежде пожертвованных мной гербариях”¹⁸.

Как видим из этого письма, круглый год Георгий Андреевич занимался любимым делом – ботаникой.

В своей статье “Некультурные съедобные растения Даурии” Г.А. Стуков впервые дал перечень тех некультурных съедобных растений Забайкалья, которые имели какое-либо значение в хозяйстве местного населения, причем для каждого вида указал способ приготовления и использования. На первое место по употреблению Стуков поставил ягоды и грибы, на второе – различные виды дикорастущего лука, на третье – луковицы, семена и корни других дикорастущих трав¹⁹. Георгий Андреевич отмечал, что

¹⁵ Отчет Читинского отделения ПОИРГО, 1896. Чита. 1897. С. 9; Отчет о деятельности Забайкальского областного отделения ПОИРГО за 5 месяцев 1894 г. Чита, 1895.

¹⁶ Стуков Г.А. Некультурные съедобные растения Даурии // Зап. ЧОПОИРГО. 1897. Вып. II. С. 57–67.

¹⁷ Стуков Г.А. Список растений, входящих в состав сена в Забайкальской области // Там же. С. 65–68.

¹⁸ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

¹⁹ Зап. ЧОПОИРГО. 1897. Вып. II. С. 5.

сбор дикорастущих растений в Даурии едва ли уступал таким общепризнанным промыслам, как пушной, рыбный и кустарный и приносил населению области доход около 300 000 рублей в год. По Г.А. Стукову наиболее часто в Забайкалье употребляли следующие ягоды: голубицу, бруснику, черемуху, жимолость, черную и красную смородину, моховку (*Ribes procumbens* Pall.), шиповник, боярку (*Crataegus sanguinea* Pall.), тараножку (*Ribes diacantha* Pall.), княженику (*Rubus arcticus* L.). Он также указал способы заготовки и употребления этих ягод. Земляника, например, сушилась, ягоды рябины мариновались и шли на салат. Весьма интересен описанный Г.А. Стуковым забайкальский способ использования ягод черемухи:

“Сырую черемуху толкут в ступах, пока она вместе с раздробленными косточками не составит род густого теста. Из этого теста стряпают небольшие, вершок или полтора вершка в диаметре, колобочки или лепешки и сушат в печке. Затем высушенные колобочки просверливают посредине, нанизывают на веревочку и развозят на продажу под именем “корсунов” по копейке за штуку. В таком виде черемуха употребляется как лакомство, и корсун – в своем роде пряник из черемухи, пользующийся большим уважением в особенности среди юного населения. Такие же корсуны, хотя и реже, делаются и из теста размятой боярки”²⁰.

Весьма интересен также способ хранения свежесобранных ягод внутри стогов сена, описанный Г.А. Стуковым. В таких условиях, по словам автора, ягоды могли храниться с лета до наступления зимы.

Стуков не только дал описание видов грибов, используемых в пищу жителями Даурии, но также указал географическое распространение каждого из них. Первое место по популярности среди населения занимал груздь, затем шли: рыжик (*Agaricus deliciosus*), растущий главным образом по рекам Ингода и Онон; белянка (*Agaricus controversus* Pers.); волнушка (*Agaricus forminosus* Sclett); белый гриб, встречающийся только в районе Акши; красный гриб (*Boletus rufus* Pers.) и подберезовик (*Boletus scaber*).

Из употребляемых в Даурии видов дикорастущего лука Г.А. Стуков указал три: мангир (*Allium senescens* L.), дикий чеснок (*Allium odorum* L.) и дикий лук или батун (*Allium schoenoprasum* L.), растущий на кислых лугах, как правило, вместе с осокой. Ввиду того, что репчатый лук был известен в Забайкалье исключительно по реке Унде, дикий лук имел большое значение для населения и заготавливался на зиму в солёном виде.

²⁰ Стуков Г.А. Некультурные... С. 58.

К наиболее употребляемым луковицам дикорастущих растений Г.А. Стуков относил даурскую лилию-саранку, ее выкапывание приобрело в Забайкалье масштабы народного промысла.

“Безвкусная или травянистая летом во время цветения”, – отмечал автор, – “луковица сараны осенью приобретает сладкий вкус, очень сахариста и употребляется в течение зимы на кашу, кисель, пироги”²¹.

Осенью луковицы лилий-саранок добывались местным населением в “урганах” – подземных кладовых полевых мышей, куда население складывали продовольствие на зиму, в том числе и различные луковицы. Попутно Г.А. Стуков записал забайкальское поверье, связанное с раскопками таких “урганов”:

“Разоренная таким образом раз-другой мышь будто бы во избежание голодной смерти совершает над собой самоубийство – повешение или удушение между развилками какой-либо травы. При выгребании мышиных запасов может случиться, что счастливый в постельке мыши находит камешек. Этот камешек, взятый роженицей в рот, избавляет ее от мук рождения”²².

Необходимо отметить, что Георгий Андреевич собирал даурские легенды, связанные с тем или иным растением, которые в большом количестве приводил в своих статьях. К употребляемым в пищу корням Стуков отнес также растущие по реке Аргуни солодку (*Glycyrrhiza glandulifera*) и кустарник чуморос (*Hedisarum sibiricum* Poir.).

Большое внимание Г.А. Стуков уделил описанию дикорастущих злаков, чьи семена наиболее часто употреблялись в пищу местным населением в качестве суррогатов хлеба. К ним он отнес дикушу (*Fagopyrum tataricum* Gätrh.) и повилику (*Polygonum convolvulus* L.). Эти растения косили не только в неурожайные годы, но также добавляли к хлебу в малообеспеченных семьях. По данным Г.А. Стукова, урожай этих дикорастущих злаков достигал 50–100 пудов с десятины, и он всерьез выдвигал идею их окультуривания и использования в качестве “самородного хлеба”. Автор также описывал растения, употребляемые местными жителями в качестве чая и запасаемые ими целыми мешками. К ним он отнес листья кипрея (*Epilobium angustifolium*) и кислицы (*Polygonum alpinum*), корни “катальзы” (*Potentilla viscosa* Don.) и бадана (*Saxifraga crassifolia* L.), цветки багульника (*Rhododendron dauricum* L.) и кашки (*Thlapsi cochleariforme* Dec.).

Весьма популярными в рационе жителей Забайкалья были орехи кедрового сланца (*Pinus cembra* L., *pumila* Pall.), а также так

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же.

называемые “аргунские орехи”, растущие на правом берегу реки Аргуни (*Corytus avellana* L. *daurica*). Также упоминались и редко встречающиеся в Забайкалье “водяные орехи” (*Trapa natans*) – вымирающий вид.

В данной статье Г.А. Стуков впервые описал дикорастущие растения, употребляемые в пищу местными жителями, а также составил их список, приводя рядом с даурским названием латинское.

Второй ботанической работой, опубликованной Георгием Андреевичем в 1897 году, стала статья “Список растений, входящих в состав сена в Забайкальской области”. В ней он разделил забайкальское сено на два вида: сено сырых кислых лугов и сено степей и суходолов. В первом автор определил 60 видов растений (например, белый зверобой, кровохлебка, полевая мята, чеснок, лесной камыш, осока и др.), во втором – 50 видов (гвоздика, тмин, тысячелистник, полынь, ковыль сибирский, луговой ячмень, ползучая пшеница и др.). Такого рода работа по определению видов, входящих в состав забайкальского сена, была произведена впервые и получила высокую оценку специалистов.

Г.А. Стуков установил обширные связи с ботаниками-любителями по всему Забайкалью. Он охотно помогал начинающим гербаризаторам в определениях их коллекций. В свою очередь, высылал много писем к любителям, давая различные методические указания по сбору гербариев или же прося найти экземпляр того или иного растения.

“Прошу Вас собрать несколько полных экземпляров *Trapa natans* (водяной орех)”, – писал он священнику о. Дмитрию Писареву, – “по возможности с цветами, плодами и корнями и высушить их в газетной бумаге, аккуратно расправив предварительно листья и надавив незначительной тяжестью и переменя бумагу на сухую”²³.

Верный идее несения научного знания населению Забайкалья, Г.А. Стуков высылал своим подопечным ботаникам-любителям списки растений Даурии. Сохранилось весьма любопытное письмо Георгия Андреевича фельдшеру Д.А. Горячкину, служившему на Николаевском золотом прииске. Стуков писал:

“Очень приятно, что Вы будете и в “будущем”, как пишете, высылать музею свои сборы как лекарственных трав, так и всяких других растений. То обстоятельство, что они у меня и в музее уже есть, не может служить предлогом расхолаживающим, всегда могут встретиться вариации в названиях, в форме употребления в болезнях и пр. Могут также встре-

²³ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 30.

таться растения, неизвестные не только мне, а и всем в науке, так как Забайкалье еще мало исследовано и флора его, как и всех других стран, может быть детально изучена только благодаря как можно большему числу добровольцев-гербаризаторов в разных уголках Забайкалья, специалистам нет возможности пребывать всюду и при том в разное время лета. Да уж не говоря о новых, – дай Бог собрать все только известные растения, и то работы много. Увидите из списка, как мой гербарий еще не полон. Помогайте и приобщивайте других. Прошу Вас о том от имени науки и местного географического общества”²⁴.

Г.А. Стуков вскоре установил прочные контакты со следующими научными учреждениями: Ботаническим садом Юрьевского университета, Флористическим обществом при Политехническом музее в Москве, Санкт-Петербургским императорским Ботаническим садом, Императорским обществом акклиматизации животных и растений, Вашингтонским департаментом земледелия и другими. Все вышеназванные учреждения имели в своих собраниях гербарии даурской флоры, собранные Г.А. Стуковым. Его корреспондентами были профессора С.И. Коржинский и И.В. Палибин (Санкт-Петербург), В.Я. Цингер (Москва), а также выдающийся сибирский исследователь и путешественник Н.М. Ядринцев.

Наряду с занятиями ботаникой значительное место в жизни Г.А. Стукова занимала публицистика, множество его статей о родном Нерчинске напечатано в журнале “Байкал”, редактором которого являлся известный краевед И.В. Багашев, называемый “летописцем Даурии”, а также в иркутской газете “Восточное обозрение” и читинской газете “Забайкальская новь”. Он поднимал вопросы общественные и политические, однако, большинство этих заметок было посвящено забайкальским минеральным источникам, изучение которых весьма его увлекало”²⁵. Под некоторыми газетными публикациями Г.А. Стуков подписывался псевдонимом “турист”.

В течение довольно длительного времени Г.А. Стуков являлся членом Комитета по Нерчинскому музею, основанного, как указывалось выше, ранее, чем в Чите, в 1887 году. Деятельность

²⁴ Там же. Л. 94–95.

²⁵ *Стуков Г.А.* Аркинский минеральный ключ // Восточное обозрение. 1891. № 46; *Он же.* Шиванда // Там же. 1894. № 113; *Он же.* Семеновские минеральные воды // Байкал. 1897. № 6; *Он же.* Поповский минеральный ключ близ Читы // Там же. № 22; *Он же.* С Ямаровских минеральных вод // Там же. № 31–32; *Он же.* Маккаевский минеральный источник // Забайкальская новь. 1909. № 159–160.

Георгия Андреевича на этом посту была весьма энергична. Коллекции Нерчинского музея представляли Забайкалье на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году²⁶. В естественноисторическом отделе музея Г.А. Стуковым были представлены: дендрологическая коллекция (образцы дерева с корой), карпологическая коллекция (семена), тератологическая коллекция (уродливости и наросты), а также коллекция грибов, мхов и лишайников. Кроме того, в сельскохозяйственном отделе им были собраны образцы почв и подпочв, а также семена культурных, полевых и огородных растений²⁷.

В 1898 году в “Записках” Читинского отделения ПОИРГО вышла очередная статья Г.А. Стукова по ботанике под названием: “Список растений собранных в Нерчинском, Нерчинско-Заводском, Читинском, Акшинском и Верхнеудинском округах Забайкальской области (1889–1897 гг.)”, где были опубликованы названия 730-ти видов представителей даурской флоры, которым предшествовала весьма интересная вступительная часть. В ней автор отмечал, что все растения, значащиеся в списке, собраны им к востоку от Яблонового хребта, то есть в Даурии. Кроме того, Г.А. Стуков, цитируя авторитетное издание Н.С. Турчанинова “Байкало-даурская флора”, указывал на некоторые ошибки последнего, до сих пор не отмеченные отечественными ботаниками. Например, Н.С. Турчанинов привел целый ряд видов сибирской флоры, по его выражению “не переходящих через Байкал”, в то же время Г.А. Стуков в своем списке приводит некоторые названия растений из перечня Турчанинова, найденные им на территории Забайкалья. Таковы, например, болотный айр (*Acorus calamus* L.), колокольчик (*Adenophora marsupiflora* Fisch.), морощка (*Rubus Chamaemorus* L.), роголистник темнозеленый (*Ceratophyllum demersum* L.), василистник (*Thalictrum baicalense* Turcz.)²⁸. Таким образом, становится ясен тот пробел в ботанической географии, который свойственен классическому труду Н.С. Турчанинова. Публикуя данный список даурской флоры, Г.А. Стуков разместил растения по семействам, а те, в свою очередь, в алфавитном порядке. Особо он выделил травы, используемые местным населением в качестве лекарственных. Гербарий, представляющий

²⁶ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 46.

²⁷ Отчет по Нерчинскому публичному музею и нерчинской городской общественной библиотеке за 1889 г. Нерчинск, 1890; Отчет по Нерчинскому публичному музею и нерчинской городской общественной библиотеке за 1890 г. Нерчинск, 1891.

²⁸ Стуков Г.А. Список растений, собранных в Нерчинском, Нерчинско-Заводском, Читинском, Акшинском и Верхнеудинском округах Забайкальской области (1889–1897 гг.). Чита, 1899.

описанные Стуковым 730 видов растений, был подарен им Читинскому музею. Этот подарок (в количестве 4000 экземпляров) представили на проводившейся в 1899 году в Чите грандиозной сельскохозяйственной выставке, о которой целесообразно сказать несколько слов.

В 1898 году члены Читинского отделения ПОИРГО выступили с предложением об организации в Чите областной сельскохозяйственной выставки. Подобный опыт в Забайкалье уже имелся: первая выставка сельскохозяйственных и промышленных товаров прошла в Чите в 1862 году, а отчет о ее проведении был написан известным в будущем революционером князем П.А. Кропоткиным²⁹. Главной целью проводимой выставки стало выяснение уровня развития сельского хозяйства, обмен практическими навыками, равняясь на пример лучших производителей области. На выставке представили свою продукцию земледельцы и промышленники Акшинского, Баргузинского, Верхнеудинского, Нерчинско-Заводского, Нерчинского, Селенгинского, Троицко-савского и Читинского уездов. В частности, тогда был выявлен низкий уровень развития огородничества в Забайкалье. Таким образом, становится понятным, какое большое значение в провинциальных условиях имело проведение подобной выставки, к тому же в последние годы XIX столетия строительство железной дороги внесло коренные изменения в жизнь Забайкальской области. Д.М. Головачев писал о значении этой выставки:

“Старый забайкальский жизненный уклад, его прежние экономические и промышленные отношения – все изменилось и много отходило или должно было отойти в область преданий – это с одной стороны; с другой же – населению Забайкалья предстояло пройти период испытания от старых форм жизни к новым. Выставка 1899 года задавалась целью представить по возможности полную картину дореформенного Забайкалья со всеми его темными и светлыми сторонами и произвести смотр тем производительным и культурным силам края, с которыми он вступает в новую жизнь, более сложную, чем старая”³⁰.

Несмотря на то, что по указанию военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мациевского, являвшегося одновременно председателем Читинского отделения ПОИРГО, был соз-

²⁹ Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983; Константинова Т.А. Читинские рукописи и автографы Петра Кропоткина // П.А. Кропоткин – гуманист, ученый, революционер: Рос. науч. конф.: Сб. тез. Чита, 1992. С. 13–15; Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2000. С. 167.

³⁰ Обзор деятельности... С. 17–18.

дан особый комитет по организации выставки, однако, все легло на плечи географического общества и главного устроителя выставки директора Читинского музея А.К. Кузнецова. В 1898 году прошли подготовительные мероприятия по ее организации, а в 1899 году все силы отделения были брошены на работу по выставке. Следует отметить, что за период с 1894 по 1924 гг. на территории Сибири прошли только две подобных выставки (вторую организовали в Кургане).

Еще в 1898 году А.К. Кузнецов письменно обратился к Г.А. Стукову с просьбой составить гербарий для предстоящей выставки. К сожалению, летом 1898 года Георгий Андреевич читал методику преподавания арифметики на курсах учителей церковно-приходских школ, к тому же запланировал посетить и описать Шивиинские минеральные воды, поэтому мог выделить для ботанических сборов не более трех недель. Однако же он много времени посвятил обработке и систематизации ранее собранных им коллекций, таким образом, на выставке в Чите флора Забайкалья целиком была представлена его гербарием в количестве 4000 экземпляров, включающих в себя 730 видов³¹. В сопроводительном письме, при отсылке гербария из Нерчинска в Читу, Г.А. Стуков писал А.К. Кузнецову:

“Посылаю пять ящиков гербариев. В первых трех – приведенный в порядок гербарий Читинского музея (мною подаренный) и другие высланные мне для просмотра гербарии музея. В ящике № 43 составленные мною для выставки гербарии трав, входящих в состав сена в Восточном Забайкалье, разделен на две группы – сено степей и суходолов и сено сырых (кислых) лугов со списками. В ящике № 44 – гербарий лекарственных трав, употребляемых в народной медицине в Восточном Забайкалье. Список к этому гербариию с предисловием и указаниями – как трава называется, от каких болезней и как употребляется, где взят пучок для коллекции. Приведенный теперь в должный порядок, систематический музейный гербарий забайкальской флоры вероятно тоже должен фигурировать на выставке, так как при надобности может представить собою и заменить все специальные гербарии, какие желательнее было бы иметь на выставке”³².

В этом же сопроводительном письме Георгий Андреевич указал, что весь свой гербарий приносит в дар Читинскому музею. Из вышеприведенного текста письма видно, что Г.А. Стукову удалось собрать и систематизировать лекарственные травы Восточ-

³¹ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 35.

³² Там же. Л. 90–91.

ного Забайкалья, работа подобного рода была уникальна и потребовала много времени и сил. В письмах Георгия Андреевича сохранилось несколько обращений к коллегам-гербаризаторам:

“Прошу собрать мне у знахарей и знахарок по пучку трав, которыми они лечат, и выслать мне, снабдив каждый пучок или траву запиской, как трава называется, от какой болезни и как (то есть внутренне или наружно, заваривать и пить или прикладывать) употребляется”³³.

Обращался Георгий Андреевич и к простым жителям Нерчинска. Он писал, например, неизвестному адресату:

“Я узнал, что Вы когда-то лечились травною душица. Заинтересован лекарственными травами Забайкалья, не найдете ли возможным сообщить мне, что у Вас была за болезнь, какие меры принимали, как употребляли душицу, какие последствия”³⁴.

Пытливый ум натуралиста не упускал ни единой возможности узнать что-либо новое о забайкальской флоре. Кроме того, Г.А. Стуков представил на выставку гербарий огородных растений, культивируемых в Даурии.

Гербарий Г.А. Стукова имел большой успех, о нем восторженно писала местная печать. Жюри выставки присудило ботанику большую серебряную медаль, но получить ее Георгию Андреевичу не удалось. При окончательном обсуждении вопроса о награждении в Комитете выставки, последний признал гербарий научным трудом, не подлежащим экспертизе³⁵.

После окончания работы выставки, гербарий Г.А. Стукова был временно отослан в Академию наук в Санкт-Петербург, последняя заинтересовалась им как ценным материалом, необходимым для написания и последующего издания капитального труда под названием “Флора Сибири”. В нем нашел свое место и краткий отзыв о гербарии Г.А. Стукова, где было сделано несколько замечаний гербаризатору: он не всегда указывал время и место сбора. Георгий Андреевич устранил этот дефект в своих последующих работах.

Выше уже упоминалось, что Г.А. Стуков являлся автором ряда очерков о забайкальских минеральных источниках, активно посещая их, он определял химический состав воды, а также описывал флору, произрастающую близ минеральных вод. Особенно этот интерес усилился после приезда в Читу в сентябре 1894 года профессора С.И. Залесского, командированного министром зем-

³³ Там же. Л. 55.

³⁴ Там же. Л. 79.

³⁵ Там же. Л. 98.

леделия и государственных имуществ для исследования минеральных вод Забайкалья. На общем собрании членов Читинского отделения ПОИРГО он прочел лекцию “К бальнеохимии Забайкалья”. Кроме того, С.И. Залесским была составлена программа для изучения минеральных источников Даурии и к ней краткая инструкция по первоначальному химическому анализу исследуемой воды. Г.А. Стуков самостоятельно, без чьей-либо методической или научной поддержки, занимался изучением минеральных источников еще с начала 1880-х годов, однако лекции, прочитанные профессором С.И. Залесским в Чите (второй раз он посетил Забайкалье в 1901 году) были для него весьма полезны. Прежде всего, приезжий ученый указывал на то, что из всех бесчисленных целебных источников Даурии описано всего 90, из них только для двенадцати имелись данные бальнеохимического анализа. Без поддержки местных научных сил не представлялось возможным даже установить месторасположение большинства из них. В своем докладе Залесский подчеркивал:

“Забайкалье – страна, настолько не исследованная в естественноисторическом отношении, что на первый план выступает требование общих физико-географических описаний каждого минерального ключа. Химическое специальное исследование требуется теперь же для “солонцов”, для содовых, гуджирных озер, которыми богато Забайкалье и которые обещают много как в техническом отношении для развития местной промышленности (мыловарения, стеклоделия и т.п.), так и в прямо терапевтическом (для лечения солеными грязями), при незначительных к тому приспособлениях”³⁵.

Совершенная неизученность местных природных ресурсов тормозила экономический прогресс, в то время как в каждом уезде Забайкальской области находилось по несколько десятков не описанных минеральных источников. В плане исследования минеральных вод (кроме, конечно, обычных в таком случае бальнеохимического анализа и измерения температуры), С.И. Залесский предлагал найти ответы на два следующих вопроса. Первый из них был сформулирован так: насколько каждый ключ меняет свой дебет в зависимости от различных условий барометрического давления, от количества выпавших атмосферных осадков, и какое взаимодействие существует между минеральной и почвенной водой. Второй же вопрос заключался в выявлении действия вечной мерзлоты, неизвестной в Европе, на целебный источник. С.И. Залесский назвал Забайкалье будущей “всемирной водолече-

³⁵ Залесский С.И. К бальнеохимии Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1901. Вып. IV. С. 69–79.

чебницей” вследствие низкой температуры воды в источниках, что позволяло ей растворить в себе гораздо большее, по сравнению с Европой, количество углекислого газа. Членам Читинского отделения ПОИРГО он предложил краткую инструкцию по исследованию минеральных вод, главными пунктами которой были: определение концентрации веществ в воде (особое внимание уделялось содержанию железа и углекислоты), причем описывался ход химической реакции с реактивом и цвет индикатора при наличии какой-либо субстанции, содержание сероводорода, органолептические свойства воды³⁶. Вследствие того, что довольно часто местное население принимало обыкновенные источники за минеральные, С.И. Залесский выделил три критерия их отличия между собой. Вода, по С.И. Залесскому, имеет право называться минеральной, если она содержит те же составные части, что и пресная вода, но только в большем количестве и в другом распределении; в состав ее входят химические соединения, которых обычно нет в питьевой воде, и качественно и количественно она является обыкновенной пресной водой, но имеет высокую температуру³⁷.

В программу исследований минеральных вод также входило описание окружающей флоры, а также флоры близлежащих к источнику водоемов, что весьма привлекало Г.А. Стукова. Его первым исследованием по методике С.И. Залесского было изучение Шивиинских минеральных вод, о которых Г.А. Стуков написал подробную статью. Что касается химического анализа взятых им проб воды, то он иногда проводился по просьбе Георгия Андреевича провизором Нерчинской аптеки, поэтому не было надобности далекой и долгой транспортировки³⁸. Отчеты отсылались Стуковым в Читинское отделение ПОИРГО, вот пример одного из них от 26 июня 1898 года:

“Согласно программы исследования минеральных источников Забайкалья и инструкции к ней профессора Залесского имею честь препроводить в Читинское отделение шесть хорошо закупоренных бутылок минеральной воды в 40 верстах от Стретенска³⁹ Забайкальской области из Шивиинского минерального источника в 15 число июня 1898 года при температуре воды в источнике 2 градуса для дальнейшего отправления их специалистам-химикам для производства химического ко-

³⁶ Залесский С.И. Краткая инструкция к программе исследования минеральных вод // Там же. С. 86–94.

³⁷ Залесский С.И. Программа исследования минеральных источников Забайкалья // Там же. С. 80–85.

³⁸ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 57.

³⁹ Стретенск – старое название г. Стретенска Забайкальской области.

личественного и качественного анализов. Чтобы сразу можно было ориентироваться насчет характера воды, вместе с бутылками закупорены: камень, взятый из колодца минеральной воды, покрытый ржаво-красным налетом; осадок, остающийся на дне котла, в котором кипятят воду для ванн; осадок, полученный из пяти с половиной фунтов прокипяченной воды и порошок, в который обращается снятая пена, образующаяся на поверхности минеральной воды при кипячении ее (и котлым, кстати сказать, лечат глаза – присыпают)”⁴⁰.

Исследования минеральных вод Российской империи в целом получили большую популярность на рубеже XIX–XX веков, о чем свидетельствует проведение в 1898 году в Санкт-Петербурге и в декабре 1903 года в Пятигорске Первого и Второго Всероссийских съездов по климатологии, бальнеологии и гидрологии, на которых Забайкальскую область представлял ее врачебный инспектор, а также член Читинского отделения ПОИРГО доктор А.Д. Давыдов⁴¹.

Последний являлся автором книги “Главнейшие минеральные источники Забайкальской области”, в которой, несомненно, использовал и материалы, собранные Г.А. Стуковым⁴².

В 1901 году вышла статья Георгия Андреевича под названием “Шивинские минеральные воды”, написанная им после посещения источника в 1897 году⁴³. Эти целебные воды впервые были описаны им, а статья увидела свет на страницах “Записок” Читинского отделения ПОИРГО. Данный источник принадлежал к числу самых глухих “кислых ключей” (так называло местное население минеральные воды). Он находился в пади Бусылей, лежащей недалеко от тракта, ведущего из Сретенска в Шелопугино, близ реки Шилки. К моменту посещения источника Г.А. Стуковым здесь построили несколько деревянных домиков и оборудовали небольшую водолечебницу, куда съезжались пациенты из близлежащих Нерчинска и Сретенска, а порой приплывали по Шилке из Благовещенска. Несмотря на то, что Шивинские воды были популярны среди местных жителей при лечении катара желудка, ревматизма, женских болезней и болезней глаз, описание их не появлялось на страницах печати, оставался неизвестным их химический состав. Описанием источника по инструкции профессора С.И. Залесского и занялся Г.А. Стуков. Он установил, что темпе-

⁴⁰ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 36.

⁴¹ ГАЧО. Ф. 1 вр. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–25.

⁴² Давыдов А.Д. Главнейшие минеральные источники Забайкальской области. СПб., 1900.

⁴³ Стуков Г.А. Шивинские минеральные воды // Зап. ЧОПОИРГО. 1901. Вып. IV. С. 95–103.

ратура воды никогда не превышала +2° по Реомюру при любой внешней температуре, она имела слабый кислый вкус, без запаха, повышала аппетит и обладала мочегонным действием. Кроме того, при добавлении в чай последний чернел, что указывало на высокое содержание в воде железа. Химический анализ показал большое количество углекислоты и кислых солей. Г.А. Стуков описал и почву, из которой бил целебный источник, она состояла из перегной и чернозема, в подпочве обнаруживалась серая глина, а на глубине двух-трех аршин начинался слой вечной мерзлоты. Что касается климата данной местности, то он отличался большими суточными колебаниями температуры и нередкими заморозками в разгар лета. Г.А. Стуков также подробнейшим образом описывал флору, окружающую те минеральные источники, на которых ему пришлось побывать. Склоны гор близ Шивиинских минеральных вод покрывал смешанный лес с преобладанием лиственницы, а также береза, осина, ольха, бузина и рябина. Г.А. Стуков встретил здесь также два эндемичных для Забайкалья растения: “Петров крест” (*Smilacina dahurica* Turcz.) и лечебную траву “урочная” (*Linnaea borealis* Z.), обладающую дезинфицирующими свойствами.

Наиболее богатой информацией комплексной работой Г.А. Стукова по бальнеологии Забайкалья стала брошюра под названием “Минеральные ключи по системе реки Нерчи”, вышедшей в Чите в 1902 году⁴⁴. Здесь он впервые описал семь наиболее заслуживающих внимания минеральных источника, лежащих в основном на территории Нерчинского уезда: Колтомойконский, Олеканский, Дарасунский, Кангильский, Шивокоченский, два Эвалейских и Шивиинский (одноименный с вышеназванным). И здесь изучение и описание производились согласно инструкции С.И. Залесского. Следует подчеркнуть, что своими бальнеологическими исследованиями в Забайкалье Г.А. Стуков прежде всего пытался привлечь внимание властей к минеральным источникам, а также заинтересовать частный капитал в их обустройстве. На некоторых целебных источниках были обустроены примитивные “курорты”. Как правило, там находилось несколько деревянных помещений для принятия ванн, а также квартиры для отдыхающих. Такие “курорты” арендовали предприниматели за определенную плату, однако условия водолечебниц заставляли желать много лучшего. Г.А. Стуков писал: “В этих квартирах, не беленых, не обитых, нередко с “протекцией”, то есть протекающих во время дождя, и уютится наезжающий ежегодно болящий, ищущий исцеления от недугов, люд”⁴⁵. Нес-

⁴⁴ Стуков Г.А. Минеральные ключи по системе реки Нерчи. Чита, 1902.

⁴⁵ Там же. С. 3.

мотря на то, что внимание российского правительства к забайкальским минеральным водам выразилось в 1899 году выделением 3000 рублей на обустройство “курортов” (в основном Ямаровских минеральных вод по реке Чикой), состояние их оставалось на плачевном уровне. Всего за тремя минеральными источниками Забайкалья Первый бальнеологический съезд в Москве в 1899 году признал, как тогда говорилось, “общественное значение”. Ими стали Туркинские, Дарасунские и Макавеевские минеральные воды. Мечтой Г.А. Стукова, горячо любившего родное Забайкалье, было возведение местных целебных источников в ранг “соперников кавказских”, эту цель он преследовал своими многочисленными статьями по бальнеологии Забайкалья.

Из семи минеральных источников системы реки Нерчи к моменту издания Стуковым вышеупомянутой брошюры химический анализ был проведен только у двух: Колтомойконского и Дарасунского (одноименного с известным курортом близ Читы). Из остальных Георгий Андреевич взял пробы воды и передал гостившему в Забайкалье студенту Московского университета некоему Багашеву для лабораторного изучения. Однако, как видно из сохранившейся переписки Стукова, его помощник оказался человеком необязательным и к моменту выхода в свет брошюры “Минеральные ключи по системе реки Нерчи” химический анализ так и не был сделан.

Первый минеральный источник в указанном районе, посещенный и описанный Г.А. Стуковым, был Колтомойконский, лежащий в 80-ти верстах к северу от Нерчинска близ селения Зюльзы, окруженный лиственным лесом и болотистыми лугами. Вода с высоким содержанием железа и углекислоты имела весьма низкую температуру (+ 1° по Реомюру, так как близко подходила вечная мерзлота), кислый вяжущий вкус и мутный цвет. Пену, образовавшуюся при кипячении воды, собранную и высушенную в желтоватый порошок, местные жители использовали в качестве присыпки при порезах и ссадинах. Кроме того, за несколько лет до приезда сюда Г.А. Стукова, окружной врач Н.В. Кирилов (один из основателей Читинского отделения ПОИРГО) выработал показания к применению целебной воды: при хроническом катаре желудка, легких, верхних дыхательных путей, малокровии (анемии), истерике, мигрени, ревматизме, воспалении соединительной оболочки глаз, язвах. Н.В. Кирилов также выработал правила пользования водами: когда в течение дня и в каком количестве следует ее употреблять⁴⁶. К сожалению, после отъезда врача из Нерчинска наблюдение за больными перестало осущест-

⁴⁶ ГАЧО. Р. 1574. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–12.

вляться. Г.А. Стуков так писал о медицинской помощи на подавляющем большинстве забайкальских минеральных источников:

“Врач при водах не состоит... Никакой регистрации больных не ведется ни в отношении их количества, ни в отношении рода и характера их болезней, продолжительности лечения, успешности или безуспешности его, словом – никакой статистики и никаких клинических наблюдений, как это обстоит чуть ли не везде на наших пресловутых курортах”⁴⁷.

К особенностям микроклимата Колтомойконского источника Г. А. Стуков отнес то, что как представители лесной, так и болотно-луговой растительной формации распускались весной немного позже, чем даже в нескольких верстах от него. Особенность же местной флоры заключалась в произрастании здесь целебной травы, называемой жителями этих мест “чачинской” или “Иван-травой” (*Erysimum Andrzejowskianum*). В окружающей источник тайге Г.А. Стуков описал наличие лиственницы, березы, осины, сосны с подлеском из багула (*Rhododendron dahuricum*), багульника (*Ledum palustre*), ерника и ивняков. По данным Георгия Андреевича, замерзающий зимой Колтомойконский минеральный ключ не был достаточно изолирован от доступа болотных и подпочвенных вод, поэтому после выпадения осадков значительно снижалась его минерализация.

Шивиинский минеральный источник (одноименный с вышеописанным) располагался вблизи речки Шивии, впадающей в Нерчу и не был посещаем пациентами. Главная причина этого заключалась в том, что ключ принадлежал к группе так называемых непостоянных или “кочующих” источников изменявших место своего выхода каждый год или в течение одного и того же года, а иногда и совсем скрывающихся. По мнению Г.А. Стукова, изменчивость места выхода воды обуславливалась тем, что при оттаивании почвы источник находил себе другой выход. Кисловатая на вкус минеральная вода имела температуру 3,5° по Реомюру, дебет оказался незначительным. К особенностям местной флоры Г.А. Стуков отнес редкое и вымирающее растение – водяной орех (*Trapa natans*), которое он встретил в озерах, лежащих на обширном лугу Иванда близ источника.

Олеканский минеральный ключ лежал в пятидесяти верстах от Нерчинска, при впадении реки Олекана в реку Олю, приток Нерчи, в болотистой местности, и был окружен тунгусскими поселениями. Не замерзающий и зимой источник, с высоким содержанием железа, имел температуру воды 3° по Реомюру. В особен-

⁴⁷ Стуков Г.А. Минеральные... С. 6.

ностях флоры Г.А. Стуков отметил произрастание лечебной травы “пелены” (*Cuscuta europaea*). Следует отметить, что Георгий Андреевич весьма ревностно относился к бережному использованию природных богатств, к коим, конечно, относил и минеральные источники. Видя невнимательное отношение местного населения к Олеканскому источнику, он писал:

“Целые десятки лет у них существует минеральный ключ, вполне доступный и удобный к пользованию им, служащий источником исцеления, привлекающий ежегодно немало посетителей, – и только теперь эти жители додумались наконец огородить его и предохранить от затаптывания скотом. Замечательно интересный образчик наших вообще отношений к окружающим нас дарам природы!”⁴⁸.

По мере сил Г.А. Стуков пытался вести просветительскую работу среди местного населения, живущего в таежной глуши близ минеральных источников, однако, далеко не всегда это давало какой-либо результат.

Дарасунский минеральный ключ (одноименный с Дарасунским близ Читы) находился в золотоносной пади в 70-ти верстах от Нерчинска, в месте кочевья тунгусов, и не использовался как целебный источник. Очень холодная (один градус Реомюра), совершенно прозрачная вода, имела жгучий вкус и была богата углекислым газом и содой, в тоже время содержала мало железа, что составляло своего рода исключение среди окрестных “железистых” источников.

Особенностью Кангильского минерального ключа было высокое содержание в ней гуджира (местное название глауберовой соли), наличие которой Г.А. Стуков определил самостоятельно. Падь Кучертай, в которой расположен источник, имела множество озер, питающихся этим ключом, содержащих большое количество глауберовой соли. Данный источник оставался также совершенно неиспользуемым. Г.А. Стуков выступил с предложением создать в пади Кучертай производство мыла и стекла (то есть то, где используется глауберова соль), а также изучить терапевтическое влияние этой воды на организм, однако, это так и осталось “гласом вопиющего в пустыне”.

Шивокоченский минеральный ключ близ селения Зюльза назывался глазным, так как им лечили болезни глаз промыванием, и располагался в глухой заболоченной местности. Эвалейские ключи (в количестве двух) били в пади Эвалей близ Нерчи, содержали малое количество углекислоты и вовсе не использовались населением.

⁴⁸ Там же. С. 17.

Можно себе представить, сколько сил и времени понадобилось забайкальскому исследователю для того, чтобы посетить и описать вышеназванные минеральные источники, неизвестные не только ученым, но и порой местным жителям.

“Скоро ли дождутся”, – писал Г.А. Стуков, – “своей очереди и должного внимания к себе еще многие другие подобные уголки Забайкалья с не менее целебными “кислыми” ключами, лежащими пока втуне?”⁴⁹.

История показала, что изучение Забайкалья потребовало труда многих поколений как ученых-специалистов, так и исследователей-любителей, внесших не меньший вклад в его освоение и описание.

После двадцати лет работы в Нерчинском духовном училище Г.А. Стуков вышел в отставку с маленькой пенсией в 350 рублей в год и в 1900 году переехал из Нерчинска на жительство в Читу. Георгий Андреевич семьи не имел и все свое время отдавал научной работе, живя проблемами Читинского отделения географического общества. В 1902–1903 годах он временно являлся директором Читинского музея, в течение нескольких лет проживал в его здании. Работы, написанные Г.А. Стуковым в этот период, заслуживают особого внимания, так как именно они имеют наибольшее научное значение, в них собран опыт многолетнего изучения флоры Забайкалья.

В 1905 году вышла в свет статья Г.А. Стукова “Народные лекарственные травы Забайкалья”, материал для которой он собирал несколько десятилетий⁵⁰. В ней были сосредоточены сведения не только по народной медицине, но и по народной ветеринарии, а названия растений приводились на трех языках: латинском, русском и тибетском. Существенную помощь при сборе информации о лекарственных растениях, получаемой в основном от местных знахарей, Г.А. Стукову оказали священники, имеющие возможность частых поездок по Забайкалью в связи с деятельностью в приходах. Особенно существенную помощь оказал брат Георгия Андреевича, псаломщик Донинского прихода Нерчинско-Заводского уезда И.А. Стуков. Список лекарственных трав Забайкалья, составленный Г.А. Стуковым, был создан по гербарию, представленному им на Читинскую сельскохозяйственную выставку в 1899 году и состоявшему из пучков трав и корней в том виде, какими их предоставили ему забайкальские знахари. Географическое распространение этих трав следующее: Нерчин-

⁴⁹ Стуков Г.А. Шивинские... С. 103.

⁵⁰ Стуков Г.А. Народные лекарственные травы Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1905. Вып. VI.

ский, Нерчинско-Заводской, Читинский и Акшинский уезды, реки Онон и Аргунь, а также Красноярская волость Верхнеудинского уезда. Как видим, все территории, кроме последней, лежали в Восточном Забайкалье, поэтому в вышеназванной работе были представлены лекарственные растения родного Г.А. Стукову Восточного Забайкалья. Исследователь получил незначительное количество экземпляров целебных трав и от троицкосавского священника о. Николая Малышева, которому писал:

“Шлите Ваш гербарий, мне надо именно флору Западного Забайкалья для дополнительного списка к известному уже Вам списку растений Даурии”⁵¹.

Всего в списке Г.А. Стукова фигурировало 208 лекарственных растений, используемых русским населением, и 187 растений, используемых ламами в тибетской лечебной практике. Исследователь определил названия присылаемых ему знахарями лекарственных трав, согласно латинской номенклатуры, то же самое было сделано и для гербария, присланного ламами. Оказалось, что трав, входящих в список лам, но не встречающихся в русском, насчитывается 90 видов, а входящих в русский список, но не встречающихся у лам – свыше ста. В списке Г.А. Стукова, касающемся используемых русским населением лекарственных трав, указывались не только названия (латинское и русское), но также и то, от какой болезни она употребляется и каким образом (отвар, настой, припарка и т.д.), в каком виде (наружно или внутренне). Кроме того отмечалось, где (в какой волости, станице или деревне) взят пучок травы для коллекции и получены сведения о ней. Нередко случалось так, что одна и та же трава носила различные названия в различных населенных пунктах и по-разному использовалась. В таких случаях Г.А. Стуков приводил все названия, в скобках указывал местность, где принято называть траву так или иначе, а также способы ее применения. Случалось и наоборот – совершенно разные травы имели одно и то же название. Нужна была долгая и упорная работа, чтобы привести список лекарственных трав Забайкалья в надлежащий порядок.

Чаще всего забайкальцы применяли лекарственные травы в виде отвара или настоя по несколько ложек в день. Что же касается болезней, которые местное население старалось излечить, то их названия не имели ничего общего с номенклатурой научной медицины, однако за простонародными названиями можно угадать основной симптом той или иной болезни. Так, например, под “давлением под ложечкой” скорее всего подразумевался панкреатит, под “колотьем” – спазмы внутренних органов, под “неро-

⁵¹ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 102.

дом” – бесплодие, под “ногтоедой” – грибок ногтей, под “костоедой” – остеомиелит, под “кровавой мочой” – мочекаменная болезнь и т.д. Г.А. Стуков писал:

“Такое лечение нельзя считать только плодом народного невежества, не имеющим за собой никакого оправдания, нелепостью, подобно лечению наговорами, нашептыванием и тому подобными средствами. Дело в том, что в числе трав, употребляемых народом как лекарство, есть немало таких, которые имеют применение в научной медицине”⁵².

Следует отметить, что о лекарственных травах Восточной Сибири до времени выхода в свет работы Г.А. Стукова, было издано всего несколько статей, среди них выделялась работа Я.П. Прейна “Материалы для флоры народно-медицинских растений Восточной Сибири (Иркутской и Енисейской губерний)”, напечатанная в 1898 году, а также статья врача А.И. Кытманова “Народные лекарственные травы Енисейской губернии” (1895 г.), некоторые упоминания о бурятских названиях лекарственных растений есть и у Г.Н. Потанина⁵³. Однако, специального труда по лекарственным травам Забайкалья до работы Г.А. Стукова не было. Доказывая большое научное значение знаний народной медицины, он приводил следующие слова томского фармаколога М. Горста (автора “Материалов для исследования народных лекарственных растений Томской губернии”):

“Исследования лекарственных растений нашего простонародья обогатило бы медицинскую науку весьма важными сведениями, ибо история большей части вернейших лекарств уже доказывает, что открытием целебных свойств многих из них мы обязаны простому народу. Поэтому народная медицина несомненно должна представлять материал, заслуживающий внимания и изучения со стороны не только медиков, но и лиц вообще образованных”⁵⁴.

Несомненно, что Г.А. Стуков преследовал цель не просто констатировать наличие того или иного лекарственного растения на данной территории, но и дать пищу для размышления специалистам: врачам и фармакологам, дабы усовершенствовать имеющиеся в то время лекарственные средства. Исследователь поднимал в своей работе еще один важный вопрос. Дело в том, что зачастую некоторые произрастающие в Забайкалье травы не считались целебными в других областях Российской империи и не ис-

⁵² Стуков Г.А. Народные... С. 5.

⁵³ Потанин Г.Н. Бурятские названия растений // Изв. ВСОИРГО. 1890. Т. XXI, № 23. С. 64–66.

⁵⁴ Цит. по: Стуков Г.А. Народные... С. 37.

пользовались в местной народной медицине. Причиной этого Г.А. Стуков считал изменение химического состава трав в Даурии под влиянием различных физических факторов, климатических и почвенных особенностей “могущих так или иначе менять целебные или вообще действующие начала в растениях”. Все эти факторы, по мнению исследователя, влияют на выработку растением тех или иных химических веществ и алкалоидов. Это предположение Стукова блестяще подтвердилось в будущем и в настоящее время является аксиомой. В одной из работ современного исследователя забайкальской флоры Б.И. Дулеповой сказано:

“Накоплению биологически активных веществ в немалой степени способствуют суровые климатические условия. Они появляются и накапливаются у даурских растений в качестве защитной реакции в горных условиях и др.”⁵⁵.

Г.А. Стуков считал составленный им список лекарственных трав Забайкалья далеко не полным и призывал более молодых коллекторов продолжить его дело, причем он предлагал будущим исследователям изучать не только растения, но и практикуемые в народе лекарства животного и минерального происхождения.

Лекарственные травы, используемые русским населением, Г.А. Стуков разделил на два списка: в первом они были описаны в алфавитном порядке согласно латинской номенклатуры, во втором – распределены по алфавиту согласно народным названиям. Описания исследователя интересны не только натуралисту. Стуков сумел воссоздать в них неповторимый колорит языка простых забайкальцев конца XIX–начала XX века. Вот одно из его характерных описаний, значащихся в списке под номерами 207 и 208:

“*Woodsia glabella* R.Br. и *Woodsia hyperborea* R.Br. и некоторые другие виды папоротников. Семейство Polypodiaceae. Купоротник, папоротник, царские кудри. От головной боли, от сердца, от родимца. Заваривают и пьют, общераспространенное средство. В частности по Унде “разбивает кровь от натуги”. По Онону “от головной болезни и от сгущения кровей и если отшибет параличом какие-либо члены – тоже помогает”. По Аргуни – “в настое при головных женских болезнях, при жаре и как снотворное”. Пользуется большой популярностью в особенности при женских болезнях”⁵⁶.

Г.А. Стуков привел список растений, употребляемых в тибетской медицине (также в алфавитном порядке согласно латинской

⁵⁵ Дулепова Б.И. Растительный мир // Энциклопедия Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 50.

⁵⁶ Стуков Г.А. Народные... С. 37.

номенклатуры). Эти растения были определены Георгием Андреевичем по гербарию лекарственных трав, употребляемых в тибетской медицине, собранному в Забайкалье самими ламами для Читинской сельскохозяйственной выставки 1899 года. Каждое растение ламы сопроводили подписью на тибетском языке, содержащей его название, и комментарий на монгольском, говорящий об использовании при том или ином заболевании. Эти подписи по просьбе Г.А. Стукова были переведены на русский язык. Вот, например, что представил исследователь в списке лекарственных растений, используемых в тибетской медицине: “*Ribes Diacantha* Pall. Маркшад. Прикладывать к ранам. Вытягивает желтую воду” (очевидно, под “желтой водой” подразумевался гной) или “*Setaria viridis* P.V. Дурва. Подавляя яд, удлиняет лета жизни, очищает закрытие воды” (скорее всего обладает антимикробным, обеззараживающим действием).

“Читинский” период научной деятельности Г.А. Стукова был, пожалуй, самым плодотворным в его жизни. В 1904 году он шуточно писал своему близкому знакомому, врачу Н.В. Кирилову, находящемуся на Сахалине:

“Живем по-старому... Кое что, пожалуй, и поделываем. Только что отправил три ящика гербария в Юрьевский университет и Академию наук для обмена”⁵⁷.

К этому же периоду относится его письмо в Благовещенск забайкальскому поэту П.Ф. Масюкову:

“Живу по-старому, холостяком. Занимаюсь между прочим ботаникой. Предстоит очень много работы по изготовлению разных гербариев к выставке”⁵⁸.

В 1907 году вышла весьма интересная брошюра Г.А. Стукова под названием “Очерк флоры Восточного Забайкалья”, представляющая из себя ботанико-географический обзор юго-восточной части Даурии (или Заяблонья, как называет ее автор)⁵⁹. Для своего времени она явилась единственным научно-популярным руководством для познания флоры Забайкалья и состояла из следующих шести разделов: физико-географические условия Восточного Забайкалья; пробуждение растительности и ее постепенное развитие по месяцам; растительные формации – луговая, степная, лесная и болотно-водная, а также сорные и солончаковые травы; споровые растения Восточного Забайкалья – сосудистые (хвощи, папоротники, плауны) и бессосудистые (мхи, грибы, ли-

⁵⁷ ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 44.

⁵⁸ Там же. Л. 77.

⁵⁹ Стуков Г.А. Очерк флоры Восточного Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1907. Вып. VIII.

шайники); полезные в домашнем обиходе некультурные растения Даурии (съедобные, лекарственные, красильные); новые в науке растения Восточного Забайкалья, географическое распределение растений в крае. Кроме того, в книге большое внимание было уделено биографии и научным трудам одного из основоположников изучения забайкальской флоры Н.С. Турчанинова. Г.А. Стуков отмечал, что труды этого выдающегося исследователя весьма хорошо известны за пределами России, в нашей же стране давно являлись библиографической редкостью. По просьбе Георгия Андреевича профессором ботаники Московского университета М.И. Голенкиным Читинскому музею был подарен портрет автора “Байкало-даурской флоры”.

Как видно из перечисленных глав книги, она явилась своего рода синтезом предыдущей научно-исследовательской работы Г.А. Стукова и стала настольным пособием для ботаников, начинающих изучение флоры Даурии, хотя изначально задумывалась автором всего лишь как информатор или путеводитель по гербарии забайкальской флоры, хранящемся в Читинском музее.

Выше уже отмечалось, что Г.А. Стуков предпослал собственно описанию флоры Восточного Забайкалья краткую информацию о климате данного региона. В Читинском отделении ПОИРГО велись серьезные разработки по изучению климатических условий разных частей Забайкалья, в частности, о климате Нерчинского уезда писали О.С. Минор и Н.В. Кирилов⁶⁰. В свою очередь Г.А. Стуков выделил следующие неблагоприятные факторы, наиболее влияющие на характер местной флоры: сухость воздуха и резкие колебания температуры. Последнее обстоятельство является весьма неблагоприятным для растений, которые имеют необходимую для произрастания среднесуточную температуру выше нуля только пять месяцев в году. К благоприятным климатическим факторам Г.А. Стуков относил слабую облачность и “необыкновенную” прозрачность воздуха. Исследователь отмечал, что флора Забайкалья имеет много общего с флорой стран Европы, Азии и Америки, близких к нему по географическому положению. Кроме того Г.А. Стуков установил, что флора, произрастающая на данной территории находится в прямой зависимости с геологическим строением местности, а также ее почвенным покровом. Ранее написания им данной работы, в 1895 году, в Даурии производились исследования Забайкальской горной партией созданной правительством для изучения геологического

⁶⁰ Кирилов Н.В. О климате Нерчинска. Чита, 1896; Минор О.С. К вопросу о климате г. Нерчинска в связи с климатом Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. I. С. 59–73.

строения региона которое необходимо было знать при постройке железной дороги. В составе горной партии работали такие известные горные инженеры, как А.Э. Гедройц, А.П. Герасимов и В.А. Обручев, написавшие подробные отчеты о геологическом строении Забайкалья⁶¹. Имея в своем распоряжении эти материалы, а также весьма ценные статьи читинского агронома И.Ф. Крюкова, Г.А. Стуков приходит к выводу, что характер растительного покрова местности зависит как от геологического строения и состава почв, так и от климатических условий⁶². Следует отметить, что на современном этапе развития науки этим двум факторам придается решающее значение в данном вопросе⁶³.

Г.А. Стуков подробным образом описал очередность цветения забайкальских растений в период с апреля по август, это было весьма важным, например, для исследователя даурской флоры, приехавшего из Европейской России, так как там эти сроки являлись совершенно иными. Г.А. Стуков совершенно справедливо отметил, что забайкальская весна может длиться всего один месяц (отличительная особенность континентального климата) и, как правило, лето вступает в свои права почти сразу после окончания зимы. Исследователь весьма скрупулезно, по месяцам, описал очередность пробуждения и цветения даурских растений. Его наблюдения весьма интересны спустя столетие, так как климатические условия в регионе несколько изменились в сторону смягчения. Итак, по данным Г.А. Стукова, первыми в конце апреля – начале мая распускались кустарники и деревья: тальник (*Salix acutifolia* Willd.), береза (*Betula alba*), тополь (*Populus svaveolens* Fisch.), осина (*Populus tremula*), лиственница, тараножка (*Ribes diacantha*), бузина (*Sambucus racemosa*) и черемуха. Что касается травяного покрова, то первыми появлялись желтая крупка (*Draba lutea*), осока (*Carex stenopylla*), ургуй (*Pulsatilla vulgaris*, *Pulsatilla pateus*), лапчатка (*Potentilla subcaulis*), кашка (*Thlapsi cochleariformi*), бурачок (*Alyssum lenense* Adams) и гусиный лук (*Plectostigma pauciflorum* Tercz.). Даурские растения, цветение которых начина-

⁶¹ Гедройц А.Э. Сведения о работах Забайкальской горной партии. Третий участок // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. I. С. 41–51; Герасимов А.П. Сведения о работах Забайкальской горной партии. Второй участок // Там же. С. 36–40; Обручев В.А. Сведения о работах Забайкальской горной партии. Первый участок // Там же. С. 27–35.

⁶² Крюков И.Ф. О постановке агрономических исследований в Забайкальском районе. Чита. 1909; Он же. Климат и земледелие // Труды Первого Забайкальского сельскохозяйственного съезда. Чита, 1914. Вып. 2. С. 162–189.

⁶³ Дулепова Б.И. Степи горной лесостепи Даурии и их динамика. Чита, 1993; Она же. Растительность Агинского бурятского автономного округа. Чита, 1999; Она же. Зеленая книга Забайкалья: Редкие и нуждающиеся в охране растительные сообщества. Чита, 2003.

лось в мае и продолжалось у некоторых видов в течение всего лета, Г.А. Стуков распределил по 32-м семействам, а общее число описанных для данного периода составляло около ста. “Наиболее замечательными” представителями забайкальской флоры в плане красоты цветения исследователь считал багульник (*Rhododendron dahuricum*), черемуху (*Prunus padus*), яблоню (*Pyrus baccata*) и дикий персик (*Prunus sibirica*). Об украшении даурской весны, багульнице, Г.А. Стуков писал с любовью:

“В пору полного своего расцвета, приходящегося обыкновенно на вторую половину мая, он сплошь окрашивает красивым колером своих цветов в особенности северные склоны наших даурских гор еще не успевших к тому времени вполне одеться зеленым плащом”⁶⁴.

В июне месяце, отличающемся по выражению исследователя “чуть ли не тропическими жарам”, на многих участках сырых лугов Даурии, по его наблюдениям, преобладает розовый цвет от примул (*Primula farinosa*, *Primula sibirica*) и марьяна корня (пиона), в степи же доминирует желтый вследствие цветения лапчаток (*Potentillae*), разных форм мака (*Papaver nudicaule*), крестовника (*Senecio campestris*), волчьей сараны (*Heremacallis graminea*). Г.А. Стуков отметил следующие особенности цветущей Даурии:

“Желтый ковер как на влажных, так и на сухих лугах и склонах гор можно считать преобладающим в продолжение почти всего вегетационного периода в Заяблонье. Почти пятая часть всех наших цветковых растений по числу видов (по количеству особей гораздо больше) носит желтые цветы, что при обилии и распространенности лютиков и лапчаток с их желтыми венчиками и при значительном преобладании желтых пыльников в других цветах, является причиною того, что ковер, устилающий в летнее время нашу Даурию, светит больше всего желтыми узорами”⁶⁵.

Для июня Г.А. Стуков указывал на цветение свыше 300 видов растений. В июле, в разгар лета, на сырых лугах и лесных полянах начинал преобладать красный цвет от цветения полевицы (*Agrostis Trinii*) и черноголовника (*Sanguisorba officinalis*), на болотистых лугах – белый (цветение пушицы (*Eriophorum angustifolium*)), в степи же – преимущественно голубой (цветение скабиозы (*Scabiosa Fischeri*)). Для августа Г.А. Стуков описывал цветение различных видов зверобоя (*Gentiana barbata* Frol., *Gentiana triflora* Pall., *Gentiana decumbens*), а также еще десяти видов трав, в том числе и полынь. Для конца августа–начала сентября исследо-

⁶⁴ Стуков Г.А. Очерк... С. 21.

⁶⁵ Там же. С. 24.

ватель также отметил “очередность” желтения листьев: первой в Забайкалье желтели или краснели листья земляники, костяники, шиповника, кипрея, герани и угрюма (*Spiraea sorbifolia*).

Кроме систематизации даурских растений по семействам, Г.А. Стуков произвел их группировку по формациям: луговой, степной, лесной и болотной. К луговой формации он отнес 58 видов, к степной – 60 видов. Для них Г.А. Стуков отметил, что сено сырых лугов (с преобладанием в своем составе осоки) по качеству весьма уступает селу степей и суходолов, в котором преобладает дикорастущий забайкальский злак вострец (*Elymus Pseudoagropyrum* Trin.), по своим кормовым качествам заменяющий овес и придающий особый вкус мясу домашних животных. Г.А. Стуков установил, что вопреки литературным данным вострец на второй-третий год дает колос и зерно, а основное место его произрастания – приононские и приаргунские степи. Весьма интересовал Георгия Андреевича вопрос о происхождении забайкальских степей, о видовом составе их растительного покрова и о связи последнего с почвой, о причинах отсутствия лесов в степях. В то время все эти темы широко обсуждались научной общественностью (прения в основном касались южнорусских степей), однако, вопрос о причине безлесия степи и происхождении ее растительности так и не был решен (вспомним, что Б.И. Дыбовский объяснял отсутствие леса в приаргунских и приононских степях засушливостью климата, а не особенностью состава почвы). На основании исследований сотрудников Забайкальской горной партии, считавшими забайкальские степи ничем иным, как дном когда-то заливавшего их моря (в пользу этого, по их мнению, свидетельствовали многочисленные соленые озера на степной территории) и утверждавшими, что степной характер местности зависит не от недостатка выпадающих осадков, а от геологического строения. Например, геолог А.П. Герасимов писал в своем отчете “Геологические исследования по линии сибирской железной дороги”:

“По всей степи мы видим исключительно преобладание песчаников и глинисто-сланцевых отложений, дающих слишком мало материала, пригодного для деревьев; с другой стороны я до настоящего времени нигде в Забайкалье не наблюдал таких местностей, где бы степи образовались на подпочве, состоящей из гранитов и других пород, богатых щелочами. Та или другая подпочва обладает большим или меньшим богатством различных солей и способностью удерживать то или другое количество влаги, в зависимости от чего и находится характер лесного покрова”⁶⁶.

⁶⁶ Цит. по: Стуков Г.А. Очерк... С. 39–40.

В этом вопросе Стуков занимал промежуточную позицию, считая главной причиной безлесия степей состав почвы, но не исключал и действие климата на характер растительности. Следует сказать, что причина безлесия степей не установлена и поныне является темой для дискуссий. По современным данным на территории Монголии в период мезозоя действительно существовал океан Тетис⁶⁷.

Г.А. Стуков подробно описал породы деревьев и кустарников (в лесах составляющие подлесок), а также травяной покров из цветковых растений, имеющих в Забайкалье. Он особо выделил несколько видов кустарников, встречающихся только в самой восточной части Даурии – Приаргунье. Один из них, бересклет (*Evonymus europaeus*) вообще не был указан Н.С. Турчаниновым в списке даурской флоры, Г.А. Стуков встретил его только в одном месте Приаргунья, между селениями Горбуновой и Олочами, на берегу реки. Исследователь охарактеризовал забайкальские леса как “не столько чисто хвойные, или чисто лиственные, сколько смешанные, больше сухие, чем мокрые, хотя и сопровождающиеся иногда болотами”. Еще П.-С. Паллас отметил следующую особенность расположения лесов в Даурии: они произрастали почти исключительно на северных склонах гор, тогда как южные оставались совершенно голыми. Г.А. Стуков весьма оригинально объяснил эту особенность:

“Северные склоны гор гораздо меньше подвержены иссушающему влиянию летних солнечных лучей, чем южные, дольше удерживают на себе снега и влагу, а потому и более благоприятны для лесной растительности”⁶⁸.

Для болотной формации исследователь описал 29 видов, из которых наиболее “замечательными в биологическом отношении” считал следующие: ряску (*Lemna minor*) – самое маленькое из цветковых растений; пузырчатку (*Utricularia vulgaris*) – единственный даурский представитель растений-хищников, питающийся животными; роголист (*Ceratophyllum demersum*) – единственное пресноводное растение, живущее исключительно под водой, водяную лилию или белую кувшинку (*Nymphaea basniniana* Turcz.), вечером закрывающую свой венчик и вытягивающую его в воду. Г.А. Стукову удалось также получить экземпляры вымирающего вида – водяного ореха (*Trapa natans*), называемого местным населением “озерными рагульками”, и конкретно указать озера, где они были собраны (заметим, что Н.С. Турчанинов

⁶⁷ Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М., 1971; Чибилев А.А. Лик степи: Эколого-географический очерк о степной зоне СССР. Л., 1990.

⁶⁸ Стуков Г.А. Очерк... С. 43.

только слышал об этом виде, но ему так и не удалось его найти). Из растений окаймляющих берега забайкальских озер, Г.А. Стуков отметил тростник (*Arundo phragmites*), являющийся самым высоким из забайкальских травянистых растений и используемый в качестве топлива. Завершая описание растительных формаций Даурии, исследователь привел также список сорных трав (17 видов) и трав солончаковых (22 вида).

Значительную часть своей работы Г.А. Стуков посвятил описанию наименее изученных представителей забайкальской флоры – споровым растениям. В ботанической литературе того времени не было даже голых перечней имеющихся в Даурии представителей отдела споровых и оставалось совершенно неизвестным, какие именно споровые произрастают здесь. “Какое обширное поле для исследований представляет Забайкалье только в одном этом отношении!” – восклицал Георгий Андреевич. В капитальном труде Н.С. Турчанинова для Даурии было указано всего 10 видов высших споровых (хвощей, папоротников и плаунов). Ко времени написания Г.А. Стуковым “Очерка флоры Восточного Забайкалья” никто из ученых-специалистов на месте не изучал споровые растения Даурии. Пионером в их сборе и изучении стал Георгий Андреевич, собравший для Читинского музея коллекцию папоротников (отправленную для определения в Ботанический музей Академии наук), коллекцию мхов (определенную финским профессором-бриологом В.Ф. Бротерусом в Гельсингфорсе), коллекцию высших грибов (определенную А.А. Ячевским), коллекцию низших микроскопических грибов, паразитирующих на живых растениях (определена ученым хранителем Ботанического музея Академии наук В.А. Траншелем), коллекцию лишайников (определенную известным лишенологом А.А. Еленкиным). Коснемся подробнее некоторых коллекций. Коллекция мхов содержала указания по местонахождению каждого вида, число видов в ней составляло 43. Определение их было опубликовано в “Трудах” Троицкосавско-Кяхтинского отделения ПОИРГО. Коллекция низших микроскопических грибов, паразитирующих на живых растениях, включала 22 вида с точным указанием растения, на котором обитал паразит, например, на полыни, иглах сосны, бруснике, шиповнике, лапчатке, семенах овса, черемухе. Коллекция лишайников содержала перечень 35-ти видов, причем для каждого указано место и дата сбора. Производивший определение лишенолог А.А. Еленкин, занявшийся этим по просьбе Ботанического музея Академии наук, опубликовал результаты в “Трудах Ботанического музея Академии наук” за 1906 год под заглавием: “Коллекция лишайников, собранная Г.А. Стуковым в 1902–1904 гг.”. До настоящего времени видовой состав низших

растений Даурии (водорослей, грибов и лишайников) и моховидных (печеночников и мхов) изучен недостаточно. Для голосеменных растений известно 13 видов, для папоротников – 21 вид, плаунов – 11 видов, хвощей – 8 видов⁶⁹.

В “Очерках флоры Восточного Забайкалья” Г.А. Стуков описывал и составленную им для Читинского музея коллекцию, включающую растения, используемые забайкальцами в домашнем обиходе, а также некультурные съедобные растения (последние были представлены их пригодными в пищу частями – семенами, плодами, корнями, луковицами) 50-ти видов. Особое внимание Георгий Андреевич уделил растениям, используемым местным населением для окрашивания, весьма интересно описав способы употребления каждого. Вот одно из его описаний подобного рода, представляющее интерес как для ботаника, так и для химика и даже этнографа:

“*Galium boreale*. Марена. Идет в дело мочковатый корень растения, который должен собираться – заготавливаться ранней весной. Корень сушится и толчется в порошок, которым и натирают шерстяную материю, предварительно вымочив ее в течение полусуток в квасу. После натирания ее тотчас же снова опускают в квас и ставят в печку на несколько времени, после чего материя окрашивается в желтоватокрасный цвет. Наконец материя заваривают в крутой золе, то есть в кипятке с золой, и тогда уже краска окончательно закрепляется и не выцветает. (Селение Шивиинское Копунской станицы)”⁷⁰.

К моменту написания Г.А. Стуковым “Очерка”, его гербарий даурской флоры насчитывал свыше 1000 видов цветковых растений (заметим, что в настоящее время в Забайкалье известно свыше 1700 видов высших растений), преобладающим являлось семейство сложноцветных (112 видов), затем шли: мотыльковые (66 видов), злаковые (54 вида), лютиковые (52 вида), розоцветные (46 видов), крестоцветные (45 видов), гвоздичные (41 вид), норичниковые (36 видов). В гербарии Г.А. Стукова профессором В.Я. Цингером было обнаружено 5 новых для науки вида. Среди них: *Juncus leucochlamus* mihi, *Mulgedium floribundum* mihi, *Saussurea paniculata* mihi, *Potentilla ambigua* mihi, *Erigeron galatelloides* mihi, а также несколько разновидностей ранее известных видов. Огромная работа по изучению даурской флоры привела исследователя к убеждению, что

“по числу видов растений наше столь мало изученное еще

⁶⁹ Дулепова Б.И. Растительный... С. 50.

⁷⁰ Стуков Г.А. Очерк... С. 69.

Забайкалье ничуть не уступает и даже превосходит некоторые губернии Европейской России”⁷¹.

Вершиной исследовательской деятельности Г.А. Стукова стало его участие в Агинской экспедиции в 1908 году, а также описание растительного мира этого региона. Организация и проведение Агинской экспедиции стало пиком в жизни Читинского отделения ПОИРГО. Приведем здесь краткую историю крупнейшей экспедиции, организованной в Забайкалье в начале XX века.

7 октября 1907 года в Совет Читинского отделения ПОИРГО (членом которого являлся и Г.А. Стуков) поступило письмо от цугальского волостного старшины Намдана Дылыкова и бывшего депутата Государственной Думы Бато-Далая Очирова, написанное по уполномочию бурят, живущих в Агинской и Цугальской волостях. В нем, в частности, говорилось:

“Агинские буряты, обитающие в главной массе по речке Аге и Приононской или (так называемой) Агинской степи и отчасти за р. Ононом, ожидают в скором времени землеустройства по закону 5 июня 1900 года. Агинская степь представляет из себя почти безлесную и безводную возвышенность с песчано-дресвянистой, изредка солончаковой почвой. Хлебопашества здесь почти нет и буряты занимаются всецело скотоводством, ведя кочевой образ жизни. В силу этого в землеустройстве этих бурят применима статья 10 Главных оснований, то есть увеличение размера надела свыше 15 десятинной нормы. Однако применение этой статьи землеустройства возможно только при обосновании исключительной невыгодности положения, а равно и особенности условий быта населения. Ни в литературе, ни в официальных исследованиях не имеется данных к выяснению этих вопросов. Беспристрастное и всестороннее изучение их представит глубокий интерес для науки, а для нас бурят имеет жизненное практическое значение. По своим задачам и целям географическое общество и его отделение призваны к изучению как естественнo-исторических условий страны, так и народностей, их быта, нравов, гражданского строя и экономического благосостояния. Поэтому просили бы отделение географического общества прийти на помощь и взять на себя почин в организации изучения Агинской степи в почвенном, ботаническом и оросительном, а также и хозяйственном отношениях и издать труды исследования в возможно скором времени. Мы надеемся, что буряты со своей стороны

⁷¹ Там же. С. 74.

не откажут в посильной поддержке отделения в материальном отношении”⁷².

В связи с активной правительственной политикой переселения в Сибирь для развития ее экономического потенциала, необходимо было статистико-экономическое обследование хозяйств для установления той нормы земли, которой должен был быть наделен житель того или иного региона. В этом заключалась сущность политики по землеустройству в Сибири, призванная еще и упорядочить землепользование и формы собственности на землю⁷³. Для проведения землеустройства на территории Агинской степи необходимо было прежде всего изучить ее в естественноисторическом отношении.

Читинское отделение ПОИРГО выразило свое согласие на изучение Агинской степи, для исследования ее растительного мира был приглашен Г.А. Стуков, избранный в 1907 году почетным членом отделения. Все сотрудники, за исключением московского почвовода М.П. Григорьева, были представителями местных научных сил. Понимая, с какими серьезными трудностями может столкнуться отделение, его председатель Д.М. Головачев сообщил о предстоящей экспедиции в письме к вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тянь-Шанскому:

“Изучение это крайне необходимо для самих бурят ввиду предстоящего у них землеустройства, в высшей степени интересно в чисто научном отношении как всестороннего изучения скотоводческих хозяйств в связи с естественноисторическими условиями”⁷⁴.

В ответ П.П. Семенов много содействовал Читинскому отделению в поиске ученых специалистов для определения коллекций, собранных в Агинской степи.

В феврале 1908 года Г.А. Стуков представил отделению свой “Проект программы для ботанического исследования Агинской степи”. Документ этот весьма ярко отражающий методику ботанических исследований Георгия Андреевича, сохранился в рукописи и не был опубликован, поэтому приведем его здесь полностью.

“Само собой разумеется, что задача ботанического исследования Агинской степи, как и всякой другой территории,

⁷² Отчет Читинского отделения ПОИРГО за 1907–1908 гг. Чита, 1909. С. 15–16; ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 169.

⁷³ Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местным исследованиям 1897 г. Иркутск, 1900; Козулин А.В. Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX–начало XX в.), Улан-Удэ: Из-во БГУ, 2004.

⁷⁴ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 244.

должна состоять главным образом в том, чтобы собрать по возможности все виды растений, покрывающих степь в продолжение всего вегетационного периода, продолжающегося по местным климатическим условиям с апреля по сентябрь. Составить из собранных растений по возможности полный гербарий (да и не один) флоры Агинской степи в достаточном количестве экземпляров растения на каждом гербарном листе, с надлежащими необходимыми указаниями на ярлыках (научными названиями растений, а по возможности и местными с указанием времени, места сбора). При этом, конечно, должно быть обращено внимание на почвенный слой, в котором коренятся растения. Полагал бы весь собранный ботанический материал для точнейшего определения и обработки выслать кому-либо из специалистов-ботаников, интересующихся забайкальской флорой. Затем должно быть обращено внимание на те растительные формы которые в покрове всей степи или только на отдельных участках играют преобладающую роль, в зависимости от чего и самые эти участки могут быть названы степями или луговыми, или ковыльными, или полынными, кустарниковыми и проч., какими ботаническими эпитетами и характеризуются обыкновенно разного рода степи. Затем нужно обратить внимание и на общий вид травянистого покрова, то есть состоит ли он из высокорослых трав, или низких, часто ли, то есть густо ли, или редко сидят растения, покрыта ли почва сплошь высокими растениями, или мхами, лишайниками, а может быть по местам и совсем голая. Не должны и, конечно, не будут обойдены вниманием также и солончаковые участки степи, как и прибрежная и водная флора озер и рек, орошающих степь. На громадной степи могут встретиться также и отдельные березовые рощицы, как бы островки на травянистой глади степей, которые (рощицы), если и не могут изменить общий характер степной растительной формации, то могут заключать в себе и такие более тенелюбивые виды растений, которые не встречаются на открытой степи, на что тоже должно быть обращено внимание коллектора. Таким образом задача ботанического исследования и коллекционирования упрощается, ограничиваясь одной только растительной формацией, именно степной с ее вышеназванными подразделениями-участками. Она упрощается еще тем более, что полем исследования будет территория почти девственная, очень мало заселенная, не тронутая плугом и влиянием человека, несущего с собой в населенных местах обыкновенно изменения естественного распределения и группировки растений (вырубкой

леса, осушением болот, распахиванием, искусственным орошением и проч.)”⁷⁵.

Из данного документа видно, с каким многолетним опытом и знанием дела Г.А. Стуков подошел к исследованию растительного покрова Агинской степи.

Агинские буряты собрали сумму в 4767 рублей, которая и была ими пожертвована на исследования, запланированные отделением (кроме того, на издание многотомных “Трудов Агинской экспедиции” собрали еще 2000 рублей)⁷⁶. На ботанические исследования Г.А. Стукову было выделено 330 рублей, причем “ни один из исследователей не включил в смету оплату своих трудов”⁷⁷. После того, как последовало разрешение на экспедицию со стороны военного губернатора Забайкальской области М.И. Эбелова, в начале мая 1908 года Г.А. Стуков выехал в Агинскую степь, где провел четыре месяца, возвратившись в Читу в начале сентября⁷⁸. Результатом его исследований стал гербарий Агинской степи, собранный им в трех экземплярах, по 508 видов растений в каждом. Один гербарий Стуков отправил директору Ботанического сада в Санкт-Петербурге профессору И.В. Палибину для определения, второй – московскому почвоведу М.П. Григорьеву, участвовавшему в экспедиции и написавшему очерк о почвах Агинской степи; третий же был подарен двухклассному училищу в поселке Агинское, для обучения ботанике детей бурят. По возвращении в Читу Георгий Андреевич занялся написанием ботанико-географического очерка Агинской степи, который был доложен общему собранию членов Читинского отделения ПОИРГО 1 февраля 1909 года. Здесь он представил очень подробную картину распространения представителей растительного царства по огромной Агинской степи. Эта статья была послана для редактирования И.В. Палибину, который отозвался 6 марта 1909 года:

“Я ознакомился со статьей Г.А. Стукова и успел убедиться, что автор вложил много любви в дело и не представляется особенно трудным, путем взаимных мнений, дать работе большую определенность деталей и подробностей, которые надеюсь получить путем обмена мнениями... Я приложу все усилия к тому, чтобы по мере возможности расширить в деталях выводы и обогатить данными готовую рукопись Г.А. Стукова”⁷⁹.

⁷⁵ Там же. Л. 247–250.

⁷⁶ Там же. Д. 35. Л. 69.

⁷⁷ Там же. Д. 21. Л. 138.

⁷⁸ Там же. Д. 46. Л. 120.

⁷⁹ Там же. Л. 135.

В гербарии, предоставленном И.В. Палибину, последний обнаружил новый для науки вид, которому дал название остролодки Стукова (*Oxytropis Stukowi*) и сделал о нем доклад в Женеве, прислав его в марте 1910 года Георгию Андреевичу⁸⁰. И.В. Палибин также опубликовал по материалам Г.А. Стукова статью о флоре Юго-Восточной Сибири⁸¹.

Работа Г.А. Стукова о растительном мире Агинской степи вышла в IV выпуске “Трудов Агинской экспедиции” в 1910 году в Санкт-Петербурге, за ее изданием следил лично И.В. Палибин, по словам которого исследования ботаника-любителя “являются до сих пор первыми попытками изучения флоры этой столь мало обследованной окраины Забайкалья”⁸². В конце XIX–начале XX века появилось несколько статей, касающихся флоры южного Забайкалья, изданные в основном при поддержке Переселенческого управления, среди которых выделялись следующие: “Бассейн реки Аргуни” И.М. Крашенинникова, “Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении” агронома Н.А. Крюкова и “Забайкальская область. Долина рек Нерчи, Куэнги, Большого Урюма и Унгура” географа И.В. Новопокровского⁸³. Ботанико-географический очерк Агинской степи, написанный Г.А. Стуковым, явился для своего времени самым подробным трудом по флоре указанного региона⁸⁴.

Агинскую степь Стуков охарактеризовал как

“северную окраину прилегающих к нашей границе степей Центральной Азии”, то есть продолжение монгольских, и разделил на две части – северную и южную, проведя границу по Борщевочному хребту (по-бурятски Хангил). Рельеф и растительный покров этих двух частей значительно отличались друг от друга. Северный участок представлял собой, по выражению автора, “лабиринт долин, падей, отпадков, ущелий, оврагов,

⁸⁰ Отчет Читинского отделения ПОИРГО за 1909–1910 гг. Чита, 1912. С. 10.

⁸¹ Палибин И.В. Ботанико-географические заметки. II. *Rupia maritima* L. в юго-восточной Сибири // Известия Санкт-Петербургского императорского Ботанического сада, 1909. СПб., 1909. С. 157–159.

⁸² Труды Агинской экспедиции. СПб., 1910 Вып. IV. С. 1; ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 178.

⁸³ Крашенинников И.М. Бассейн реки Аргуни // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1909 г. Под ред. А.Ф. Флорова. СПб., 1910. С. 93–103; Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895; Новопокровский И.В. Забайкальская область: Долина рек Нерчи, Куэнги, Большого Урюма и Унгура // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1909 г. С. 46–56.

⁸⁴ Стуков Г.А. Ботанико-географический очерк Агинских степей // Труды Агинской экспедиции. СПб., 1910. Вып. IV. С. 11–36.

идущих по всем направлениям, разделенных горами или грядами холмов, а также отдельно стоящими сопками и с первого взгляда совершенно ступевывающих степь, как таковую”.

Лес, произрастающий на обоих склонах гор, состоял из сосны, лиственницы, березы и осины, имел редкий кустарниковый подлесок, а травяной покров включал в себя большинство чисто степных видов и мало отличался от такового открытых степей. Таким образом, северная часть Агинской степи была определена Г.А. Стуковым как лесостепь. Здесь он также встретил и описал целебные минеральные ключи, куда приезжали лечиться буряты (Ундургинский, Агинский, Килгиндинский и др.). Что касается южной части Агинской степи, то по словам Г.А. Стукова

“по своей обширности южноагинские степи могут соперничать со степями других областей империи”. “Степь здесь настолько обширна”, – делился своими впечатлениями Георгий Андреевич, – “что нередко видишь себя в центре большого круга, границей которого служит только край небесного свода, или где-то далеко-далеко виднеются в синеватой дымке неясные очертания горных цепей, и при этом часто на больших расстояниях ничего такого, на чем бы мог остановиться взгляд, – никаких следов человеческого жилья, ни покосов, ни пашен, ни даже пасущихся стад. На этих громадных полупустынных, слегка волнистых площадях мы не раз встретим только зеркальную поверхность больших и малых гуджирных озер с молочного цвета водой, либо совсем высохших и при этом или поросших по высохшему дну солончаковыми растениями, или же совершенно голых и гладких, белеющих, как скатерть... от образовавшейся на поверхности тонкой корочки белого кварцевого песочка”⁸⁵.

Г.А. Стуковым была описана и главная “достопримечательность” Агинской степи: реликтовый сосновый бор Цырик-Нарасун (в переводе с бурятского – “сосновое войско”). Сосновые деревья, насчитывающие сотни лет, произрастали полосой среди голой степи в количестве нескольких десятков тысяч. В этом реликтовом бору не было ни подлеска, ни лесной травы, ни соснового молодняка. По поводу происхождения этого леса в науке до сих пор ведутся дискуссии и отсутствует единый взгляд на проблему. На основании материалов, предоставленных Г.А. Стуковым, И.В. Палибин считал, что эти реликтовые леса утратили в борьбе со степными элементами свои лесные травянистые растения. Отсутствие же в этом бору подлеска и молодых сосен Г.А. Стуков объяснял изменившимися со временем почвенными условиями.

⁸⁵ Там же. С. 18–19.

Исследователь привел также видовой состав трав осоковых болот северной части степи и луговые формы, произрастающие по дну речных долин и их склонам (в основном злаки и несколько видов лука). Отличительной особенностью местных степных лугов Г.А. Стуков считал то, что не всегда легко можно провести границу между лугом и степью, а в одном сообществе встречаются ковыль (*Stipa capillata*) и белозор (*Parnassia palustris*), спорящие за преобладание. Кроме того, на всей Агинской территории часто встречалось своеобразное луговое сообщество, включающее в себя пикульник (*Iris biglumis* Vahl.), летом несъедобный для скота вследствие острых режущих краев листьев.

Исходя из видового состава степных растительных формаций, Г.А. Стуков отнес определенные территории Агинской степи к следующим типам: каменистой (там, где склоны гор не были покрыты лесами), ковыльной, кипчаковой (там, где в видовом составе преобладали злаки) и танацетной. Последнего термина в науке не существовало, однако Г.А. Стуков дал такое название тем участкам степи, где преобладала пижма (*Tanacetum sibiricum*), по-бурятски карасун-убусун, а таких территорий в Агинской степи было большинство. Пижма принадлежит к тому же семейству, что и полынь, однако исследователь предпочел назвать этот вид степи не полынной, а пижмовой степью и надеялся, что со временем термин этот войдет в науку.

Подводя итоги исследованию Агинской степи, Г.А. Стуков совершенно справедливо утверждал, что растительный покров ее невысокого кормового качества, а кормовая емкость не соответствует пространству. Исследователь указал три причины, по которым имело место данное обстоятельство: немалую часть степи покрывали кустарники, непригодные для пищи скоту; многие из травянистых растений не поедались скотом; на большей части поверхности степи растительный покров очень редок, местами занимая лишь половину площади. Таким образом, Г.А. Стуков установил причину того, почему тысячи семей агинских бурят переходили на жительство в Монголию, либо на соседние со степью земли казаков, крестьян и тунгусов. На территории Агинской степи Георгием Андреевичем были найдены растения, ранее не встреченные исследователями в Забайкалье (например, *Brachyactis ciliata* Lelb., *Cobresia capillifolia*, *Clarke var. filifolia* (Turcz.) Kükenth., *Alopecurus fulvus* Sw., *Allium Stellerianum* W., *Allium polyrhizum* Turcz., *Potentilla dealbata* Vge.), а одно из них, *Ruppia manitima*, впервые встречено на территории всей Сибири.

После выхода в свет работы Г.А. Стукова о растительном мире Агинской степи, она вызвала горячий интерес современников. В Читинское отделение ПОИРГО поступали просьбы о ее при-

сылке из самых разных организаций и ведомств⁸⁶. Вот далеко не полный их перечень: Московское общество сельского хозяйства, императорский Лесной институт в Санкт-Петербурге, Томский, Харьковский, Московский, Киевский, Варшавский университеты, Виленская публичная библиотека, библиотека Горного института в Санкт-Петербурге, императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Пермский научнопромышленный музей, Русское энтомологическое общество в Санкт-Петербурге, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы в Симферополе и т.д.⁸⁷. Благодарность за присылку ему этой работы лично выразил Иркутский генерал губернатор в письме Д.М. Головачеву в апреле 1911 года⁸⁸.

Исследование флоры Агинской степи стало последним в жизни Г.А. Стукова. После тяжелой и продолжительной болезни он скончался в Чите в ночь с 4 на 5 ноября 1912 года, в возрасте 58 лет. В его лице не только Читинское отделение ПОИРГО, но и вообще ботаническая наука потеряла лучшего на тот момент времени знатока даурской флоры. После него в Читинском музее остался огромный гербарий забайкальских растений, не поддающийся материальной оценке и до сих пор составляющий гордость региона, включающий более тысячи видов. Кроме того, Георгием Андреевичем по обмену были получены гербарии других областей Российской империи, также подаренные им Читинскому музею (например, гербарий растений Северной России и Финляндии, полученный из Ботанического сада Юрьевского университета). В музее все гербарии Г.А. Стукова разместили в дорогих шкафах, сооруженных благодаря крупному по тем временам пожертвованию в 400 рублей, сделанным братом исследователя, Степаном Андреевичем Стуковым, в память о талантливом человеке, прошедшем путь от коллектора-любителя до ученого-ботаника. В некрологе Георгия Андреевича было сказано:

“Местное отделение географического общества в лице Георгия Андреевича Стукова лишилось единственного знатока местной флоры, своего единственного ботаника, горячо преданного науке”⁸⁹.

Подводя итог научным исследованиям Г.А. Стукова, касающимся флоры Забайкалья, необходимо выделить следующее. Труды его внесли определенное дополнение не только в видовой

⁸⁶ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.

⁸⁷ Там же. Д. 34. Л. 1–94.

⁸⁸ Там же. Д. 21. Л. 143.

⁸⁹ *Крюков И.Ф.* Г.А. Стуков... С. 18.

состав различных растительных формаций Забайкалья, но прежде всего в географию их распространения. Он, например, обнаружил в Забайкалье ряд видов, которые по более ранним данным вообще не встречались на территории Даурии. Полученные им результаты потребовали огромной работы, связанной с посещением девственных и малодоступных уголков Забайкалья. Г.А. Стуков значительно расширил список видов споровых растений, встречающихся в Даурии, а также подробно описал видовой состав растительных формаций региона. Последняя его работа по исследованию флоры Агинской степи носила монографический характер и была первым подробным описанием растительности этой части Даурии. По материалам Г.А. Стукова и его коллекциям даурских растений была написана соответствующая часть изданного в начале XX века Академией наук многотомного сочинения “Флора Сибири”.

Основные даты жизни и деятельности Г.А. Стукова*

- 1854** – в селении Доно близ Нерчинска Забайкальской области в семье дьякона родился Г.А. Стуков.
- 1874** – после окончания Иркутской духовной семинарии становится преподавателем латинского языка, арифметики и географии в Нерчинском духовном училище.
- 1889** – первые ботанические сборы в окрестностях Нерчинска.
- 1894, июль** – Г.А. Стуков становится одним из членов-учредителей Читинского отделения ПОИРГО.
- 1895** – Г.А. Стуков передал в Читинский музей список 730 видов растений, собранных им.
- 1896** – сбор ботанических коллекций на юге Забайкалья, в долинах рек Онон и Аргунь.
- 1897** – публикация статей “Некультурные съедобные растения Даурии” и “Список растений, входящих в состав сена в Забайкальской области”.
- 1898** – опубликована статья Г.А. Стукова “Список растений, собранных в Нерчинском, Нерчинско-Заводском, Читинском, Акшинском и Верхнеудинском округах Забайкальской области (1889–1897)”.
- 1899** – представил гербарий в 4000 экземпляров на Читинскую областную сельскохозяйственную выставку.
- 1900** – Г.А. Стуков вышел в отставку и переехал из Нерчинска в Читу.
- 1901** – опубликована статья “Шивийинские минеральные воды”.
- 1902** – публикация книги “Минеральные ключи по системе реки Нерчи”.
- 1902–1903** – Г.А. Стуков становится директором Читинского музея.

* Все даты даны по старому стилю.

- 1905** – вышла в свет статья “Народные лекарственные травы Забайкалья”.
- 1907** – Г.А. Стуков избран почетным членом Читинского отделения ПОИРГО. Опубликована его книга “Очерк флоры Восточного Забайкалья”.
- 1908, май–сентябрь** – Г.А. Стуков производил изучение флоры Агинской степи.
- 1910** – опубликован IV выпуск “Трудов Агинской экспедиции”, содержащий статью Стукова “Ботанико-географический очерк Агинских степей”.
- 1912, с 4 на 5 ноября** – Г.А. Стуков скончался в г. Чите.

Библиография

Работы Г.А. Стукова

- Стуков Г.А.* Аркиинский минеральный ключ // Восточное обозрение. 1891. № 46.
- Стуков Г.А.* Шиванда // Там же. 1894. № 113.
- Стуков Г.А.* Семеновские минеральные воды // Байкал. 1897. № 6.
- Стуков Г.А.* Некультурные съедобные растения Даурии // Зап. ЧОПОИРГО. 1897. Вып. II. С. 57–67.
- Стуков Г.А.* Список растений, входящих в состав сена в Забайкальской области // Там же. С. 65–68.
- Стуков Г.А.* Список растений, собранных в Нерчинском, Нерчинско-Заводском, Читинском, Акшинском и Верхнеудинском округах Забайкальской области (1889–1897 гг.). Чита, 1899. 38 с.
- Стуков Г.А.* Шивинские минеральные воды // Зап. ЧОПОИРГО. 1901. Вып. IV. С. 95–103.
- Стуков Г.А.* Минеральные ключи по системе реки Нерчи. Чита, 1902. 26 с.
- Стуков Г.А.* Поповский минеральный ключ близ Читы // Байкал. 1903. № 22.
- Стуков Г.А.* Ямаровские минеральные воды // Там же. № 31–32.
- Стуков Г.А.* Народные лекарственные травы Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1905. Вып. VI. С. 1–50.
- Стуков Г.А.* Очерк флоры Восточного Забайкалья // Там же. 1907. Вып. VIII. С. 1–74.
- Стуков Г.А.* Маккавеевский минеральный источник // Забайкальская новь. 1909. № 159–160.
- Стуков Г.А.* Ботанико-географический очерк Агинских степей // Труды Агинской экспедиции. СПб., 1910. Вып. IV. С. 11–36.

Литература о Г.А. Стукове

- Антонова Г.* Ботаническое наследие краеведа // Забайкальский рабочий. 1977. 17 авг.
- Бородин И.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908. С. 115–116.
- Головачев Д.М.* Памяти Г.А. Стукова // Зап. ЧОПОИРГО. 1913. Вып. IX. С. 9–10.
- Горбатовский Ю.* Памяти Г.А. Стукова // Забайкальская новь. 1912. № 1544.
- Колобов М.А.* Некролог. Воспоминания // Там же. № 1543, 1546, 1580.
- Крюков И.Ф.* Г.А. Стуков как ботаник // Зап. ЧОПОИРГО. 1913. Вып. IX. С. 11–18.

- Локотко О.Г.* Исследователи Забайкалья в экспозиции отдела природы // Забайкалье – судьба провинции. Чита, 2002. Вып. 4. С. 41–51.
- Небольсина Т.М.* Из истории гербария Читинского областного краеведческого музея // Там же. С. 21–24.
- Отчет о заседании отделения Географического общества памяти Г.А. Стукова // Забайкальская новь. 1912. № 1578.
- Сизиков А.И.* Влюбленный в Забайкалье // Забайкальский рабочий. 1962. 18 нояб.
- Сизиков А.И.* Основателям посвящается // Там же. 1966. 22 окт.

Архивные источники

- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–7. 20–29, 32–37.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 21. Л. 138, 143, 145.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.
- ГАЧО. Р. 1574. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–12.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 26. Л. 208.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–94.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 35. Л. 69.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 40. Л. 345–346.
- ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 120, 135, 178, 247–250.
- ГАЧО. Ф. 1 вр. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–25.
- ГАЧО. Р. 2676. Оп. 1. Д. 134. Л. 2, 30, 35–36, 44, 46, 55, 57, 77, 79, 90–91, 94–95, 98.

Использованная литература

Справочники. Энциклопедии

- Энциклопедия Забайкалья.** Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 49–51.

Исследования

На русском языке

- Амурский край. 1901. 2(15) марта.
- Гедройц А.Э.* Сведения о работах Забайкальской горной партии. Третий участок // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. I. С. 41–51.
- Герасимов А.П.* Сведения о работах Забайкальской горной партии. Второй участок // Там же. С. 36–40.
- Головачев Д.М.* Десятилетие Читинского отделения (1894–1904) // Там же. 1905. Вып. V. С. 1–20.
- Давыдов А.Д.* Главнейшие минеральные источники Забайкальской области. СПб., 1900. 16 с.

- Дулепова Б.И.* Степи горной лесостепи Даурии и их динамика. Чита, 1993. 396 с.
- Дулепова Б.И.* Растительность Агинского бурятского автономного округа. Чита, 1999. 106 с.
- Дулепова Б.И.* Зеленая книга Забайкалья: Редкие и нуждающиеся в охране растительные сообщества. Чита, 2003. 52 с.
- Залесский С.И.* К бальнеохимии Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1901. Вып. IV. С. 69–79.
- Залесский С.И.* Краткая инструкция к программе исследования минеральных вод // Там же. С. 86–94.
- Залесский С.И.* Программа исследования минеральных источников Забайкалья // Там же. С. 80–85.
- Исаченко А.Г.* Развитие географических идей. М., 1971. 416 с.
- Кауфман А.А.* Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местным исследованиям 1897 г. Иркутск, 1900. 179 с.
- Кирилов Н.В.* О климате Нерчинска. Чита, 1899. 19 с.
- Козулин А.В.* Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 198 с.
- Константинова Т.А.* Читинские рукописи и автографы Петра Кропоткина // П.А. Кропоткин – гуманист, ученый, революционер: Рос. науч. конф.: Сб. тез. Чита, 1992. С. 13–15.
- Константинова Т.А.* Губернаторы Забайкалья, 1851–1917 гг. Чита, 2001. С. 48–57.
- Крашенинников И.М.* Бассейн реки Аргуни // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1909 г. / Под ред. А.Ф. Флерова. СПб., 1910. С. 93–103.
- Кропоткин П.А.* Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. 191 с.
- Крюков Н.А.* Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895. 165 с.
- Крюков И.Ф.* О постановке агрономических исследований в Забайкальском районе. Чита, 1909. 39 с.
- Крюков И.Ф.* Климат и земледелие // Труды Первого Забайкальского сельскохозяйственного съезда. Чита, 1914. Вып. 2. С. 162–189.
- Минор О.С.* К вопросу о климате г. Нерчинска в связи с климатом Забайкалья // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. I. С. 59–73.
- Новопокровский И.В.* Забайкальская область: Долина рек Нерчи, Куэнги, Большого Угрюма и Унгура // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1909 г. / Под ред. А.Ф. Флерова. СПб., 1910. С. 46–56.
- Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и краевого музея имени А.К. Кузнецова за тридцать лет, 1894–1924. Чита, 1924. 91 с.
- Обручев В.А.* Сведения о работах Забайкальской горной партии. Первый участок // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. I. С. 27–35.
- Отчет по Нерчинскому публичному музею и нерчинской городской общественной библиотеке за 1889 г. Нерчинск, 1890. 52 с.
- Отчет по Нерчинскому публичному музею и нерчинской городской общественной библиотеке за 1890 г. Нерчинск, 1891. 39 с.

- Отчет Читинского отделения ПОИРГО, 1896. Чита, 1897. С. 9.
- Отчет о деятельности Забайкальского областного отделения ПОИРГО за 5 месяцев 1894 г. Чита, 1895. 21 с.
- Отчет Читинского отделения ПОИРГО за 1907–1908 гг. Чита, 1909. С. 15–16.
- Отчет Читинского отделения ПОИРГО за 1909–1910 гг. Чита, 1912. С. 10.
- Палибин И.В.* Ботанико-географические заметки. II *Rupria maritima* L. в юго-восточной Сибири // Известия Санкт-Петербургского императорского Ботанического сада, 1909. СПб., 1909. С. 157–159.
- Петряев Е.Д.* Вперед – огни. Иркутск, 1968. 339 с.
- Петряев Е.Д.* Краеведы и литераторы старого Забайкалья: Библиографический указатель. Чита, 1981. С. 43.
- Потанин Г.Н.* Бурятские названия растений // Изв. ВСОИРГО. 1890. Т. XXI, № 23. С. 64–66.
- Чибилев А.А.* Лик степи: Эколого-географический очерк о степной зоне СССР. Л., 1990. 150 с.

На польском языке

- Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: Słownik biograficzny. Poznań, 2000. S. 147.

**Кяхтинский натуралист
Петр Саввич Михно
(1867–1938)**

В газете “Правда Бурятии” за 21 декабря 1967 года напечатана статья под названием “Краевед Забайкалья”, автором которой являлся действительный член Географического общества СССР Иннокентий Котов. Эта статья стала первым и единственным упоминанием после 1938 года о выдающемся забайкальском натуралисте Петре Саввиче Михно (1867–1938) и посвящена столетию со дня его рождения. С огромным уважением и признательностью пишет И. Котов о своем учителе П.С. Михно – директоре Кяхтинского краеведческого музея, с которым он прошел по Забайкалью многие сотни километров, будучи участником Гусиноозерской и Боргойской научно-исследовательских экспедиций. В статье сказано: «Почти 50 лет он собирал материалы по ботанике, зоологии, геологии, палеонтологии. Гербарий растений, собранный им из различных местностей Забайкалья, составляет более 40 тысяч гербарных листов. Этот богатейший ботанический материал послужил ученым основой для написания научного труда – “Флора Забайкалья”, первый том которого вышел в начале 1929 года, ученые посвятили его сорокалетию деятельности Михно. В течение шести лет, с 1924 по 1930 г., при музее работал краеведческий кружок, издавался рукописный журнал “Кяхтинский краевед”»¹.

Несмотря на заслуги Петра Саввича Михно перед забайкальской и российской наукой, до сих пор не существует специального исследования, посвященного его жизни и деятельности. Причина этого отчасти состоит в том, что П.С. Михно был арестован УНКВД по Иркутской области 2 февраля 1937 года по обвинению в контрреволюционной деятельности и 23 ноября 1938 года расстрелян по приговору “тройки”. Во время хрущевской “оттепели”, в 1956 году, дело Михно пересмотрели и постановление “тройки” отменили, то есть ученый был посмертно реабилитирован. Найденное нами в архиве Управления ФСБ Республики Бурятия уголовное дело № 3720 помогло установить подробности чудовищного по своей нелепости обвинения, возведенного на че-

¹ Котов И. Краевед Забайкалья // Правда Бурятии. 1967. 21 дек.

ловека, так много сделавшего для развития забайкальской науки, бескорыстно посвятившего себя изучению Даурии. К сожалению, архив исследователя, находившийся в Кяхтинском музее, уничтожили после его ареста и практически единственными, имеющимися на территории Забайкалья архивными источниками, проливающими свет на биографию Петра Саввича, это вышеупомянутое уголовное дело, а также некоторые документы из фонда № 115 ГАЧО (фонд географического общества). Источником к изучению научно-исследовательской деятельности Михно служат и многочисленные протоколы заседаний и отчеты Троицкосавско-Кяхтинского отделения ПОИРГО (далее – ТКОПОИРГО), опубликованные в его “Трудах” (в них же напечатаны отчеты по совершенным экспедициям в пределах юго-западного Забайкалья и Северной Монголии)².

Имя Петра Саввича Михно и результаты его научно-исследовательской деятельности вкратце упоминаются в Сибирской Советской Энциклопедии, журналах “Бурятияведение” и “Сибирские огни”, в вышеназванной газете “Правда Бурятии”; профессором Забайкальского Государственного Педагогического Университета М.В. Константиновым ему посвящена небольшая биографическая статья³. Деятельность Михно по организации помощи прибывающим в Кяхту в 1920-е годы научно-исследовательским экспедициям, а также его исследования в области археологии, упомянуты в монографиях В.Е. Ларичева и П.Ф. Беликова (последняя в соавторстве с В.П. Князевой)⁴.

Петр Саввич Михно родился 21 декабря 1867 года в городе Ромны Полтавской губернии в семье казака. Отец его имел небольшое хозяйство в селе Чернухи Роменского уезда, однако, вскоре забросил его и переехал на жительство в город Ромны, где

² Труды ТКОПОИРГО, 1902. СПб., 1902. Т. V, вып. 1; Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 2; Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3; Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1; Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3; Труды ТКОПОИРГО, 1906. СПб., 1908. Т. IX, вып. 1; Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1911. Т. XII, вып. 1/2; Труды ТКОПОИРГО, 1910. СПб., 1911. Т. XIII, вып. 1; Труды ТКОПОИРГО, 1912. СПб., 1913. Т. XV, вып. 2.

³ Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 473; *Попов В.В.* Михно как краевед // Бурятияведение. 1927. № 3/4. С. 59–63; О юбилее П.С. Михно // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 207; *Константинов М.В.* Петр Михно: Арестованное краеведение // Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Чита, 1997. С. 46–50.

⁴ *Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 180. (Жизнь замечательных людей); *Ларичев В.Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблемы родины человека: (История идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. С. 200–202.

заялся кустарным производством кирпичей. Юный Петр Михно сначала учился в роменской церковно-приходской школе, затем в трехклассном городском училище, по окончании которого поступил на казенный счет в Глуховский учительский институт, из которого был выпущен в 1888 году. Сразу же после окончания учительского института П.С. Михно по собственному желанию был назначен на должность преподавателя естествознания четырехклассного городского училища в далеком Троицкосавске, на границе с Монголией – молодого человека привлекала далекая Азия, где все являлось экзотикой для уроженца Украины. Практически сразу по прибытии в Забайкалье, молодой учитель приступил к сбору естественноисторических коллекций, активно пропагандировал идею создания в Троицкосавске музея. Он говорил о себе:

“Я посвятил себя просвещению народных масс, был организатором музея, принимал деятельное участие в общественной библиотеке, воскресной школе, выступал лектором народных чтений и с этой же целью в последующем работал гласным в городской думе. Будучи председателем комиссии народного образования и лектором народного университета в городе Троицкосавске, читал лекции по геологии”⁵.

Здесь он знакомится со многими краоведами-любителями, в том числе и политическими ссыльными-народовольцами Николаем Аполлоновичем Чарушиным и Иваном Ивановичем Поповым. Свою любовь к естественноисторическим исследованиям П.С. Михно старался привить и своим ученикам: вместе они совершали экскурсии в окрестности Троицкосавска и лежащую рядом с ним купеческую слободу Кяхту, собирали коллекции по зоологии, геологии и ботанике. Вскоре в среде местной интеллигенции возникла мысль об основании музея, начался сбор пожертвований на его организацию, на что живо откликнулось богатое кяхтинское купечество. Основой музейных фондов стали естественно-исторические коллекции, подаренные П.С. Михно. Однако идея создания в Кяхте музея была весьма враждебно встречена администрацией области, заподозрившей в данном предприятии прикрытие антиправительственной агитации. Организаторы подверглись преследованию, а ценные коллекции спасли лишь благодаря стараниям И.Д. Синецына, нанявшего квартиру, где и разместили собрания, за сохранность которых в течение двух лет отвечал П.С. Михно. К счастью, этому “перегибу” в политике местных властей пришел конец: 13 июля 1894 года в Кяхтинском общественном собрании было провозглашено открытие ТКОПО-ИРГО, ставшего по выражению члена отделения А.В. Барташе-

⁵ Архив УФСБ Республики Бурятия. Д. 3720. Л. 51.

ва “единственным у пределов Монголии ученым обществом, окруженным полудикими кочующими племенами”⁶. Открытие происходило под председательством окружного военно-медицинского инспектора Приамурского края доктора В.Н. Радакова, автора работы по орнитофауне Забайкалья⁷, а также почетного секретаря профессора С.И. Залесского, прибывшего с целью исследования минеральных источников⁸. С 1894 года научная деятельность П.С. Михно была неразрывно связана с находящимися на территории Забайкалья отделениями Русского географического общества: Троицкосавско-Кяхтинским и Читинским. Территориями, которые в основном исследовал Петр Саввич, стали Юго-Западное Забайкалье и прилегающая к нему Северная Монголия. Именно расположенное в Северной Монголии высокогорное озеро Косогол и вытекающая из него река Эгин-гол были предметами его исследования в июне–июле 1898 года, совместно с членом ТКОПОИРГО В.А. Собенниковым. По словам профессора И.В. Палибина, “путь членов Косогольской экспедиции, организованной Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества, является до сих пор совершенно новым”⁹, а коллекции Михно “обогатят наши познания относительно состава и группировки растительности в этой столь мало исследованной части Забайкалья”¹⁰. “Ничто во время этих экскурсий не ускользало от наблюдательных глаз Петра Саввича”, – говорилось в одном из отчетов ТКОПОИРГО, – “подобно труженику-муравью, несущему все подходящее в свой любимый муравейник, наш любитель природы неутомимо собирал все, что удавалось и жертвовал музею... Экскурсии П.С. Михно расширяли наши знания о природе страны”¹¹. При отсутствии литературы для определения собранных коллекций, они направлялись для обработки следующим ученым: млекопитающие – К.А. Сатунину (Тифлис), птицы – В.Л. Бианки (Санкт-Петербург) и профессору М.А. Мензбиру (Москва), пресмыкающиеся и земноводные –

⁶ Труды ТКОПОИРГО, 1911. СПб., 1912. Т. XIV, вып. 1/2. С. 19.

⁷ Радаков В.Н. Очерк орнитологической фауны Забайкалья // Известия Общества любителей естествознания. 1890. Т. VIII, вып. 1. С. 225–229.

⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д., Моллесон М.И. Отчет о деятельности Отделения, составленный правителем дел Ю.Д. Талько-Грынцевичем и консерватором музея М.И. Моллесон // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 2. С. 21–65.

⁹ Палибин И.В. Материалы для флоры северной Монголии. V. Ботанические исследования между р. Джидой и берегами оз. Косогол // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 31.

¹⁰ Палибин И.В. Материалы для флоры Забайкалья. I. Растительность горы Бурин-хан // Труды ТКОПОИРГО, 1902. СПб., 1903. Т. V, вып. 1. С. 11.

¹¹ Труды ТКОПОИРГО, 1907. СПб., 1909. Т. X, вып. 1/2. С. 9.

В.С. Елпатьевскому (Москва), третичные ископаемые – М.В. Павловой (Москва), цветковые растения – профессору И.В. Палибину (Санкт-Петербург), споровые растения – профессорам В.Ф. Бротерусу и П.А. Карстену (Гельсингфорс, Финляндия) и доктору А. Цальбрукнеру (Вена)¹². Этими учеными были написаны научные работы, основанные на коллекциях П.С. Михно (данные работы выделены нами в отдельный библиографический список).

Первой экспедицией, снаряженной членами ТКОПОИРГО на собственные средства, стала поездка для исследования священной для бурят горы Бурин-хан, представляющей собой одно из наименее известных мест Юго-Западного Забайкалья. Идея ее посещения была высказана в апреле 1900 года правителем дел ТКОПОИРГО, археологом и антропологом Ю.Д. Талько-Грынцевичем. Гора Бурин-хан, один из южных отрогов хребта Хамар-дабан и водораздел между левыми притоками реки Селенги (Темником и Джидой), издавна привлекала внимание проезжающих путешественников. В июне 1899 года, например, ее посетил известный востоковед и лингвист А.Д. Руднев, написавший серию заметок, посвященных Бурин-хану. До экспедиции П.С. Михно они были единственным источником сведений о горе¹³. Петр Саввич прожил на Бурин-хане около недели (с 7 по 14 июля 1900 года). Совместно с консерватором Кяхтинского музея М.И. Моллесон им была собрана коллекция растений, насчитывающая около 300 видов, отправленная для определения И.В. Палибину¹⁴. Основываясь на материалах, присланных Петром Саввичем, петербургский профессор написал статью “Материалы для флоры Забайкалья I. Растительность горы Бурин-хан”, опубликованную в “Трудах” ТКОПОИРГО за 1902 год¹⁵. В ней он отметил, что некоторые представители как цветковых, так и споровых растений, покрывающих Бурин-хан, носят эндемический характер распространения. К таковым он отнес виды: *Johrenia (Phlojodicarpus) nudiuscula* (Turcz.) Palib., встречающийся местами еще и в степных районах Забайкалья, а также *Fritillaria Dagana* Turcz. – представителя субальпийской флоры, распространенный в Северном Китае и по хребту Хамар-дабан. Следует отметить, что при сборе гербария П.С. Михно указывал не только дату и место, но также и характер почвы, на котором произрастало растение, а по возмож-

¹² Труды ТКОПОИРГО, 1910. СПб., 1912. Т. XIII, вып. 2. С. 174.

¹³ Руднев А.Д. Бурин-Хан – Ула // Изв. ВСОИРГО. 1900. Т. XXXI, № 1/2. С. 26–41.

¹⁴ Титовский Н.Г. Отчет об экскурсии на гору Бурин-ула летом 1900 г. // Труды ТКОПОИРГО, 1901. СПб., 1902. Т. IV, вып. 1. С. 81–96.

¹⁵ Палибин И.В. Материалы для флоры Забайкалья. I. С. 12–21; Васильев А.В., Криштофович А.Н. И.В. Палибин // Ботан. журн. 1950. № 6. С. 684–688.

ности его тибетское или монгольское название, например: “*Cypripedulium guttatum* Sw. Почва глинистая 10 июля в цвету. Потибетски дово или доюн”¹⁶. На Бурин-хане П.С. Михно отметил правильное распределение древесной растительности по поясам, характерное для монгольской тайги: у подошвы – береза, осина и лиственница, начиная с высоты в 360 метров преобладала лиственница, а на самой вершине береза уступала место кедру. Из споровых растений он особо выделил олений мох, пышным ковром выстилающий вершины Бурин-хана. Что касается фауны этой горы, то П.С. Михно по личным наблюдениям, а также на основании сведений, собранных от местных бурят, выразился так: “Она богата, но не оригинальна”. В результате экспедиции на гору Бурин-хан также было произведено исследование местности в физиографическом и археологическом отношении.

Второй экспедицией, активное участие в которой принял П.С. Михно, стала поездка в Монголию на Иринские минеральные воды в июне 1901 года. Спутниками Петра Саввича стали ветеринарный врач А.П. Свечников и два фотографа-любителя Н.И. Сердюков и И.М. Решиков. По результатам этой поездки П.С. Михно был написан краткий отчет¹⁷. Прилегающие к Юго-Западному Забайкалью северные районы Монголии весьма привлекали исследователя. Он писал:

“Посещать [Монголию] я никогда не упустил случая в продолжение... моих экскурсий, в которых я обыкновенно находил себе отдых и возможность запастись силами для обычных занятий в городе”¹⁸.

П.С. Михно подробно описывал характер растительности по пути следования (степь, луг, лес) с указанием расстояния от ближайшего населенного пункта. Путешественники выехали из Троицкосавска 2 июня 1901 года. П.С. Михно вспоминал:

“Трудность дороги вознаграждалась чудными горными пейзажами. Сажень на 100 ниже дороги вы видите пенящуюся реку, заваленную камнями, у самой воды, между осыпями белеет и зеленеет мох, багульник; весь противоположный берег покрыт пихтами, елями, кедром, везде, насколько может охватить глаз, горы и горы, то в виде отдельных хребтов, террасообразно возвышающихся один над другим, то выделяющихся отдельными конусами и куполами; мягкость контуров

¹⁶ Палибин И.В. Материалы для флоры Забайкалья. I. С. 15.

¹⁷ Михно П.С. Краткий отчет о поездке в Монголию на Иринские минеральные воды летом 1901 г. // Труды ТКОПОИРГО, 1902. СПб., 1903. Т. V, вып. 3. С. 6–15.

¹⁸ Там же. С. 6.

поражительная. Видно, что нивелирующая сила имеет здесь дело с самыми крепкими горными породами, каковыми являются гнейсы, граниты и их комбинации. Зелень везде, то темно-зеленая вблизи, то голубой дымкой на краях горизонта”¹⁹.

Конечной целью путешествия были горячие Иринские минеральные воды, обладающие целебными свойствами и пользующиеся большой популярностью у монголов и бурят. П.С. Михно подробно описал горячий источник (Халун-аршан), указал его ширину и глубину. Температура воды составляла +42,5 °С при внешней температуре воздуха +10,2 °С. Проведя на водах 12 дней, исследователь отметил, что после дождей, которые весьма часты в данной местности, минеральная вода смешивалась с пресной, делалась мутной, а температура ее значительно понижалась. Требовалось около двух суток, дабы вода в источнике приобрела исходную температуру. Монголы утверждали, что целебную воду нельзя употреблять при туберкулезе и катаре желудка, зато она великолепно помогала при ревматизме и кожных болезнях. Местное население использовало воду при лечении ран. П.С. Михно и его спутники убедились в действенности этого способа на собственном опыте: при обливании водой из источника, раны у лошадей зажили за две недели, тогда как в обычных условиях это занимало 1–1,5 месяца.

Главной целью поездки П.С. Михно на Иринские минеральные воды был сбор ботанической и энтомологической коллекций. Дети местных жителей – тунгусов (называемых монголами хамнеганями), узнав, что исследователь собирает насекомых-паразитов различных животных (в основном блох и клещей), охотно помогали ему в этом. Энтомологическая коллекция, собранная П.С. Михно, была довольно разнообразна, особенно много он здесь встретил представителей коротконадкрылых и жуков-мертвоедов. Исследователь также поймал несколько экземпляров змей. Коллекции, собранные П.С. Михно на Иринских минеральных водах, были впоследствии объединены с другими, также представляющими флору и фауну Северной Монголии и совместно затем обработанные учеными специалистами (о чем подробнее будет сказано ниже).

Третьей крупной экспедицией организованной ТКОПОИР-ГО, была поездка на озеро Косогол в июне–июле 1902 года. П.С. Михно вторично отправился в составе этой экспедиции на величественное высокогорное озеро. На этот раз спутниками исследователя были члены ТКОПОИРГО братья А.А. и И.А. Лушниковы (производившие маршрутно-глазомерную съемку и фо-

¹⁹ Там же. С. 11.

тографические снимки), В.П. Казанцев (делававший три раза в день метеорологические наблюдения), а также препаратор Телешев (участник монгольских экспедиций Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова).

Озеро Косогол (Хубсугул) во второй половине XIX века было посещено несколькими известными путешественниками, каждый из них внес что-то новое в изучение флоры и фауны как самого озера, так и прилегающей к нему территории. Еще в 1830 году Косогол посетил ботаник Н.С. Турчанинов, он, однако, лишь бегло успел с ним познакомиться и собрал на его берегах небольшое число растений²⁰. Только спустя четыре десятилетия озеро посетили польские исследователи А.Л. Чекановский и Б.И. Дыбовский, целью последнего было сравнить косогольскую и байкальскую фауны, дабы приподнять завесу над тайной происхождения “священного моря”. Осенью 1877 года флору долины реки Эгин-гол, вытекающей из Косогола, исследовал Г.Н. Потанин²¹. Найденные им растения были частично описаны академиком К.И. Максимовичем в его незаконченном труде по флоре Монголии²². В 1879 году озеро Косогол посетили участники Саянской экспедиции Русского географического общества под руководством полковника Н.П. Бобыря²³. Прибрежную флору озера изучал ботаник экспедиции Я.П. Прейн, к сожалению, не опубликовавший результатов обработки собранных коллекций. Через 18 лет после исследований Я.П. Прейна природу Косогола и гор Мунку-Сардык в течение пяти лет всесторонне исследовал С.П. Перетолчин (1897–1902), его гербарий обработал и опубликовал Б.А. Федченко²⁴. С.П. Перетолчин также частично описал флору острова Дала-кой, лежащего возле восточного берега Косогола. В 1902 году Косогол посетили два ботаника императорского Ботанического сада в Санкт-Петербурге – В.Л. Комаров и А.А. Еленкин. Однако их исследования ограничились главным

²⁰ *Turczaninow N. Flora Baicalensi-Dahurica. Mosquae, 1842–1845. Vol. 1. P. 17–18.*

²¹ *Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1. С. 262–265; Он же. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 1. С. 512–513.*

²² *Максимович К.И. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. СПб., 1889. Вып. 1. С. 1–11.*

²³ *Семенов П.П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. СПб., 1896. С. 103.*

²⁴ *Перетолчин С.П. Физико-географический очерк оз. Косогол с картой, чертежами и 7 таблицами рисунков // Труды Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. 1903. Т. XXXVIII, вып. 1. С. 54; Федченко Б.А. Материал для флоры вершин г. Мунку-Сардык и берегов оз. Косогол // Приложение к протоколу заседаний Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. 1902, № 201. С. 1–20.*

образом описанием древесных пород и кустарников²⁵. Таким образом очевидно, что после почти 70-летней истории изучения Косокола для участников экспедиции ТКОПОИРГО оставалось широкое поле для исследования.

Петр Саввич Михно изучал не только прибрежную флору озера Косокол, но также и растительность, встреченную им по пути следования. Собранные им гербарии и ботанико-географические описания территорий, прилегающих к Косоколу, были обработаны И.В. Палибиным, опубликовавшим по материалам Михно две статьи: “Ботанические исследования между р. Джидой и берегами оз. Косокол” и “Растительность верховьев р. Джиды”²⁶. По данным П.С. Михно, вся нижняя часть долины р. Джиды, притока р. Селенги, носит степной характер. От станицы Торейской вдоль возвышенностей, окружающих долину реки, появлялись березовые рощи и лиственничные леса. В верховьях Джиды местность покрыта лесом, а почва богата перегноем. Наиболее интересными находками для флоры цветковых растений верховьев р. Джиды И.В. Палибин считал следующие: *Delphinium triste* Fisch., *Myricaria longifolia* Ehrenb. и *Artemisia sericea* Web. На пути к Косоколу, в долине реки Тумугурин, П.С. Михно впервые для данной местности встретил кустарник, довольно редкий для флоры Западного Забайкалья и называемый местными жителями “верблюжий хвост” (*Caragana jubata* Poir.). На основании описаний, представленных членами экскурсии, И.В. Палибин так определил характер “прикосокольской” флоры:

“Местность, посещенная членами экскурсии, лежит у южной границы сибирских таежных лесов и северной границы монгольской лесостепи. Элементы степной флоры и фауны уже довольно хорошо выражены в местности между верховьем р. Эгин-гол и долиной р. Арик (Урия). Степные элементы располагаются в долинах рек и на склонах, особенно восточных, где местами встречаются уже тарбаганы и растительность имеет ксерофильный характер, как, например, это наблюдали наши исследователи на р. Нарин-гол. То же самое можно отметить и относительно долин рр. Эгин-гола, Урия и Баргултая, где в долинах растительность имеет степной характер, а на склонах гор располагаются леса... В этой части

²⁵ Комаров В.Л. Поездка в Тункинский край и на озеро Косокол в 1902 г. // Изв. ИРГО. 1905. Т. 41, вып. 1. С. 23–154.

²⁶ Палибин И.В. Материалы для флоры Забайкалья. III. Растительность верховьев р. Джиды // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 25–30; Он же. Материалы для флоры Северной Монголии. V. С. 31–54; Он же. Очерк растительности монгольских степей между Ургой и Калганом // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3. С. 24–39.

Монголии многие ксерофильные элементы травянистой растительности оказываются как бы окруженными лесной растительностью, обитая там, где нет благоприятных условий для развития лесных пород... Вся эта местность должна быть рассматриваема как продолжение лесостепной полосы, простирающейся на меридиане Троицкосавска-Кяхты, от южной границы сибирских сплошных лесов, проходящей в Забайкалье к северу между Усть-Кяхтой и Темником, а в Монголии достигающей гор Богдо-ула, лежащих к югу от г. Урги”²⁷.

Таким образом, членами Косогольской экспедиции ТКОПОИРГО, а в частности П.С. Михно, было сделано подробное описание флоры на пути от Кяхты до Косогола, что позволило И.В. Палибину определить природную зональность этого региона. П.С. Михно в прибрежной зоне озера Косогол собрал гербарии различных растительных формаций: озерной, болотной, луговой (луга, расположенные в долинах левых притоков Эгин-гола носили влажный характер), степной и лесной (прикосогольские леса отличались бедностью подлеска).

ТКОПОИРГО в 1905 году опубликовало выпуск своих “Трудов”, целиком посвященный результатам Косогольской экскурсии. Под “номером 1” в нем был напечатан “Путевой дневник Косогольской экскурсии (с 2 фототипиями и картой)” П.С. Михно, позволяющий восстановить не только маршрут следования, но и характер научной работы, производимой участниками в той или иной местности. В путешествие к Косоголу отправилось 6 исследователей и 7 человек прислуги, в их распоряжении было 11 вьючных и 13 верховых лошадей. Дорога шла по берегам рек Селенги и Джиды, луга сменялись лесами и сухими каменистыми степями. На каждой остановке П.С. Михно старался собирать не только ботанические, но и зоологические и минералогические коллекции²⁸. Первая продолжительная остановка была сделана экскурсантами с 9 по 11 июня в казачьем пограничном карауле Шара-азарга, на берегу р. Джиды. Здесь П.С. Михно в местности, носящей лугово-степной характер, удалось собрать следующих представителей животного мира: весьма редкого для Южного Забайкалья сибирского четырехпалого тритона (*Salamandrella Keyserlingii* Dyb.), даурскую галку (*Colacus dauricus* Pall.), обыкновенную кукушку (*Cuculus canarus* Lenn.), лесного конька (*Anthus maculatus* Hodgs), красногрудого дрозда (*Turdus ruficollis* Pall.),

²⁷ Палибин И.В. Материалы для флоры Северной... С. 37–38.

²⁸ Герасимов А.П. Заметка о геологических материалах, собранных Косогольской экскурсией // Труды ТКОПОИРГО. 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 72.

долгохвостую синицу (*Acredula caudata* Linn.) и желну (*Picus martius*). Следующей двухдневной остановкой (13–14 июня) на пути к Косоголу стал перевал Кудрин-дабан, где по данным исследователя кончался район распространения кедра. Здесь зоологическая коллекция П.С. Михно пополнилась лесными дупелями (*Gallinago megala* Swinh.), кукушкой (*Perisoreus infaustus* Linn.), кукушкой (*Cuculus intermedius* Vahl.), кобчиком (*Erythropus vespertinus* Linn.), черноголовым чеканчиком (*Pratincola maura* Pall.). Кроме того, П.С. Михно отмечал наиболее интересные особенности встреченных им животных и птиц. Например, кукушка (*Cuculus intermedius* Vahl.), называемая местными жителями “голубком”, издавала при куковании не звук “к”, а глухое “б”. С упоением натуралист слушал токование азиатских бекасов (*Gallinago megala* Swinh., *Gallinago stenura* Kuhl.), а издаваемые ими звуки объяснял колебанием узких крайних рулевых перьев, когда птица, распустив хвост, с силой быстро рассекала воздух. Спустившись в Арханскую лугово-степную долину, на дне которой располагалось неглубокое озеро с илистым дном, П.С. Михно пополнил свою коллекцию бокоплавами, пиявками и лужанками из озера, к орнитологической коллекции добавился журавль (*Anthropoides virgo* Linn.) и священная для монголов птица турпан (“лама-шубу”, *Casarca casarca* Linn.). Далее путь экскурсии лежал на горячий минеральный ключ, расположенный в долине реки Халхи. Местность эта отличалась резким колебанием температуры: в конце июня ночью, после жаркого дня, вся долина покрылась инеем. Близ источника проживал шаман, который и согласился быть проводником исследователей к озеру Косогол.

Путешественники пробыли на озере два дня (21 и 22 июня). П.С. Михно с восхищением вспоминал:

“Косогол представляет собою величественное горное озеро, по первому впечатлению напоминающее Байкал, но значительно меньше Байкала, зато во много раз красивее. Горы западного берега значительно выше байкальских; на севере озеро увенчивается гольцом с вечным снегом, чудным Мунку-Сардыком”²⁹.

На озере Косогол коллекции П.С. Михно значительно пополнились озерными беспозвоночными и рыбами, а также жуками и грызунами. Исследователь сконструировал деревянные грабли и с их помощью ловил водоросли, имеющие шарообразную форму и по виду напоминающие зеленые сливы. Эти водоросли он впоследствии прислал в Ботанический сад в Санкт-Петербурге, где

²⁹ Михно П.С. Путевой дневник Косогольской экскурсии (с 2 фототипиями и картой) // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 19.

они были исследованы и определены профессором Г.А. Надсоном как синезеленая водоросль *Nostoc pruniforme* Agardh.³⁰ П.С. Михно отметил крайнюю бедность прибрежной озерной фауны, что он объяснил скудной растительностью на берегу. Что касается косокольской рыбы, то исследователь указал, что она значительно темнее встречающейся в Забайкалье, а также “настолько заражена глистами (ленточными в пищевode и круглыми вдоль позвоночного хребта внутри), что никто из нас есть такую рыбу не решился”³¹. Рыбы озера Косогол были посланы для определения ихтиологу Л.С. Бергу, являвшемуся в то время инспектором рыбных промыслов в Казани³². В последующем эта коллекция стала основой для написания Бергом статьи “Заметка о рыбах озера Косогола”³³. Часть собранной П.С. Михно энтомологической коллекции определил в Санкт-Петербурге Г.Е. Грум-Гржимайло³⁴. П.С. Михно со спутниками посетил также остров Дала-куй, расположенный недалеко от берега озера. Исследователь отметил, что Дала-куй в большей части покрыт только скудной травой, а в более высоких частях – осыпями; на нем гнездились чайки (*Larus cachinnas* Pall.) и бакланы. Исследовав остров, путешественники двинулись по побережью озера в направлении истока реки Эгин-гол, находящегося на расстоянии 70-ти верст. П.С. Михно отмечал, что изредка на побережье попадался в малом количестве тальник, а также лиственница с дряблой неровной древесиной, покрытой лишайниками. Достигнув истока Эгингола, участники экспедиции намеревались на лодке доплыть до Селенги, однако, план этот не удался. К 4 июля участники экскурсии вновь вернулись в Шара-азаргу, таким образом путешествие по Монголии заняло 20 дней. Результаты собранных П.С. Михно естественноисторических коллекций были впечатляющи и сводились к следующему: 650 экземпляров растений, 3000 экземпляров насекомых, 100 образцов горных пород, 69 шкурок птиц и грызунов (44 вида), 100 экземпляров беспозвоночных из озера Косогол, 20 рыб, 5 земноводных и 2 пресмыкающихся. Кроме того, он собрал значительную коллекцию прикосогольских лишайников³⁵.

³⁰ Райченко А.А. О синезеленой водоросли *Nostoc pruniforme* Agardh. // Там же. С. 55–63.

³¹ Михно П.С. Путевой... С. 19.

³² Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 1. С. 32–33.

³³ Берг Л.С. Заметка о рыбах оз. Косогола // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 64–70.

³⁴ Грум-Гржимайло Г.Е. Бабочки, собранные между р. Джидой и оз. Косогол П.С. Михно // Там же. С. 71.

³⁵ *Brotherus V.F. Fragmental ad floram bryologicam Asiae orientalis cognoscendam. II* // Там же. С. I–VIII.

Представители флоры и фауны территории, прилегающей к озеру, были описаны и определены позже, совместно с другими забайкальскими и монгольскими коллекциями исследователя, о чем более подробно будет сказано ниже. Здесь лишь отметим, что финскому бриологу В.Ф. Бротерусу П.С. Михно предоставил коллекцию, состоящую из 48 видов лишайников, собранных им на Ямаровских минеральных водах и реке Чикой в Забайкалье, а также на озере Косогол³⁶.

Коллекции насекомых, собранные П.С. Михно в Забайкалье в период с 1900 по 1903 гг., были отправлены им в Зоологический музей Академии наук (Санкт-Петербург), где их систематизировали и определили энтомологи Г.Г. Якобсон (жуки), Н.Я. Кузнецов (бабочки), Ю.И. Бекман, В.Ф. Ошанин, а также австрийский профессор М. Бернхауэр. Вышеперечисленные ученые отнесли представленных насекомых к 320-ти видам, а Г.Г. Якобсон опубликовал по этим материалам статью³⁷. Автор статьи, в частности, отметил, что забайкальская фауна насекомых изучена крайне слабо, не говоря уже о новых для науки видах, крайне скудны списки известных, а “в окрестностях Иркутска или по среднему и нижнему Амуру [их описано] значительно больше, чем для Забайкалья”. Г.Г. Якобсон предполагал, что “объясняется это, вероятно, тем, что Иркутск, как центр культурной жизни Восточной Сибири, посещался большим числом путешественников, а Амур притягивает исследователей особым обилием своеобразных форм животного царства (китайско-гималайско-японская фауна)”³⁸. Территория, на которой была собрана энтомологическая коллекция П.С. Михно, является весьма обширной. Она простирается от окрестностей Троицкосавска до рек Орхон и Урий в Северной и Западной Монголии. Для этой местности впервые был составлен более или менее полный список обитающих здесь насекомых. Следует отметить, что до выхода в свет статьи Г.Г. Якобсона, основанной на коллекции П.С. Михно, в “Трудах” Русского энтомологического общества опубликовали несколько кратких списков жуков, обитающих в Юго-Западном и Западном Забайкалье. Среди них стоит особо выделить работу Я. Будкова “Короеды, найденные в лесной даче Петровского Завода Кабинета его величества в Забайкальской области”, а также “Список насекомых, собранных А.М. Хлебниковым около Кяхты” Ф. Мора-

³⁶ *Brotherus V.F. Fragmenta ad floram bryologicam Asiae orientalis cognoscendam. I* // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3. С. 10–19.

³⁷ *Якобсон Г.Г. Насекомые, собранные в 1900, 1902 и 1903 гг. П.С. Михно в Забайкалье* // Труды ТКОПОИРГО, 1907. СПб., 1909. Т. X, вып. 1/2. С. 13–29.

³⁸ Там же. С. 14.

вица³⁹. Коллекция забайкальских насекомых П.С. Михно значительно обогатила отечественную энтомологию знаниями о распространении уже известных видов насекомых на территории Забайкалья и Северной Монголии.

Заслуги Петра Саввича Михно были отмечены присуждением ему в 1903 году малой серебряной медали Русского географического общества, он также стал членом Русского энтомологического общества, а ТКОПОИРГО в 1907 году за особые заслуги присвоило ему звание члена-сотрудника⁴⁰.

Летом 1904 года П.С. Михно посетил верховья р. Ямаровки (приток р. Чикой), где собрал различные предметы по доисторической археологии (преимущественно каменного и бронзового века), а также гербарий, насчитывающий 300 экземпляров цветковых и 550 – споровых растений. Его зоологическая коллекция пополнилась грызунами, пресмыкающимися и земноводными. Вторично исследователь посетил Ямаровку (где находился известный в Забайкалье минеральный источник) в 1905 году, собрал 1350 экземпляров цветковых растений и 150 экземпляров грибов. После определения ботанических коллекций П.С. Михно И.В. Палибиным, этот материал лег в основу комплексной статьи о Ямаровских минеральных водах, написанную правителем дел ТКОПОИРГО Ю.Д. Талько-Грынцевичем⁴¹. По данным П.С. Михно, проводившего также и метеорологические наблюдения на Ямаровке, лето там на 2–3 недели короче, нежели в Кяхте, растения расцветали позже, а листья опадали уже в конце августа. Среди растительности встречались лесные таежные виды, довольно редкие для Сибири и Забайкалья, а также представители горной лесной флоры. Трава на лугах в долине Ямаровки достигала больших размеров, произрастала на богатой влагой почве (в верхних слоях иловато-перегнойной, в нижних – глинистой с примесью речной гальки). Наиболее интересными представителями ямаровской флоры являлись, по данным П.С. Михно, сибирский барабарис (*Berberis sibirica* Pall.), раковые шейки (*Polygonum Bistorta* L.), люпиновый клевер (*Trifolium Lupinaster* L.), таволга луговая (*Ulmaria palmata* Focke), болотный астрагал (*Astragalus uliginosus* L.), девясил (*Inula britannica* L.) и золотистый лютик (*Ranunculus auricomus*

³⁹ Будков Я. Короеды, найденные в лесной даче Петровского Завода Кабинета его величества в Забайкальской области // Тр. Рус. энтомол. об-ва. 1897. Т. XXXI. С. XLVII–LIX; Моравиц Ф. Список насекомых, собранных А.М. Хлебниковым около Кяхты // Там же. Т. VIII. С. 323–324.

⁴⁰ Труды ТКОПОИРГО, 1907. СПб., 1909. Т. X, вып. 1/2. С. 7.

⁴¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Ямаровка как курорт и будущая санатория для Восточной Сибири // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 1. С. 36–70.

L.). Особенно ценной была коллекция грибов, собранная П.С. Михно на Ямаровских минеральных водах, определенная финским профессором П.А. Карстеном. Из 76-ти видов забайкальских грибов 9 оказалось новыми для науки (один из новых видов был назван Карстеном в честь П.С. Михно): *Lepiota lignicola* Karst., *Polyporellus sororius* Karst., *Spongipelis ambiens*, *Pycnoporus mimicus*, *Daedalea fennica* Karst., *Lenzites sibirica* Karst., *Lenzites pini-cola*, *Xylodon lepidocarpus* и, наконец, *Xylodon Mikhnoi*⁴².

По линии своей основной службы П.С. Михно с 1888 по 1902 год был учителем, а с 1902 по 1907 год инспектором городского троицкосавского училища. В 1907 году его повысили в должности и назначили на место инспектора народных училищ в столице Забайкальской области – городе Чите. Члены ТКОПОИРГО трогательно провожали исследователя, подарив ему на прощание серебряный набор, состоящий из подстаканника, ложечки и сита. Покидая Троицкосавск, Петр Саввич являлся уже довольно известным натуралистом. Собранный им гербарий растений Монголии, включающий в себя 400 видов растений, был в 1907 году куплен у ТКОПОИРГО Женевским городским гербарием.

В 1907–1910 гг., во время пребывания в Чите, П.С. Михно активно сотрудничал с Читинским отделением ПОИРГО, в 1909–1910 гг. был директором Читинского музея. Во время пребывания исследователя в Чите он упорядочил и описал коллекции местного музея по зоологии, палеонтологии, археологии и минералогии. В 1907 году, в связи с организацией вышеупомянутой Агинской экспедиции, председатель Читинского отделения ПОИРГО Д.М. Головачев предложил Петру Саввичу изучить и описать животный мир Агинской степи, на что тот с радостью согласился. На исследование животного мира степи было выделено 200 рублей из суммы, пожертвованной бурятским населением, большую поддержку зоологической экспедиции оказал ученый хранитель Геологического музея Академии наук И.П. Толмачев, помогший купить необходимое снаряжение и оборудование. Последнему П.С. Михно отправлял для определения минералогические коллекции, собранные в верховьях р. Джиды и на озере Косогол. Собранные на территории Агинской степи орнитологическая и герпетологическая коллекции были отправлены Петром Саввичем профессору Харьковского университета А.М. Никольскому, ихтиологическая – Л.С. Бергу⁴³. Публикация, посвященная

⁴² Карстен П.А. Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно преимущественно на Ямаровских минеральных водах летом 1904 и 1905 гг. // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VII, вып. 1. С. 60–64.

⁴³ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 35. Л. 72.

животному миру Агинской степи, подготовленная П.С. Михно (ее планировалось издать в V выпуске “Трудов Агинской экспедиции”), несомненно, весьма ценная, так и не увидела свет из-за недостатка финансовых средств у Читинского отделения ПОИРГО.

Помимо изучения фауны Агинской степи, П.С. Михно собрал здесь, а также на священной для бурят горе Алханай (расположенной в 150-ти километрах к югу от Читы), богатую коллекцию лишайников (84 вида), 9 из которых были новыми для науки. Эту коллекцию упорядочил и определил австрийский ботаник А. Цальбрукнер, опубликовавший результаты обработки в статье “Забайкальские лишайники”⁴⁴. П.С. Михно, производя свои исследования на Алханаях, описал высотную поясность горы, разделив растительность на 5 поясов (до 850 м – степь, 850–1000 м – лесостепь, 1000–1100 м – тайга, 1100–1600 м – верхний пояс тайги, 1600–1667 м – тундра), указав преобладающий растительный элемент в каждом поясе. Среди найденных П.С. Михно новых видов лишайников значились следующие: названная в честь первооткрывателя *Lecanora Mikhnoi*, *Tekanora aghaënsis*, *Lecanora baicalensis*, *Cetraria perstraminea*, *Caloplaca orientalis*, *Xantoria splendidula*, *Rinodina transbaikalensis*, *Rinodina subchalybea*, *Physcia pergranulata*.

Во время пребывания П.С. Михно в Чите, он много времени посвятил исследованию наименее изученных для Забайкалья представителей растительного царства – споровых. В 1908–1909 гг. Петр Саввич собрал в окрестностях Читы коллекцию грибов, отправленную для определения профессору П.А. Карстену, опубликовавшему на основании присланного материала статью “Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно около Читы в 1908 и 1909 гг.”⁴⁵. Среди них новыми для науки были: *Corydus sulcatus* Karst., *Pycnoporus Palibini*, *Daedalea candicans*, *Daedalea variegata*, *Lenzites unizonata*, *Lenzites septentrionalis*, *Lyomyces polygonioides*, а также названный в честь П.С. Михно *Gyrodon Mikhnoi*.

Коллекция пресмыкающихся и земноводных, собранная П.С. Михно в различных уголках Забайкалья, а также в Северной Монголии, была выслана для определения в Москву В.С. Елпатьевскому и дала более или менее полное представление о составе герпетологической фауны региона. Она пополнила и общий список герпетологической фауны России, данный в 1905 году в рабо-

⁴⁴ Цальбрукнер А. Забайкальские лишайники // Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1910. Т. XII, вып. 1/2. С. 73–95.

⁴⁵ Карстен П.А. Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно около Читы в 1908 и 1909 гг. // Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1910. Т. XII, вып. 1/2. С. 108–113.

те А.М. Никольского “Herpetologia Rossica”, а также во многом уточнила ареал обитания видов (для каждого экземпляра П.С. Михно указывал дату и точное место обнаружения, например, “*Rana amurensis* Blgr. Забайкальская область, Джаргусейское озеро в 10 верстах от г. Троицкосавска 5 мая 1903 г.”)⁴⁶.

В 1910 году П.С. Михно вновь переместили в город Троицкосавск на прежнюю должность, это понижение по службе было вызвано тем, что он давал хорошие отзывы об учителях, находившихся в тюрьмах по обвинению в политических преступлениях. Прослужив год в Троицкосавске, он был направлен в Акшинский район в качестве инспектора народных училищ, а затем вновь перемещен в Троицкосавск на должность инспектора народных училищ 8-го района. За безупречную службу Петра Саввича наградили орденом святого Станислава 3-й степени и серебряной медалью в честь царствования императора Александра III.

В стране назревали перемены, произошла Февральская революция. Вскоре после февральских событий, на учительском съезде П.С. Михно был избран председателем училищного совета и получил предложение выставить свою кандидатуру на должность председателя училищного совета в областном центре – городе Чите. Октябрьский переворот Петр Саввич встретил будучи инспектором народного образования в Чите. Во время правления адмирала Колчака (1919–1920) и в годы Дальневосточной Республики (ДВР) (1920–1922) Михно работал преподавателем искусств в Высшем начальном училище г. Троицкосавска, а в 1922 году оставил преподавательскую работу и занял должность директора Кяхтинского краеведческого музея. Два обстоятельства, имевшие место в жизни ученого в эти годы, поставили его раз и навсегда под подозрение новой власти. Во время выборов в Учредительное собрание ДВР, состоявшихся 9–11 января 1921 г. и проходивших под контролем большевиков, П.С. Михно выдвинул свою кандидатуру от неугодного коммунистам “Союза хлеборобов”, после того, как он отказался ее снять, не поддавшись угрозам, был арестован Госполитохраной, но через пять дней отпущен. В 1925 году П.С. Михно был осужден на три года лишения свободы условно за то, что будучи гласным троицкосавской городской думы, в 1922 году, подписал постановление о вводе китайских войск в г. Троицкосавск (к городу подступали красные партизаны, гарнизон под командованием белого генерала Крымова отказался защищать его и китайские войска были введены троицкосавской администрацией для спасения создавшегося положения). Такой

⁴⁶ Елпатьевский В.С. Земноводные и пресмыкающиеся Забайкалья // Труды ТКОПОИРГО, 1906. СПб., 1908. Т. IX, вып. 1. С. 42–61.

биографии новая власть простить не могла. Многочисленные поездки по области и широкие научные связи также вызывали много вопросов. Общая обстановка шпиономании, царившая в стране, делала подозрительным каждого.

В январе 1931 года П.С. Михно был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Вышеупомянутое архивно-уголовное дело позволяет с большими подробностями восстановить ход “следствия” и обвинения ученого. Дабы наглядно представить всю нелепость выдвинутых обвинений, а также характер делопроизводства “троек”, по приговору которых погибло немало талантливых деятелей Русского географического общества (например, коллектив, создававший в конце 20-х – начале 30-х годов XX столетия Сибирскую Советскую Энциклопедию, также попал под подозрение: издание закрыли, многие авторы Энциклопедии были приговорены к высшей мере наказания), приведем здесь подробно протоколы допросов обвиняемых, воссоздающие принципы работы судебной системы того времени.

Все началось с допроса крестьянина деревни Убур-Киреть С.А. Кривогорницына, арестованного за высказывание недовольства политикой советской власти и оказавшего вооруженное сопротивление мероприятиям, проводимым ею на селе. С.А. Кривогорницын показал следующее:

«В 1928 году зимою проезжал вверх по р. Чикою (в какое село не знаю) – Михно Петр Саввич – зав. музеем гор. Троицкосавска и секретарь географического общества в гор. Троицкосавске Успенский Сергей Александрович, которые заехали ко мне якобы по делам музея. Тогда я их повел смотреть школу и по дороге бежали два ручья от талого снега (Великим постом). Смотря на которые Успенский сказал, обращаясь к Михно, что “сколько эти ручейки не бегут и все равно сойдутся в одно дело”. И после этого оба рассмеялись. Я сперва не понял, а потом спросил, почему так они сказали, на что получил ответ, что “сколько эта речка не бежит, а стечет в старое русло, и так же эта власть перейдет на старую дорогу”. После этого Успенский сказал, что “ты о сказанном никому не болтай, а то если кто услышит, то скажут, что такие-то (намекая на себя) ездят и ведут пропаганду”. После этого Михно и Успенский от меня уехали. Об этом разговоре я рассказал односельчанину Максиму Петру Ивановичу, который мне ответил, что они лучше знают.

В 1928 год Великим постом после того, как ко мне подъезжали Михно и Успенский, я был в городе Троицкосавске и заезжал на квартиру к Михно, у которого за чаем произошел разговор следующего характера. Михно предложил мне вой-

ти в партию социалистов-революционеров, говоря, что эта партия защищает интересы крестьянства. Советская власть – это власть худая и нигде нет никакого строительства. Она (власть) только стремится, чтобы сорвать налог, страховку за тротуары, выгоняют из дома и из музея хотят выгнать, но он не уступает и, благодаря большинству поклонников, его музей отстояли. О партии социалистов-революционеров говорил, что это такая партия, которая дает все условия для хорошей жизни, как и прежняя, до революции. На предложение Михно о вступлении в партию социалистов-революционеров я дал свое согласие. После этого Успенский мне сказал, чтобы об этом я никому не выдавал, в случае же выдачи их я буду убит, также об этом подтвердил Михно, и тогда я дал обещание никому не выдавать их, и что я всей душой с ними и буду стоять за партию социалистов-революционеров. Или за трудовую крестьянскую партию, потому что она есть и отражает интересы крестьянина. После этого Михно и Успенский, мне назвали ряд лиц, проживающих в гор. Троицкосавске, как то: Барбот-де-Марни, Галкин, Березин, Старостин, Шумиловы два брата, татарин Вергасов (золотые зубы имеет), Лизунов (имеет один зуб золотой), Захаров и Егоров (бывшие содержатели постоянного двора), Михно, Успенский, Петров (проживает в с. Бударе) и Уланов (проживает в гор. Троицкосавске), состоящие членами партии социалистов-революционеров. Вышеназванная партия, по словам Михно, в то время вела работу по всему СССР, разжигая недовольство советской властью.

Для подготовки к свержению советской власти перед отъездом я получил наказ от Михно и Успенского вести вербовку новых членов партии. С этим я уехал домой и по приезде рассказал своему односельчанину Петру Ивановичу Максимову о том, что я являюсь членом партии социалистов-революционеров и все, что мне говорили Успенский и Михно. С 1928 года в с. Убур-Кирети стали вести вербовку сторонников в партию социалистов-революционеров и в начале 1930 года вылилась наша вербовка в повстанческую группу. С 1928 года с приездом в гор. Троицкосавск я сообщал Михно или Успенскому о результатах работы по вербовке членов и о настроении села по отношению к советской власти. От них получал указания, что не нужно спешить, а продолжать деятельность по разжиганию недовольства к мероприятиям, проводящимся советской властью на селе и иногда информацию о работе партии в других местах; как-то Михно говорил, что партия ведет подготовку в г. Чите и Верхнеудинске и что в Верхнеудинске пар-

тия взорвала поезд и это доказывает, как говорил Михно, что партия работает и что нужно продолжать свою деятельность по-старому. Нужно ждать в скором времени выступления иностранных держав как то: Японии, Англии, папы римского, и что в этот момент “не робейте вы и восставайте”. Кроме того, Михно говорил, что членом партии состоит Троицкосавский житель Чирков.

После Еланского восстания в марте месяце 1930 года⁴⁷ я поехал в гор. Троицкосавск, заехав на постоянный двор Захарова, который рассказывал, что Англия или Америка увезла к себе всех арестованных из “Соловков”. Откуда это ему известно, не сказал. По приезде я пошел в музей к Петру Саввичу Михно, у которого был Успенский, и они сразу же начали расспрашивать, что у меня нового. Я рассказал, что у нас в селе ведут подготовку к восстанию. После моего рассказа оба они рассмеялись и Михно мне сказал, что “зря торопитесь, надо было дождаться момента, когда придут другие державы, а тогда только делать выступление”. Успенский в это время был там, ничего не говорил и все посмеивался. После этого перед моим отходом Успенский и Михно мне сказали с выступлением не торопиться, а больше производить вербовку новых членов. С этим я уехал домой. До этого визита Михно я был у него в 1928 году приблизительно в конце года, рассказывал ему, что у нас в селе организована ячейка партии социалистов-революционеров и ведет подготовку к восстанию. На это мне тогда Михно сказал, что торопиться делать восстание не нужно, потому что маленькими группами советскую власть не свергнуть, а надо поджидать иностранных держав до тех пор, пока не выступят против СССР и только после этого выступать, а теперь продолжать вести работу по вербовке членов осторожно и много везде об этом не разговаривать, т.к. можно будет за это погибнуть»⁴⁸.

Приведенные здесь “показания” запуганного малограмотного крестьянина уже с первого взгляда кажутся неправдоподобными. Кривогорницын хорошо знал П.С. Михно по работе в музее, часто выполнял его задания по сбору гербариев или образцов фауны, минералогических коллекций, служил ему проводником по окрестностям. Не раз П.С. Михно останавливался в доме этого крестьянина в селе Убур-Кирети, выезжая в очередную экспедицию.

⁴⁷ Еланское восстание – крестьянское восстание на юге Забайкалья, направленное против политики советской власти в деревне.

⁴⁸ Архив УФСБ Республики Бурятия. Д. 3720. Л. 3–4.

В январе 1931 года П.С. Михно и его ближайший помощник и хранитель музея С.А. Успенский были арестованы и содержались под стражей при арестном помещении погранотряда ОГПУ в Троицкосавске. Помощник уполномоченного троицкосавского кавалерийского погранотряда ОГПУ Ломако выдал следующее постановление от 14 февраля 1931 года: “Рассмотрев следственное дело № 65 по обвинению гр-н Кривогорницких и других в количестве 24 человек, в совершении преступления предусмотренном 58-11,17, 59-3 ст.ст. УК, выразившемся в том, что с оружием в руках выходили в лес для соединения с другими контрреволюционными повстанческими группами, для вооруженного свержения советской власти и укрывали бандита Арсентьева Якова и др. от преследований следственными органами и снабжали их продовольствием, принимая во внимание, что в деле имеется материал, изобличающий преступную деятельность и участие в попытке свержения советской власти, гр-н Михно Петра Саввича, Успенского Сергея Александровича и др., а по этому руководствуясь 91 ст. УПК, постановил: материал следствия по делу гр-н Михно П.С. и Успенского С.А. и др. выделить в особое производство, о чем уведомить прокурора по Кяхтинскому аймаку”⁴⁹.

Таким образом становится очевидным, что ОГПУ необходимо было “доказать” существование обширного заговора и партии, ставившей перед собой цель – свержение советской власти (кто-то ведь должен был “руководить” стихийными крестьянскими отрядами, недовольными политикой на селе).

Просматривая архивно-уголовное дело чувствуется, что П.С. Михно поначалу верил в возможность беспристрастного рассмотрения показаний Кривогорницкого. В “анкете арестованного” в графе “примечания заключенного” он написал: “Арестован на основании клеветы крестьянина села Убур-Кирети Кривогорницкого, который выполняя мое поручение (сбор луковиц черемши), был на свидании с бандитами”⁵⁰.

На первом допросе после ареста П.С. Михно держался достойно. Он говорил следующее: «По роду моей разнородной научной деятельности мне приходится иметь большую переписку и сношение со специалистами разнообразных отраслей знаний, главным образом с естественниками. С некоторыми из них я лично знаком, а с другими только по переписке. Специалисты обрабатывают музейные (частично собранные мною) коллекции по геологии, зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии и археологии. Эти специалисты живут главным образом в Ленингра-

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 42.

де и работают в музее Академии наук и Главном Ботаническом саду. Результаты по изучению коллекций они печатают в “Трудах” Троицкосавско-Кяхтинского отделения географического общества и др. научных журналах. Из работ, имеющих местное значение, напечатана ценная работа проф. Обручева: “Геологический очерк Южного Забайкалья” с картой в 20 в. масштабе. Эта книга является настольной книгой для агрономов, школ и лиц, занимающихся разведкой полевых ископаемых. В книге указана по предмету исчерпывающая литература. Другая ценная работа – это “Флора Забайкалья”, составлена в значительной части по моему гербарии (около сорока тысяч растений). В нынешнем году будут напечатаны работы: “О полезных и вредных птицах нашего района”, а также очерк о вредителях в сельском и лесном хозяйстве из мира насекомых. Для руководящих органов в сельском хозяйстве – эти книги явятся незаменимым пособием для принятия мер по борьбе с вредителями. Специалисты, пишущие эти работы, дадут и указания практические, как вести эту борьбу. При исследовании колхозов, намеченных на текущий год, будут даваться соответствующие указания по сохранению урожая. Возможна даже передвижная выставка вредителей. Такая выставка была устроена в музее в 1930 году. Намечен ряд лекций и собраний по советскому краеведению на заводах, в коммунах, колхозах с целью заинтересования населения краеведением и дача руководящих указаний по исследованию полезных ископаемых и растительного сырья. Выполнял музей работы по рассылке семян Тулунской опытной станции для посевов и наблюдением за их ростом. Образцы семян получал от нас и Кривогорницын. Образцы урожая с пояснением Кривогорницына были отправлены Тулунской станции. Насколько эта работа заинтересовала Кривогорницына, видно из следующей фразы его письма: “Я жду ответа, как цыган лета”. Посылались музеем плоды дикого персика в опытный питомник Мичурина для селекции, раздавались семена персика и другим лицам для этой же цели. Музей с помощью своих сотрудников обрабатывал материалы по метеорологии и сводки давал агрономам, путешественникам и авиаторам. В истекшем году мною выполнена большая работа государственного значения по сбору растительного сырья для Химико-фармацевтического института в Новосибирске. Собрано около 15 тысяч лекарственных, эфирноносных, волокнистых и ядовитых растений и их семена для посевов на опытных станциях. Вошел я в истекшем году в сношение с новой организацией “Новый Экспорт-Москва”, отделение в Верхнеудинске, для отбора и сбора коллекций естественноисторических, этнографических, археологических и антропологических для экспорта за границу. В настоящем же году мой

сотрудник С.А. Успенский ездил на Чикойский кожевенный завод с целью ознакомить рабочих завода с советским краеведением и его задачами. Доклад по независимым от него обстоятельствам не состоялся. Хотел он там также организовать краеведческую ячейку. Выяснил вопрос о желательности и устройстве при Троицкосавском музее выставки экспонатов по производству завода. Относительно изучения колхозов и коммун я вел переговоры с учителем Чернышевым, который изъявил свое согласие принять участие в этой работе. Прежде чем дать какие-либо практические указания новым объединениям по совместному ведению хозяйства, приходится хозяйство изучить, у нас же для этой работы не было физических сил. Что нам необходим лишний сотрудник, было признано месткомом Сорпрос и коллегией БИКпроса при докладе моем в Верхнеудинске о деятельности музея и географического общества в 1928 г. Недочеты в нашей работе этим исключительно объясняются, усердия же нашего в работе, я думаю, никто отрицать не будет. Отчеты о работе как по музею, так и по географическому обществу, представлялись ежегодно в Главнауку – Москва, географическое общество – Ленинград и БИКпрос, в последнее время и в Государственный Бурятский институт культуры в Верхнеудинске. По поводу наших отчетов только в 1930 г. мы получили от Главнауки указания на недочеты в работе и предложение недочеты изжить. Выше я упоминал, что мною выполнена большая работа по сбору растительного сырья для Химико-фармацевтического института в Новосибирске. Для этой работы мне необходимо было проехать по району. Я наметил два маршрута: 1-й – Усть-Кяхта (ночевка у хозяина сельсовета), Цаган-Усун (ночевка у Перевалова – председателя коммуны), Енхор (остановка в школе), в Боргойской степи урочище Тасурхай, гора Бурин-хан. Обрато – Боргойский сомон, Дерестуйский сомон, Усть-Кяхта и Троицкосавск. Ввиду того, что в Тасурхае не оказалось подвод (буряты уже почти все выехали на зимники), мы принуждены были остановиться у зажиточного бурята, который хотел дать нам лошадь для дальнейшего следования, но потом лошади у него не оказалось и мы принуждены были у него заночевать. На другой день нам этот бурят достал коня за плату 4 р. на расстояние 6–8 верст, на Бурин-хан нам попасть не удалось и мы должны были ехать туда через Боргойский сомон. В улусе, куда нас доставили, с нас запросили очень дорого за проезд до Сомона и только благодаря случайности (встретились с мужем коммунистки из Номоново – Малыгиной, сотрудницей географического общества) нам удалось добраться до Боргойского сомона. Благодаря содействию председателя сомона, мы, напившись чаю, имели возможность попасть в тот же вечер к Бурин-хану, остано-

вились у уполномоченного улуса (фамилию не помню), который нас свозил на Бурин-хан и на другой день в падь Джаргалантуй. На следующий день мы поехали через сомон обратно, из-за лошадей задержались в Дерестуе (ночевали в школе), на следующий день приехали в Усть-Кяхту, лошадей в коммуне свободных не оказалось, мы принуждены были опять заночевать в Усть-Кяхте у того же гражданина, где ночевали и в передний путь. Доехали мы до Троицкосавска на лошади гражданина Протопопова. Поездка продолжалась дней 6-ть. Второй маршрут. Мне очень хотелось побывать в Тамире. В отношении растительности Тамир лучшее место в аймаке, и случай представился. В Троицкосавск приехал из Тамира Котоманов с сыном, принятым на военную службу, мой знакомый и знакомый покойной хранительницы музея М.И. Моллесон. Котоманов – охотник, изготавливал для музея ловушки, прекрасно знает тайгу. Он согласился за 30 р. увезти меня в Тамир и доставить обратно с условием, что поездка продолжится не менее 6-ти дней. Должен сказать, что лет пять тому назад, мы с тов. Упенским были у Котоманова и вот по какому случаю: одно время распространились слухи, что в тайге возле Тамира есть стена грандиозных размеров, построенная какими-то древними людьми. Нас это с товарищем заинтересовало и мы, сговорившись ранее с Котомановым, едем в Тамир для осмотра этой стены, берем в качестве проводника Котоманова, который, кроме стены, показал нам ловушки на кабаргу, уже оставленные, и объяснил их устройство, а также показал заросли бадана, которым очень интересуется кожевенная промышленность, и как производится сушка бадана. Все это нам, музейным работникам, знать необходимо. Попутно мы изучали и охотничий промысел, для чего на совещания приглашали опытных охотников. При разговоре с Кривогорницыным в городе мы узнали, что между Киретью и Еланью есть пещера, через отверстие в потолке которой продергивают укушенных бешеной собакой. Так как нас интересовали надписи на скалах, а возле Елани в нескольких верстах есть такие надписи, а про Верхне-Маргинтуйскую пещеру рассказывали чудеса, мы избрали такой маршрут: Киреть (остановка у Кривогорницына), дальше Кривогорницын везет нас в Елань и показывает дороною пещеру. В Елани остановка у Арсентьева (дети его исполняли одно время обязанности сторожей в музее). Дальше на обывательских лошадях поездка в Нижний Маргинтуй с заездом на писанные камни. В Нижнем Маргинтуе остановились у какой-то гражданки, фамилии не помню. Напившись чаю, мы на обывательских конях проехали в Верхний Маргинтуй. Фамилию, у кого мы останавливались, не помню. В Маргинтуе пещеры не нашли. Проводник, который предлагал нам свои услуги, увез

нас верст за 10 от села в сторону реки Хилка, но место пещеры потерял и мы ни с чем отсюда приехали в Окино-Ключи. В Окино-Ключах остановка была у К.Ф. Алексеева который года два тому назад обещал нам показать древнее кладбище с 10-ю костяками и свозить на черную глину, которая применяется в местном хозяйстве как краска. Все это Алексеев выполнил и увез нас из Окино-Ключей на Большой Луг, где мы в ожидании подачи подводы успели побывать на песках и собрать древности по каменному веку. С Большого Луга мы поехали в Троицкосавск. Дорогою кони устали и мы вынуждены были остановиться у бурят, чтоб дать коням отдых. Напившись чаю, было уже темно, мы попросили бурят вывести на дорогу в Канчеранку, через которую мы и проехали в Троицкосавск. Продолжаю сообщение о последней поездке с Котомановым. Выехали мы из Троицкосавска 13.10, 14.10 я экскурсировал с Котомановым по среднему течению Тамирки, собирал там семена, выяснял распространение трав, экономику и наметил план для будущей работы. 15.10. Котоманов увез меня в Киреть, остановились мы у Кривогорницына, хозяина дома не было и я без всяких проводников, один, отправился вверх по реке Кирети для продолжения той же работы, которая мною выполнялась в Тамире. Возвратившись обратно, я встретил Кривогорницына, который возвратился только что с полевых работ. У Кривогорницына я произвел запись и осмотр лекарственных растений, которые имелись у его жены. 16.10 мы выехали из Кирети через Унгуркуй, чай пили у работника Котоманова, заходили к гражданину, который собирал лекарственные растения и знает их до 60 видов, но ввиду того, что он был сильно занят, получить от него нужные семена не удалось. Обещал он привезти травы в город, но я его потом так и не видел. Из Унгуркуя мы проехали в Топку, так как у ямщика не было корма, он упросил меня разрешить ему вывезти меня к его сестре. Там мы заночевали и рано утром направились к Черному и Песчаному озерам, где я должен был собрать семена редкой полыни. Дальше я намеревался проехать прямо через село Дурены в Троицкосавск, но ни я, ни ямщик от Рыбьего озера не знали дороги. Ямщик предложил мне ехать через Полканово. Ввиду того, что мне очень хотелось побывать на Харабусунских песчаных выдувах и посмотреть кладбище бурят с целью сбора черепов для Антропологического музея Академии наук, я на предложение ямщика согласился. Ямщик обещал меня познакомить в Полканово со стариком лекарем, который знает много лекарственных трав и раньше удачно лечил. Из-за корма для лошадей остановиться опять пришлось у родственников Котоманова. Заехав на квартиру, мы попросили хозяйку сходить за стариком лекарем, а сами, чтобы не терять

времени, уехали на Харабусунские пески. Там пробыли до вечера. Старика лекаря дома не оказалось, а может быть он побоялся показаться, и сведений о лекарствах я не получил. Кое-какие сведения о лекарствах удалось получить от хозяйки квартиры, которая много раз болела и лечилась народными средствами. Рано утром мы уехали на Дурены, где я должен был посмотреть бурятское кладбище, и с Дурен уехали в Троицкосавск. На Дуренах останавливался я у Адрианова. Так как при допросе меня проявлен был интерес к моей поездке в Монголию, то я дополнил мои разъезды и этой поездкой. В 1923 или 24 г. мой знакомый телеграфист, датчанин Хабо, желая использовать свой десятидневный отпуск, пригласил меня ехать с ним на его лошадях в Монголию в горы. Я охотно согласился на это. С одной стороны мне хотелось заняться сбором коллекций, а с другой – посмотреть хозяйство бывшего политрука, стоящего в красных казармах полка Чекункова. Направление поездки выбрали такое – Шамар, Дулан-хан (гора) при впадении реки Иро в Орхон, долина Иро до заимки Чекункова и обратно, через Ибицк, в Троицкосавск. В Шамаре останавливались у какой-то гражданки, фамилию не помню. Может сказать музейный технический служащий Кузнецов, который с нами ездил. Возле горы Дулан-хан ночевали в палатке. У Чекункова прожили два дня. Нужно сказать, что Чекунков усиленно приглашал меня посмотреть показательное хозяйство, организованное будто бы при содействии Ургинского полпредства. На Ибицке ночевали у Зуйкина, где вообще останавливались проезжающие в Ургу и обратно. И затем по долине Ибицк мы уехали в Троицкосавск. Перехожу теперь к разговору в кабинете начальника погранотряда по поводу обвинения меня в принадлежности к партии эсэров, именуемой еще крестьянской, в которую я и Успенский будто бы вовлекли и Кривогорницына и откровенному его признанию с добавлением таких подробностей, которые сгоряча заставили меня признать Кривогорницына ненормальным. Я беспартийный, никогда ни в какой партии не состоял и не состою и к тем лицам, которых назвал Кривогорницын, якобы состоящим в эсэровской (крестьянской) партии, никакого отношения не имею, кроме Чиркова, который работает для нашего музея. Что заставило пойти Кривогорницына на оклеветание меня и Успенского, объяснить я затрудняюсь. Правда, я названных Кривогорницыным лиц знаю. Шумилов мой ученик, Мякин в одно время со мной был гласным Думы, где я познакомился с Улановым не знаю, но я его очень редко вижу и то случайно на улице. Встреча ограничивается поклоном и только. С Барбот-де-Марни знаком по Думе, он одно время был головою, состоял он также членом распорядительного совета общественной библиотеки и был членом уч-

редителем отделения географического общества. Арсеньтеева знаю, потому что его дети с женщиной жили в музее и выполняли обязанности сторожа. Сторож же музея жил в это время при музее в Кяхте, а на второго сторожа денег не отпускалось. Вызывают подозрения мои разъезды. Если бы в течение 42-летней службы не разъезжал, то не было бы пожалуй и музея, которым гордится Бурятия и который считается одним из лучших в Сибири. Вознаграждение за работу в музее я начал получать с 1922 г., ранее работал безвозмездно. Экскурсии для изучения Бурятии почти исключительно устраивал на свои сбережения. Отзывы о моей работе напечатаны в “Трудах Троицкосавско-Кяхтинского географического общества” за 1907 г. и в журнале “Бурятияведение”. Обширные материалы, характеризующие мою деятельность, переданы директору Государственного Бурятского института культуры – Хамаганову. Для выяснения истинности возводимых на меня обвинений сопринадлежности меня к партии эсэров, я просил бы допросить Михаила Петровича Мальшева, ректора II Московского университета, Ивана Петровича Кожикова (был секретарем Революционного комитета в Троицкосавске по свержении Колчака), Елизавету Андреевну Маскову, Георгия Петровича Коновалова, т. Аслезова, заведывающего народным образованием в Верхнеудинске, Асеева, учительницу Рассохину, а также члена бывшей организации в Троицкосавске “хлеборобов”. На заседаниях этой организации я никогда не был и с ее уставом не знаком. Очень прошу дать мне закончить до суда незаконченные мною работы в музее. Ценные материалы, собиравшиеся годами, без моих пояснений погибнут, а также возможность мне дать указания моим заместителям по поводу окончания начатых работ. Ни для кого ни тайна, что в музейную работу я вкладывал весь свой ум, свою душу, просиживал там целые дни за работой. Не пользовался я выходными днями и отпусками. Я весь был поглощен музеем и научными исследованиями – этим объясняются и мои недочеты в общественной работе. В прошлом году месткомом Сорэпроса на жену и меня было возложено руководство кружком безбожников. Мы выработали программу, которая была одобрена, и работу по мере сил проводили. По возвращении из командировок в Центры, я в 1929 г. и Успенский в 1930 г., мы делали на общих собраниях доклады – и с восхищением рассказывали о тех изменениях и достижениях, которые мы видели в СССР. Говорил я об этом юным краоведам, учителям, партийцам и всем с кем приходилось говорить о СССР. Это могут подтвердить. Ни с какими организациями противоправительственными я в связи не состоял и не состою и таких организаций не знаю. На крестьянские волнения смотрю как на протест против искривления пар-

тийной линии. Что ошибки в реконструкции сельского хозяйства со стороны низовых органов власти и отдельных партийцев допущались, об этом писали в газетах.

Забыл еще упомянуть о поездках в Кайчеранку. Добавляю. При экскурсиях на Кайчеранку, если ездил на ночевку, останавливался у Андрея Федоровича Спицына, независимо от того, был ли хозяин дома или дом был пустой. В последнем случае я всегда спрашивал у Спицына, можно ли у него остановиться. В Кайчеранку я ездил с юными краеведами кружка при музее – Котовыми младшим и старшим, Московским, Шпыневым, иногда с моим сыном и С.А. Успенским. С нами обыкновенно ездил и технический служащий музея Дмитрий Кузнецов. Без ночевки мы останавливались при выезде из Кайчеранской пади у скалы, где ключ. С Диковенко, живущим в Кайчеранке, я встречался раз или два – первый раз на улице в городе, где просил его продать несколько овчин для шубы и, возможно, что раз встретил его в усадьбе при осмотре кожемяки. О том, какое значение имели экскурсии для кружка юных краеведов при музее, можно видеть из статьи краеведа Иннокентия Котова: “К пятилетию краеведческого кружка”, помещенному в последней книжке журнала “Бурятияведение”. Отражением того, что мы делали с кружком по исследованию района, являлось содержание рукописного журнала “Кяхтинский краевед”. В последнем номере журнала есть две статьи, посвященные описанию производства на кожевенном заводе в Усть-Кяхте. В одном из журналов “Кяхтинский краевед” была помещена статья комсомольца Игумнова о Суджинской коммуне. О моем с С.А. Успенским поведении во время экскурсий и экспедиций могут дать правдивые показания те же юные краеведы. В Гусиноозерской научно-исследовательской экскурсии участвовали – Котов старший, Московский и Шпынев, в Боргойской – Котов младший и Шпынев. Во второй участвовал технический служащий Кузнецов»⁵¹.

7 февраля 1931 года на квартире П.С. Михно в г. Троицкосавске (по адресу – ул. Ленинская, 40) был произведен обыск, в результате которого изъяли различную переписку и литературу для приобщения к делу. Особое внимание при обыске уделили политической литературе, коей изъято было 34 наименования, среди них: “К выборам в Учредительное собрание. Чего ждет Россия от Учредительного собрания” (Б.И. Горев), “Что такое народное предательство. Издание Иркутского комитета партии социал-революционеров” (М.А. Кроль), “Как надо устроить управление свободной Россией” (М.И. Финкель), “Две линии революции”

⁵¹ Там же. Л. 77–84.

(Г.В. Плеханов), “Всеобщее, равное и прямое избирательное право” (П. Сурмин), “Прогресс, бедность и национализация земли” (В. Рейнгардт), “Движущие силы и перспективы русской революции” (К. Каутский), “Значение, состав и задачи Учредительного собрания” (проф. В.М. Устинов), “Речь П.Н. Милюкова, произнесенная в заседании Государственной Думы 1-го ноября 1916 года”, “Чего хочет партия Народной Свободы (конституционно-демократическая)” (Н. Лосский), “Русские социал-демократы и война (за Плехановым или за Лениным)” (М.Я. Феноменов), “Крестьянское хозяйство и его интересы. Лига аграрных реформ” (Н. Макаров), “Как думает партия Народной Свободы решить земельный вопрос” (В.Е. Чехихин), “Об избирательном праве” (П. Юшкевич), “Как предполагала наделить крестьян землей партия Народной Свободы во 2-ой Государственной Думе” (А.И. Шингарев) и др. Очевидно, что данная политическая литература, обнаруженная при обыске у Петра Саввича Михно была приобщена к делу с единственной целью – “доказать” его принадлежность к партии социалистов-революционеров.

Все еще не потеряв веру в справедливость следствия, П.С. Михно пишет в тюремной камере заявление на имя начальника погранотряда ОГПУ Тимашкова, датированное 12 апреля 1931 года: «22 апреля с.г. в Иркутске открывается 1-й Восточно-Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Съезд этот будет иметь большое значение для научно-исследовательской работы в Бурят-Монголии, в частности в нашем районе. Основные задачи съезда определяются следующим: определить состояние научно-исследовательской работы края с точки зрения запросов социалистического строительства, наметить план научных исследований, проработать важнейшие вопросы социалистического строительства и проблемы Ангарскстроя и Черембасса. На съезде также будут решать все детали объединения Государственных географических обществ – Восточно-Сибирского в Иркутске, Красноярского, Читинского и Троицкосавского в Общество исследования производительных сил Восточно-Сибирского края. Переписка по этому вопросу имеется в делах Троицкосавско-Кяхтинского географического общества за 1930–1931 гг.

В приглашении “Организационного Бюро” по объединению Обществ, представителями от Троицкосавско-Кяхтинского географического общества намечены я и т. Успенский, как всесторонне знающие жизнь и деятельность этого Общества и его возможности в будущем. Для выяснения возможности выполнения нашим Обществом сложных и ответственных задач, поставленных Обществом изучения производительных сил Восточной Сибири, мы запросили мнение наших членов в Ленинграде и научное

общество имени Д. Банзарова в Верхнеудинске, наметили соответствующий доклад. Так как от нашего участия на этом съезде всецело будет зависеть продолжение деятельности реконструированного нашего Общества (в его состав войдут и советские общества и учреждения), я просил бы вас дать возможность мне и т. Успенскому принять участие в этом съезде. До сих пор в великой социалистической стройке мы производили созидательную работу, хотелось бы на съезде помимо организации Общества получить зарядку и воодушевление для ударной и возможно продуктивной для блага нашей страны работы.

Моя общественная работа в Забайкалье в прежних его границах в течение 42 лет службы – организатор в Троицкосавске музея и его бессменный работник, член Распорядительного совета общественной библиотеки, член Распорядительного совета географического общества и один из его учредителей, преподаватель в Воскресной школе, лектор на народных чтениях, член комиссии по книжному складу при географическом обществе, лектор в Троицкосавском народном университете; в Чите – директор музея по выбору, организатор общественной библиотеки в Чите и член ее распорядительного совета, участник в тройке по организации выставки в Троицкосавске и сбору материалов для Всероссийской Земско-хозяйственной выставки в Москве, произвел несколько научных экскурсий на свои средства для пополнения естественноисторическим материалом музея. Отчеты – в “Трудах” Троицкосавско-Кяхтинского отделения географического общества. Принимал посильное участие и в многочисленных других общественных работах. В прошлом году бригада по чистке советских учреждений в течение месяца производила обследование работы как музея, так и географического общества, и комиссия по чистке нашла нашу работу удовлетворительной. Недочеты, какие были по музею и географическому обществу, представлены были нами в письменной форме бригаде, где указывалось, что в 1931 г. недочеты будут изжиты согласно указаний соответствующих съездов и руководящих правительственных органов. Сейчас для географического общества создается такое положение, что общество и богатая научная библиотека при нем могут погибнуть, рушатся все связи, которые общество имело с научными обществами и учреждениями, как в СССР, так и за границей и крепило их с 1894 г. и по сие время. Познакомьтесь с делами общества и Вы увидите, какая большая научно-полезная работа им проделана. Я думаю, что адрес, поднесенный ЦИКом Бурят-Монгольской АССР по случаю юбилеев наших учреждений – музея и географического общества – имел основания. Убедительнейше прошу Вас вопрос по обвинению нас пересмотреть и дать

нам возможность участвовать на съезде и продолжать любимую, родную нам научно-исследовательскую работу»⁵². Просьба П.С. Михно осталась без малейшего внимания со стороны следствия. 24 мая 1931 года ему была устроена очная ставка с крестьянином Сидором Кривогорницыным. Приводим здесь протокол этой очной ставки.

Вопрос к Михно: Знаете ли Вы сидящего против Вас человека?

Ответ Михно: Да. Его знаю около тридцати лет. Фамилия его Кривогорницын Сидор Алексеевич.

Вопрос к Кривогорницыну: Знаете ли Вы сидящего против Вас человека?

Ответ Кривогорницына: Да, знаю его около 30 лет. Фамилия его Михно Петр Саввич.

Вопрос к Кривогорницыну: Предлагал ли Вам Михно вступить в партию социалистов-революционеров, когда это было и кто еще присутствовал при этом разговоре.

Ответ Кривогорницына: Да, предлагал. Это предложение он мне делал летом 1930 г. При этом разговоре присутствовал Успенский Сергей Александрович.

Вопрос к Михно: Верно ли говорит Кривогорницын Сидор, что Вы ему предлагали вступить в партию социалистов-революционеров?

Ответ Михно: Никогда я не предлагал Кривогорницыну вступить в партию социалистов-революционеров.

Вопрос к Кривогорницыну: Называл ли Вам Михно членов партии социалистов-революционеров, состоящих в Троицкосавской городской организации, назовите их фамилии.

Ответ Кривогорницына: Да, называл он лиц. Чирков, Барбот-де-Марни, Лизунов бывший офицер, Шумилович, Уланов бывший офицер, Вергасов, другие фамилии забыл.

Вопрос к Михно: Называли ли Вы Кривоорницыну Сидору фамилии Чиркова, Барбот-де-Марни, Шумиловича, Уланова, Вергасова и говорили ли Вы о том, что они являются членами партии социалистов-революционеров Троицкосавской городской организации?

Ответ Михно: Не говорил и таких фамилий не называл.

Вопрос Кривогорницыну: Предлагал ли Вам Михно подбирать сочувствовавших партии социалистов-революционеров из Ваших односельчан?

Ответ Кривогорницына: Да, предложил подбирать надежных односельчан, сочувствующих партии социалистов-револю-

⁵² Там же. Л. 85–87.

ционеров, при этом предупреждал, что это дело нужно вести осторожно и не торопиться.

Вопрос к Михно: Предлагали ли Вы Кривогорницину Сидору подбирать надежных односельчан, сочувствовавших партии эсэров и предупреждали ли об осторожности вербовки?

Ответ Михно: Этого я Кривогорницину не предлагал, а стало быть об осторожности в этом деле не предупреждал.

Вопрос к Михно: При посещениях Вас Кривогорнициным расспрашивали ли Вы его о настроении крестьянства и говорил ли Вам об этом Кривогорницин, в чем этот разговор заключался?

Ответ Михно: Когда Кривогорницин посещал меня или я его, то я спрашивал, что нового в его жизни и он мне говорил или о себе, своем хозяйстве или о своих некоторых знакомых. Говорил и о том, что на их маленькую деревню по отношению к остальным, более крупным селам, наложены большие налоги, а также жаловался, что и на него также налоги большие, чем он и был недоволен.

Вопрос к Кривогорницину: Расспрашивал ли Вас Михно о настроениях крестьянства и говорили ли Вы ему об этом?

Ответ Кривогорницина: При встречах Михно всегда меня расспрашивал, как настроение крестьянства, какие налоги и кто как к ним относится на селе. Я говорил, называя количество пудов, наложенных на нашу деревню, что налогами особенно недовольна зажиточная часть деревни. На это Михно всегда говорил, что и в будущем также будут теснить крестьянство большими налогами. На свой налог я жаловаться Михно не мог, так как налогу с меня причиталась только 11 р. 95 коп., и к тому же я добровольно засыпал 100 пудов хлеба.

Вопрос Кривогорницину: Говорили Вы Михно о том, что в Вашей деревне есть группа недовольных советской властью, которая намерена выступить против советской власти?

Ответ Кривогорницина: Да, об этом я ему говорил, что у нас на селе есть группа, которая намерена поднять восстание против советской власти. На это Михно мне говорил, что маленькой группкой сделать что-либо против советской власти невозможно. Далее говорил, что нужно сейчас подбирать единомышленников и ждать, когда восстанут большие села и когда придут на помощь иностранные державы, Япония и Англия, только тогда нужно начинать восстание против советской власти.

Вопрос к Михно: Верно ли говорит Кривогорницин, что он Вам говорил о существовании повстанческой группы в с. Киреть и что таковая готовится к восстанию против советской власти и что Вы ему говорили по этому вопросу?

Ответ Михно: Об этом я никогда с Кривогорницыным не говорил и никаких советов ему по этому вопросу не давал.

Вопрос к Кривогорницыну: Говорил ли Вам Михно, при посещении его квартиры, что в Верхнеудинске, Чите, Иркутске и других городах есть эсэровские организации и ведут ли таковые свою работу?

Ответ Кривогорницына: Михно мне говорил, что наша эсэровская организация не спит и работает, и в доказательство привел, что летом 1930 года партия социалистов-революционеров, работающая в Верхнеудинске, взорвала поезд. Также Михно говорил, что организации социалистов-революционеров имеются не только в Троицкосавске, но и в Верхнеудинске, Иркутске.

Вопрос к Михно: Говорили ли Вы Кривогорницыну о том, что партия эсэров, ее Верхнеудинская организация, взорвала поезд и что организации социалистов-революционеров имеются в гор. Верхнеудинске, Иркутске?

Ответ Михно: Кривогорницыну я говорил о том, что с поездом действительно произошло крушение, о чем я впервые узнал от технического служащего музея Кузнецова, а впоследствии об этом крушении читал в газете. Никогда я не говорил Кривогорницыну о том, что в Верхнеудинске, Иркутске или каких-либо других городах существуют организации эсэров и что крушение поезда это работа Верхнеудинской эсэровской организации, т.к. о эсэровских организациях мне ничего не известно.

Вопрос к Михно и Кривогорницыну: Что Вы можете показать к своим вышеизложенным показаниям?

Ответ Кривогорницына: Всегда при наших встречах Михно старался подчеркнуть, что он советской властью не доволен, говорил, показывая на свои брюки: “Вот до чего дожили при советской власти”, восхваляя жизнь при царе говорил, что он в то время получал жалованья 350 рублей. Когда вопрос стоял об оружии для повстанческой группы, он говорил мне, что печалиться об оружии не след, придут иностранные державы и оружие будет.

Ответ Михно: Разговоры с Кривогорницыным о брюках видимо вел, но говорил я очевидно по тому случаю, что у нас у всех одинаково приобретаются промтовары. Об оружии я с ним разговоров никаких не вел. О жаловании, которое я получал в царское время, я возможно и говорил, так как я действительно получал около 300 рублей. Возможно, я говорил Кривогорницыну, что меня советская власть заставила делать тротуар против моего дома и что, не имея денег, я выражал по этому случаю недовольство”⁵³.

⁵³ Там же. Л. 131–135.

Обвинение сфабриковали, Петр Саввич Михно был осужден и «приговорен к трем годам лишения свободы условно за преступление, предусмотренное ст. 58-11 УК, выразившемся в том, что он состоял членом Троицкосавской подпольной эсэровской организации, называемой “Трудовой крестьянской партией”, ставившей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания, являлся активным членом и одним из руководителей таковой. Осуществлял идейное руководство контрреволюционной повстанческой группой в селе Киреть Кяхтинского Аймака, стоявшей на платформе Трудовой крестьянской партии»⁵⁴. Однако, главное испытание в жизни ученого было впереди.

Петр Саввич Михно получил возможность вернуться к семье и работе. Его жена Клавдия Дмитриевна всю жизнь помогала мужу в научных изысканиях, разделяла и исследовательские интересы. Сын Николай учился в Горном институте г. Иркутска, был женат на Валентине Сергеевне, враче противочумного института.

П.С. Михно был вновь арестован 2 февраля 1937 года в Иркутске, управлением НКВД по Иркутской области, и содержался вплоть до приведения приговора в исполнение во внутренней тюрьме НКВД по I категории. Теперь ему вменялся в вину шпионаж в пользу Японии. Приведем здесь полностью протокол допроса Петра Саввича от 20 августа 1938 года.

«Вопрос: На предварительном допросе Вы показали, что в 1922 году Вы были преданы суду за контрреволюционную деятельность, проявленную Вами в период гражданской войны. В чем же конкретно выражалась Ваша контрреволюционная деятельность в период гражданской войны?

Ответ: В 1922 году я был предан суду и осужден на два года лишения свободы условно, за ввод китайских войск в 1920 году в гор. Троицкосавск. Цель ввода китайских войск заключалась в том, чтобы не допустить в гор. Троицкосавск краснопартизанские части и сохранить в городе буржуазную власть, принадлежащую в то время городской думе, состоявшей из купечества, местной буржуазии, семеновских офицеров и представителей мелкобуржуазных партий. Я также состоял членом городской думы и сущность моей контрреволюционной деятельности в тот период заключалась именно в том, что я, будучи по своим политическим убеждениям меньшевиком, был сторонником сохранения буржуазной власти и являлся одним из инициаторов ввода китайских войск, впоследствии расстрелявших демонстрацию трудящихся города Троицкосавска, требовавших восстановления советской власти. Других же каких-либо преступлений перед советской вла-

⁵⁴ Там же. Л. 76.

стью я не имею, наоборот, занимаясь научным трудом по изучению Забайкалья, я принес Советскому государству много пользы в смысле освоения Забайкальского края.

Вопрос: Неправда. Следствию достаточно известно, что Вы, как меньшевик никогда не были сторонником Советской власти и, прикрываясь положением научного работника, проводили контрреволюционную работу, направленную на подрыв военной и экономической мощи Советского Союза. Требуем правдивых показаний о всей Вашей контрреволюционной деятельности.

Ответ: Я говорю правду, что никакой другой (помимо мною уже указанной) контрреволюционной работы я не проводил. К меньшевистской же партии я принадлежал и проводил ее идеи только до 1922 года. В 1922 году я окончательно отошел от меньшевиков и в последующем, работая директором Кяхтинского краеведческого музея и председателем географического общества, во всей своей работе я проводил политику партии большевиков.

Вопрос: Материалами следствия Вы изобличены, как агент иностранной разведки и участник контрреволюционной организации. Признаете себя виновным в этом?

Ответ: Агентом иностранных разведок я не был и ни в каких контрреволюционных организациях я никогда не состоял, поэтому предъявленное мне обвинение я не признаю.

Вопрос: Прекратите свое бесполезное запирательство. Зачитываем Вам показания арестованных Ваших соучастников: Успенского, Бурина, Чиркова и Буйновского, которые изобличают Вас как агента японской разведки и участника белогвардейской организации. Достаточно ли Вам этого или мы будем изобличать Вас очными ставками?

Ответ: Нет, очных ставок я не прошу. Я вижу, что вся моя шпионская и другая контрреволюционная деятельность следствием вскрыта и что мне лично больше не осталось ничего, как только сознаться в своих преступлениях и рассказать следствию правду.

Вопрос: Следовательно, в представленном Вам обвинении Вы признаете себя виновным?

Ответ: Да, признаю. Действительно, я являюсь агентом японской разведки и участником контрреволюционной белогвардейской организации, действовавшей по прямым директивам японской разведки и руководителей закордонных РОВСовских организаций генералов Сычева, Шильникова, Бакшеева и Вержбицкого, и ставившей своей конечной целью свержение советской власти путем вооруженного восстания в момент военного нападения Японии и Германии на Советский Союз.

Вопрос: О своем участии в белогвардейской организации Вы дадите показания ниже, а сейчас рассказывайте о Вашей шпионской работе.

Ответ: Начало моей практической шпионской работы относится к 1920 году, но к выводу о необходимости проведения шпионажа в пользу Японии я пришел значительно раньше. Уже в 1918 году я видел, что для уничтожения советской власти необходимо объединить все внутренние контрреволюционные силы, поднять их на вооруженное восстание, обеспечив их крепкой поддержкой со стороны империалистических стран, заинтересованных в захвате советской территории. Поэтому я, наряду с проведением контрреволюционной работы по линии белогвардейской организации, начал искать непосредственных связей с японской разведкой.

Вопрос: Говорите прямо, когда и кем Вы были завербованы в японскую разведку?

Ответ: В японскую разведку я завербован в 1920 году японским агентом Успенским Сергеем Александровичем в гор. Троицкосавске.

Вопрос: Кто такой Успенский?

Ответ: Успенский Сергей Александрович сын священника, окончил духовную академию и Восточный институт, меньшевик. До восстановления советской власти в гор. Троицкосавске был членом городской думы. При советской власти неоднократно арестовывался за контрреволюционную работу. Последнее время работал научным работником в Кяхтинском краеведческом музее, арестован совместно со мной.

Вопрос: При каких обстоятельствах завербовал Вас Успенский в японскую разведку?

Ответ: С Успенским С.А. меня соединяла не только моя одинаковая с ним работа – инспектора народных училищ, а потом работа в музее и географическом обществе, а и сама моя меньшевистско-буржуазная идеология. Успенского я хорошо знал как человека, имеющего такие же контрреволюционные взгляды по отношению к советской власти, какие имею я. Поэтому, познакомившись с Успенским в 1907 году, я до самого моего ареста в 1937 году был с ним в самых близких взаимоотношениях. Советскую власть мы с Успенским встретили одинаково враждебно и уже в 1918 году повели активную контрреволюционную работу по сколачиванию контрреволюционной организации, которая впоследствии при помощи других контрреволюционных сил свергла в 1918 году в гор. Троицкосавске советскую власть.

Вопрос: Остановитесь подробнее на этой контрреволюционной организации.

Ответ: Костяком этой антисоветской организации, свергнувшей в 1918 году советскую власть в гор. Троицкосавске, являлись меньшевики. Меньшевики подготавливали вооруженное восстание и руководили всеми действиями по свержению советской власти. Основной же силой, на которую опиралась наша меньшевистская организация, являлись казацкие воинские части местного гарнизона, находившиеся на территории Монголии, которые к моменту восстания под руководством генерала Левицкого (убит в 1920 году солдатами) вышли из Монголии и заняли город, разоружив красногвардейские части. Из лиц, участвовавших в этой антисоветской организации, мне известны следующие:

1. Абросимов – священник, проживает в гор. Кяхте;
2. Сеницын – бывший купец, выслан в гор. Томск, где проживает в настоящее время;
3. Назимов Константин Иванович – бывший кадет, член городской думы при Колчаке, проживает в Улан-Удэ, работает в наркомфине БМССР бухгалтером;
4. Анисимов Иннокентий Николаевич – Улан-Удэ;
5. Зданович Сидор Устинович – почтовый чиновник, член городской думы в период колчаковщины, в 1929 году распродал все свое имущество и куда-то из г. Троицкосавска скрылся;
6. Милюшин Пантелей Иванович – эсер, проживает в Москве, работает в пригородном хозяйстве агрономом;
7. Уланов Василий Иванович – бывший станичный атаман, где он находится для меня неизвестно;
8. Лушников Леонид Алексеевич – бывший прапорщик, проживает в гор. Москве, работает гидротехником при Мосгорсовете;
9. Лушников Алексей Алексеевич – инженер, бывший купец, в 1924 году эмигрировал за границу и проживает в гор. Харбине;
10. Урусов Петр Осипович – бывший офицер, выехал в 1920 году в Маньчжурию.
11. Я – Михно и Успенский С.А. были, как я уже сказал выше, одними из организаторов этой антисоветской организации.

Вопрос: Отвечайте на вопрос, при каких обстоятельствах завербовал Вас Успенский в японскую разведку?

Ответ: Как я уже показал, что связей с японской разведкой я искал еще в 1918 году считая, что путем разведработы в пользу Японии можно будет добиться помощи со стороны Японии в вопросе организации вооруженного восстания и свержения советской власти. В 1920 году, после падения колчаковского правительства,

эта мысль у меня особенно укрепилась, о чем я рассказал Успенскому. Последний, выслушав меня, признался, что он является японским агентом с 1911 года и предложил мне вести разведработу в пользу Японии под его руководством. Я согласился.

Вопрос: Успенский назвал Вам лиц, с которыми он был связан по шпионажу?

Ответ: Да. Успенский мне сообщил, что он имеет связь с крупными японскими агентами – Гарбиком – офицер царской армии, работал военным агентом царского правительства в Монголии, и Гомбоевым Николаем Николаевичем – сын ламы из забайкальских бурят, проживал в гор. Пекине, где он находится сейчас, для меня не известно. При этом Успенский мне рассказал, что по заданию Гарбика он ведет контрреволюционную работу среди бурят по созданию панмонгольской контрреволюционной организации, с помощью которой Япония рассчитывала создать из бурято-монгол независимое от России государство, превратив его потом в плацдарм для нападений и дальнейшего продвижения на Запад.

Вопрос: Какую шпионскую работу Вы проводили?

Ответ: Примерно до 1929 года моя шпионская работа заключалась в том, что я систематически информировал японскую разведку, в частности Успенского, об экономическом и политическом положении Забайкалья, главным образом приграничной полосы, и о природных богатствах Забайкалья. С 1929 года я по заданию Успенского собирал и передавал ему для японской разведки шпионские материалы:

- об охране монгольской границы;
- о шоссейных и грунтовых дорогах приграничной полосы;
- о населенности приграничной полосы и об отношении приграничного населения к мероприятиям советской власти;
- о ходе коллективизации, как в приграничной полосе, так и по всему Забайкалью.

Кроме этого, пользуясь тем, что мне по делам службы приходилось ежегодно бывать в гор. Иркутске, Успенский поручил мне сбор шпионских сведений о красноармейских частях иркутского гарнизона и об иркутских военных заводах № 104 и № 125. Это задание Успенского я выполнил аккуратно.

Вопрос: Через кого Вы собирали шпионские материалы?

Ответ: Сведения о политико-экономическом состоянии, природных богатствах и другие сведения о Забайкалье я всегда имел в своих руках, так как работая директором Кяхтинского краеведческого музея, я неоднократно бывал в экспедициях и под видом научно-исследовательской работы собирал шпионские материалы. Шпионские сведения о красноармейских частях иркутского гарнизона и военных заводах № 104 и № 125 я собирал че-

рез Чиркова Михаила Афанасьевича – бывший офицер колчаковской армии, работал художником в одном из учебных заведений гор. Иркутска (в каком точно не знаю) – арестован в 1937 г., Буйновского (имя отчества не помню) – поручик колчаковской армии, проживал в гор. Иркутске, в 1937 году арестован, и Громова Иннокентия Клавдиевича – до 1930 года проживал в Улан-Баторе, сейчас проживает в гор. Иркутске, работает бухгалтером, но в каком учреждении не помню.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы привлекли к шпионской работе Чиркова, Буйновского и Громова?

Ответ: Чирков, Буйновский и Громов бывшие жители гор. Троицкосавска. С каждым из них я хорошо знаком именно по работе в антисоветской организации, участниками которой они являлись совместно со мной. Приезжая в гор. Иркутск, я их каждый раз встречал и проводил с ними разговоры на разные темы. Чирков к шпионской работе был привлечен Успенским в 1920-х годах, а впоследствии, примерно в 1932 году, Успенский связал его со мной. Буйновского и Громова я привлек к шпионской работе в 1934 году, будучи в гор. Иркутске на совещании директоров музеев.

Вопрос: Назовите всех известных Вам лиц, занимавшихся шпионской деятельностью в пользу Японии.

Ответ: Помимо уже указанных мною, мне известны еще следующие лица, проводившие шпионскую работу в пользу Японии:

1. Хамбо-лама Мункужапов, проживал в селении около озера Гусиное БМССР, последнее время проживает в гор. Москве. В 1927 году я и Успенский, будучи в экспедиции по изучению озера Гусиное, заезжали к Хамбо-ламе Мункужапову, где Успенский и познакомил меня с ним. Хамбо-лама Мункужапов устроил нам с Успенским очень теплую встречу, угощал нас и очень много, как мне потом сообщил Успенский, интересовался нашей работой в области изучения Забайкалья. Лично я с Хамбо-ламой разговора не имел, так как последний не владеет русским языком. Успенский же, владея бурятским языком, разговаривал с Хамбо-ламой и когда мы, любезно простившись, покинули Хамбо-ламу, то Успенский мне сообщил, что Хамбо-лама Мункужапов является крупным японским шпионом, и что о моей причастности к японской разведке он – Успенский, тоже Хамбо-ламу поставил в известность.
2. Козьмин Николай Николаевич – бывший член колчаковского правительства, до 1925 года работал представителем Госплана БМССР, последнее время профессор истории при Иркутском госуниверситете. О причастности Козьмина к

японской разведке мне сообщил Успенский в 1922 году, а в 1924 году я познакомился с Козьминым лично.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы познакомились с Козьминым?

Ответ: В 1924 году я делал доклад о реорганизации Кяхтинского музея на пленуме наркомпроса БМССР, куда был приглашен и Козьмин. После моего доклада Козьмин взял слово и одобрил работу Кяхтинского музея и мою работу как директора этого музея. Таким образом, мы с Козьминым познакомились и потом неоднократно встречались уже в гор. Иркутске.

3. Головачев (кажется, Иван Федорович) работает управделами Совнаркома БМССР, проживает в гор. Улан-Удэ. О его шпионской работе мне известно от Успенского, личное же знакомство с Головачевым я имею с 1925 года и хорошо знаю его как участника нашей белогвардейской организации.

Вопрос: Вознаграждение за шпионскую работу Вы получали?

Ответ: Да, получал. От японской разведки через Успенского я получил за весь период своей шпионской работы денежное вознаграждение в сумме (40) сорока тысяч. Большую часть этих денег я израсходовал на личные нужды и небольшая доля из них мною была передана Чиркову и Буйновскому.

Вопрос: А теперь дайте показания о белогвардейской организации и Вашем участии в ней.

Ответ: Как я уже показал выше, в 1918 году я входил в антисоветскую организацию, свергнувшую в 1918 году советскую власть в гор. Троицкосавске. В 1920 году в связи с падением колчаковской власти в Сибири, бывшие участники этой антисоветской организации вновь повели контрреволюционную работу по сколачиванию контрреволюционного элемента и создали новую антисоветскую организацию “Союз хлеборобов”.

Вопрос: Укажите конкретно лиц, принявших участие в создании контрреволюционной организации “Союз хлеборобов”.

Ответ: Организаторами и руководителями “Союза хлеборобов” были:

1. Я Михно Петр Саввич;
2. Успенский Сергей Александрович;
3. Успенский Николай Александрович – меньшевик, проживал в гор. Троицкосавске, в 1933 году умер;
4. Афанасьев (имя отчества не помню) – офицер, при Колчаке был начальником уездной милиции, где он проживает сейчас для меня неизвестно;
5. Арсентьев Иван Александрович – офицер, проживает в гор. Кяхте;

6. Кузнецов Петр Васильевич – бывший офицер, проживает в гор. Кяхте.

Вопрос: Назовите всех известных Вам участников “Союза хлеборобов”.

Ответ: Созданная нами контрреволюционная организация “Союз хлеборобов” была рассчитана на широкий охват всех антисоветских элементов не только в гор. Троицкосавске, но и в его окрестностях. Проводимая нами, руководителями, тактика в вопросе создания этой контрреволюционной организации позволила нам осуществить наш расчет. В “Союз хлеборобов” были объединены контрреволюционные элементы всех оттенков и в целом ряде населенных пунктов Забайкалья. Поэтому всех участников “Союза хлеборобов” я не знаю, известны же мне из них только отдельные лица, с которыми мне приходилось сталкиваться по контрреволюционной работе, то есть мне известны следующие участники “Союза хлеборобов”:

1. Меркулов (имя отчества не помню) – офицер белой армии, эмигрировал за границу;
2. Абросимов – священник, проживает в гор. Кяхте;
3. Немчинов (имя отчества не помню) – сын купца, проживает в гор. Кяхте;
4. Еле Адольф Александрович – проживает в гор. Кяхте, работает ветеринарным врачом;
5. Чирков Иосиф Афанасьевич – офицер, проживает в гор. Улан-Удэ, работает инструктором в осовиахиме;
6. Назимов Константин Иванович – мещанин из гор. Селенгинска, работает бухгалтером в Наркомфине БМССР;
7. Анисимов Николай Иннокентьевич – бывший офицер, преподает русский язык на курсах по повышению квалификации учителей в Улан-Удэ;
8. Степурский Николай Павлович – бывший председатель земской управы, умер;
9. Зданович Сидор Устинович, где находится сейчас – не знаю;
10. Бутаков Иван Константинович – проживает в гор. Кяхте;
11. Кудрявцев Матвей Васильевич – крупный домовладелец, проживает в гор. Улан-Баторе.

Вопрос: Выше Вы упомянули о тактике руководителей “Союза хлеборобов”, облегчившей создание этой контрреволюционной организации. В чем заключалась сущность этой тактики?

Ответ: Сущность нашей тактики в вопросе создания контрреволюционной организации “Союза хлеборобов” заключалась в том, что почти все организационные работы нами проводились легально и вне всяких подозрений органов советской власти.

Уже само название нашей контрреволюционной организации “Союз хлеборобов”, было придумано нами с той целью, чтобы создать мнение об этой организации, как организации объединившей в себе действительных тружеников-хлеборобов, занимающихся полезным трудом. Для формальности даже был выработан устав этой организации, в котором предусматривалось, что граждане объединяются добровольно для совместной обработки земли и др. артельные работы с целью облегчения труда и улучшения благосостояния масс. Такая тактика, как я уже сказал, облегчала нашу контрреволюционную работу и укрывала от органов советской власти контрреволюционную сущность “Союза хлеборобов”.

Вопрос: Какую цель ставила перед собой ваша контрреволюционная организация “Союз хлеборобов”?

Ответ: Своей конечной целью наша контрреволюционная организация “Союз хлеборобов” ставила свержение советской власти путем вооруженного восстания. Правда, первое время при существовании ДВР, мы рассчитывали несколько иначе осуществить правительственный переворот, а именно: мы рассчитывали провести в Учредительное собрание своих представителей, которые могли бы, укрепившись в правительстве ДВР, повести контрреволюционную работу за восстановление буржуазной власти. Я – Михно и Успенский С.А. уже были выставлены кандидатами в учредительное собрание от “Союза хлеборобов”, но пройти нам в Учредительное собрание так и не удалось, так как за несколько дней до выборов я и Успенский были арестованы. Таким образом, первый план действий “Союза хлеборобов” не удался, и мы приступили к подготовке прямого вооруженного восстания.

Вопрос: Что практически было сделано “Союзом хлеборобов” в осуществлении своих задач?

Ответ: Массовое, с охватом всей территории Забайкалья, восстание мы намечали осуществить к моменту прихода в Забайкалье барона Унгерна. Осуществить этот план полностью нам не удалось, так как барон Унгерн был разбит в 1921 году частями Красной Армии еще на территории Монголии. Но все же, благодаря проводимой нами контрреволюционной работе, ряд населенных пунктов Забайкалья был охвачен повстанческим движением, а в самом городе Троицкосавске нам удалось поднять на восстание местные части народно-революционной армии.

Вопрос: Каков исход был этого восстания?

Ответ: Как повстанческое движение на периферии, так и восстание воинских частей в гор. Троицкосавске, вскоре же было подавлено. Такой исход дела ослабил наши силы, и мы вынуждены были на некоторый период времени свою контрреволюцион-

ную деятельность прекратить и изменить тактику последующей своей контрреволюционной работы по подготовке вооруженного восстания.

Вопрос: Как проходила Ваша контрреволюционная деятельность в последующее время?

Ответ: Потерпев неудачу в 1920–1921 годах, мы возобновили свою контрреволюционную работу в 1923 году, но на этот раз уже глубоко конспиративно и по прямым директивам японских агентов, руководителей РОВСа в Маньчжурии, генералов Хорват, Сычева и Вержбицкого, непосредственно с которыми связался Успенский через специальных связников.

Вопрос: Кого Успенский использовал в качестве связников с генералами Хорват, Сычевым и Вержбицким?

Ответ: Этих связников я не знаю, они известны только Успенскому.

Вопрос: Вы лично знакомы с генералами Хорват, Сычевым и Вержбицким?

Ответ: Нет, их я знаю со слов Успенского, и только, как руководителей нашей белогвардейской организации.

Вопрос: Продолжайте.

Ответ: По заданию белогвардейских генералов Сычева и Вержбицкого с 1923 года мы, бывшие руководители “Союза хлеборобов”, повели контрреволюционную работу по созданию белогвардейской организации в гор. Троицкосавске, а для успешного продвижения нашей работы мы установили контакт с руководителями белогвардейских организаций в гор. Чите и гор. Иркутске.

Вопрос: Кто являлся руководителями белогвардейских организаций в Чите и Иркутске и как ваша троицкосавская белогвардейская организация была с ними связана?

Ответ: Руководителями белогвардейской организации в гор. Чите являлись, как мне известно от Успенского, генерал Кун и епископ Рождественский, связь с ними держал Бурин Петр Петрович, который в 1923 году по указанию Сычева приехал из Читы в Троицкосавск и возглавил нашу белогвардейскую организацию. В 1932 году, опять же по указанию Сычева, Бурин приехал в гор. Иркутск, где он проживает и сейчас, являясь одним из руководителей белогвардейской организации. Помимо Бурина из руководителей иркутской белогвардейской организации до 1932 года я знал еще Козьмина, о котором я уже показал выше. Связь с ними от троицкосавской белогвардейской организации осуществлял я – Михно.

В 1932 году в гор. Иркутске был создан подпольный штаб. Этот подпольный штаб руководил белогвардейской организа-

цией на всей территории Восточной Сибири, в том числе и нашей, действовавшей на территории БМССР.

Вопрос: Кто же был непосредственным руководителем вашей белогвардейской организации после 1932 года?

Ответ: После 1932 года во главе нашей белогвардейской организации, созданной нами на территории БМССР, стоял Головачев, о котором я уже показал. Головачев получал все указания от иркутского подпольного штаба через полковника Бурина, который являлся членом этого штаба.

Вопрос: Назовите всех известных Вам участников белогвардейской организации.

Ответ: Участников белогвардейской организации, которые мне были известны, я их уже назвал выше – это были участники нашей контрреволюционной организации “Союз хлеборобов”. Других же участников белогвардейской организации я не знаю.

Вопрос: Какую контрреволюционную работу проводила ваша белогвардейская организация?

Ответ: Поставив перед собой конечной целью свержение советской власти путем вооруженного восстания в момент военного нападения на Советский Союз Японии и Германии, наша белогвардейская организация активно подготавливалась к осуществлению этой задачи и по заданию японской разведки проводила шпионаж, диверсионно-террористическую работу, создавала диверсионно-террористические группы для разрушения тыла Красной Армии на случай военных действий, формировала из кулаков, белогвардейцев и др. контрреволюционных элементов повстанческие отряды, которые и должны были в нужный момент поднять вооруженное восстание.

Вопрос: Какие повстанческие отряды были созданы и кто их возглавлял?

Ответ: Повстанческих отрядов на территории БМССР, как мне известно от Успенского и Бурина, было создано много – почти в каждом населенном пункте. Мне лично известны только два белогвардейско-повстанческих отряда в селе Бичура и Селенгинском аймаке. Руководителями этих отрядов являлись: в селе Бичура Разуваев Марк (отчества не помню), проживает там же; руководителем белогвардейско-повстанческого отряда по Селенгинскому аймаку являлся офицер Трубачеев, где он находится сейчас, для меня не известно. Из рядовых участников этих отрядов мне никто не известен.

Вопрос: Какие и где диверсионные и террористические группы были созданы вашей белогвардейской организацией?

Ответ: От Успенского мне известно, что вся организационная работа по созданию диверсионных и террористических групп иркут-

ским подпольным штабом была возложена на полковника Бурина, которым к настоящему моменту, почти на каждом важном промышленном объекте Восточной Сибири, созданы диверсионные группы, а также создан ряд террористических групп. Но где конкретно созданы эти группы и какие они по своему объему, мне не известно, так как ни Успенский, ни Бурин об этом мне никогда не говорили.

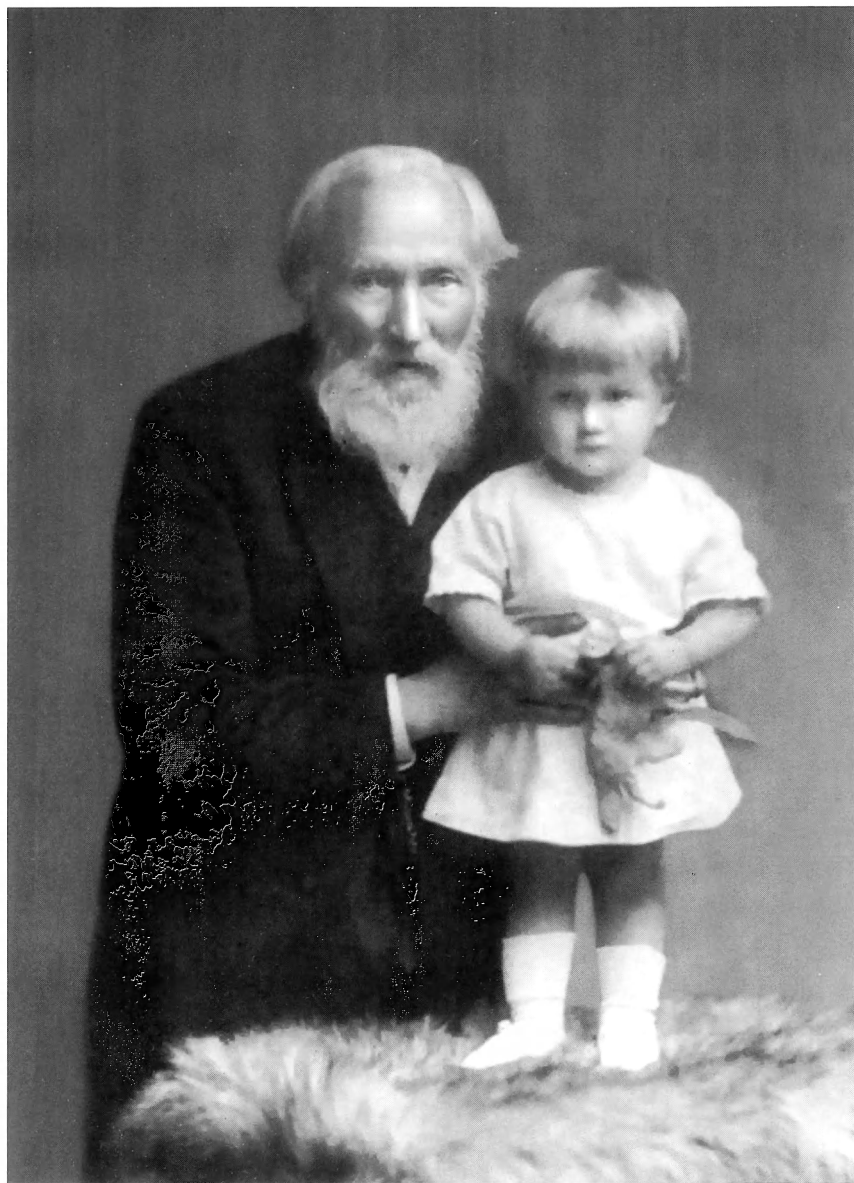
Вопрос: Располагала ли ваша белогвардейская организация оружием?

Ответ: Конкретно каким оружием и в каком количестве располагала наша белогвардейская организация я не знаю, со слов же Бурина, Успенского и Козьмина мне известно, что иркутский подпольный штаб нашей белогвардейской организации оружие имел и предполагал таковым обеспечить сформированные повстанческие отряды»⁵⁵.

Не подлежит никакому сомнению, что эти нелепые показания были получены от П.С. Михно в результате физического и психического давления, что составляло тогда обычную практику “следствия”. Сотрудник П.С. Михно, хранитель фондов Кяхтинского краеведческого музея С.А. Успенский, будучи в свое время студентом Восточного института, был также обвинен в шпионаже в пользу Японии и на следствии назвал имена многих “сообщников”, начиная от П.С. Михно до верхушки бурятского ламаитского духовенства и известных деятелей географического общества, таких как знаменитый путешественник по Монголии Петр Кузьмич Козлов, генерал русской армии. Вот что Успенский сказал на допросе 1 июля 1938 года:

«Петр Кузьмич Козлов, бывший царский генерал, известный путешественник. Как агент японской разведки мне известен с 1923 года. В 1923 году профессор Козлов направлялся в экспедицию в Тибет, через Монголию, и по пути остановился в Троицкосавске. Мы с Михно, преследуя цель активизации контрреволюционной деятельности нашей организации, изыскивали формы “легального” объединения всех участников нашей организации и с этой целью подготовили открытие местного музея и географического общества при нем. Но нам не разрешали местные власти это открытие, так как состав географического общества, по своему социальному положению, был исключительно подобран из местных купцов, белогвардейцев и прочих контрреволюционных элементов, членов нашей организации. Мы обратились к профессору Козлову за содействием. При помощи Козлова нам удалось музей и географическое общество открыть.

⁵⁵ Там же. Л. 6–37.

Б.И. Дыбовский с внучкой. Фото 1923 г. (ВЛ, ЖФ 5179, т. 58 Ш).

Jest jasn z 40 stronie mego piśmie,
ze wazne jest, aby si mało skowadzi
przed naszym walcem, a dobre kety,
zobaczmy nasomeli biografia obrodz
nie nowy warty co si przelosi
to me uwar.

z gtych - 1888

St. B. bledzi

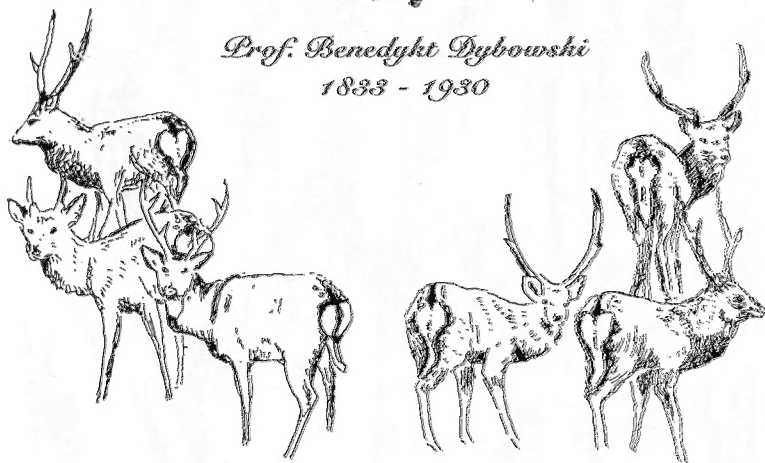
Benedykt Dębowski

MIEJSCE PAMIĘCI

Muzeum poroży rzadkich gatunków jeleniowatych

Prof. Benedykt Dybowski
1833 - 1930

Польский рекламный проспект заповедника диких животных им. Б. Дыбовского в Кадидлово (Польша, 2004 год).

Park Dzikich Zwierząt Kadzidłowo

Олень Дыбовского (*Cervus Dąbowski*) в заповеднике Кадидлово (рекламный проспект заповедника, 2004 г.).

O RYBACH
SŁODKOWODNYCH I MORSKICH
WSCHODNIEJ SYBERYI

NAPISAE

BENEDYKT DYBOWSKI

WE LWOWIE
NAKŁADEM TOWARZYSTWA NAUKOWEGO
Z ZASIEKIEM MINISTERSTWA WYŻ. REL. I OSW. PUBL.
DRUKARNIA UNIwersYTETU JAGIELLONSKIEGO POD ZARZĄDEM J. FILIPOWSKIEGO
1923.

Титульный лист книги Б.И. Дыбовского “О пресноводных и морских
рыбах Восточной Сибири” на польском языке (Львов, 1923 г.).

Г.А. Стуков (фото из фондов Читинского областного краеведческого музея).

Полагая - да весь собранный
ботанический материал для
могильного отправления и обра-
ботки вложить кому-либо из
специалистов ботаников, име-
ющих опыт Забайкальском зо-
не, напр. И. С. Палибин, для
каго и просить да Совете сме-
стив от имени Президиума Совета
Министров, каждаго из его членов,
в переписку, заблаговремен-
но, просив на то его согласие,
а также договора совете и
указаний.

Член Совета Министров
Академик Н. С. У. Р. Д. О.
12 февраля
1908г. И. Стуков

Автограф "Проекта программы для ботанического исследования
Агинской степи" Г.А. Стукова (ГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 46, л. 248).

Читинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества.

ТРУДЫ АГИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Матеріалы по изслѣдованію Агин-
ской степи Забайкальской области,
произведенному въ 1908 г. Читин-
скимъ Отдѣленіемъ Император-
скаго Русскаго Географическаго
Общества.

ВЫПУСКЪ IV.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МІРЪ

Г. А. СТУКОВА

съ введеніемъ и редакціей И. В. Палибина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910.

Титульный лист IV выпуска Трудов Агинской экспедиции, где опубликована статья Г.А. Стукова, посвященная описанию растительного мира Агинской степи.

П.С. Михно (фото из фондов Читинского областного краеведческого музея).

FLORA TRANSBAICALICA

Sumptibus Societatis Respublicanae Geographicae
Troitzkosavsk — Kiaehita confecit

B. A. Fedschenko.

Pars prima.

Pteridophyta—Gymnospermae—Monocotyledoneae.

1929.

LENINGRAD.

ФЛОРА ЗАБАЙКАЛЬЯ.

ПАПОРОТНИКООБРАЗНЫЕ, ГОЛОСЕМЕННЫЕ,
ПОКРЫТОСЕМЕННЫЕ — ОДНОДОЛЬНЫЕ.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

под редакцией проф. **Б. А. Федченко.**

составили

проф. **В. Н. Сукачев,** проф. **Б. А. Федченко** и **Р. Ю. Рожениц.**

С картой и 78 рис. в тексте.

ЛЕНИНГРАД.

Издана: Транссибирского Отдела Государственного Издательского Общества.

1929.

Справочное издание “Флора Забайкалья”, составленное по гербариям, собранным **П.С. Михно** и посвященное сорокалетию его научной деятельности

Глубокоуважаемому

ПЕТРУ САВВИЧУ

МИХНОВ

ко дню сорокалетия плодотворной научной
работы его по изучению природы Забайкалья
посвящается этот труд

Б. А. Федченко и К. В. Поливин.

А.К. Белявский. Фото 1911 г.

Санитарно-климатические условия Забайк. жел. дор.

- Литература:
Вознесенский - Шостаков	Кудачевский	Зеленый	Восточный
Малько - Гринштейн	Александров	Иванов	Крест.
Минор	Керимов	Иванов	Степан.
Шари	Мирокулов	Иванов	Иванов
Монин	Степан. Александров	Степан.	Иванов
Родасефевский	Болотов	Иванов	Иванов
Кельесов	Иванов	Иванов	Иванов
Куропатинский Комиссар	Иванов	Иванов	Иванов

Забайк. жел. дор. Протяжение. Время постройки ее частей.
Характеристика территории. Зоологический состав.
Почва (Одородность для посевов, ее свойства удобрение, степень питания преложением извлеченных веществ. Климат в Корее. Малые Кореи. Ост. Забайкаль. Азия.
Условия для выращивания и т.д.) Клим. условия.
Флора. (Создание условий для роста и развития леса выведенных растений и т.д. в субтропиках. Флора: Бамбу, Злаки и т.д. в степях. Везде в Забайкалье.)
Фауна.
Климатические условия.
Материалы исследований.

Температура. Годовая, средняя, месячная. Отклонения от нормы. Средняя. Отклонения от нормы (Климат). Сезон колебания. Годовая 7°C. Минимум и максимум. Восток и запад перед. Восток и запад. Восток и запад.
Ветер. Восток. Восток. Восток. Восток.
Влажность. Протяжение. Санитарные условия. Восток и запад. Восток и запад.

Автограф статьи "Санитарно-климатические условия Забайкальской железной дороги" А.К. Белявского (ГАЧО, Р-1527, оп. 1, д. 4, л. 1).

После торжественной части открытия музея, у меня за ужином, Козлов поздравил нас с Михно с победой и заметил, что географическое общество, при данных условиях, будет самой наилучшей формой, откуда можно будет вести обстрел мер советской власти.

Мы с Михно заметно смутились, Козлов, успокаивая нас, сказал, что ему известно от Хамбо-ламы Агван Доржиева, что мы являемся японскими агентами и он имеет просьбу ко мне Агван Доржиева, отправить письмо атаману Семенову, проживавшему в Нагасаки (Япония). В дальнейшем разговоре с ним Козлов нам рассказал, что он работает на японцев с 1908 г., а в данное время, при поездке в экспедицию в Тибет, получил поручение Агван Доржиева информировать Далай-ламу о притеснении бурятской религии в СССР и везет по этому поводу фактический материал Далай-ламе, чтобы тот, через соответствующие иностранные круги, заявил официальный протест Советскому правительству. Письмо Агван Доржиева атаману Семенову я переслал через служащего датского телеграфа Рихард»⁵⁶.

Таким образом все усилия Петра Саввича Михно по сохранению научного и культурного наследия, создаваемого многие годы членами ТКОПОИРГО, были истолкованы как прикрытие контрреволюционной и шпионской деятельности, направленные на уничтожение советской власти.

2 декабря 1937 года на квартире П.С. Михно в городе Кяхте произвели обыск, в результате которого изъяли более десятка карт Читинской области, Бурят-Монгольской АССР и Кяхтинского аймака. Конечно же, это послужило очередным “доказательством” шпионажа в пользу Японии.

Обвинительный приговор П.С. Михно был вынесен 28 октября 1938 года (вместе с ним по списку проходил еще 41 человек):

«Третьим Отделом УНКВД по Иркутской области вскрыта и ликвидирована контрреволюционная, белогвардейская, шпионско-диверсионная, вредительская организация, действовавшая по прямым директивам японской разведки и руководителей закордонных РО В Совских организаций – генералов Сычева, Шильникова, Бакшеева. Указанная организация своей конечной целью ставила свержение советской власти путем вооруженного восстания в момент военного нападения на Советский Союз Японии и Германии и, в осуществление своих целей, охватив почти все отрасли народного хозяйства Восточной Сибири и красноармейские

⁵⁶ Там же. Л. 68–70.

части Забайкальского военного округа, проводила контрреволюционную, шпионско-диверсионную, террористическую, вредительскую и повстанческую деятельность. На основании изложенного обвиняются: ...12. Михно Петр Саввич – 1867 года рождения, уроженец г. Ромны бывшей Полтавской губ., украинец, гражданин СССР, из крестьян, бывший статский советник, образование среднее. До 1918 г. работал инспектором народных училищ 8 участка Забайкальской области. В 1918 г. входил в антисоветскую меньшевистскую организацию в г. Троицкосавске. В 1920 г. являлся одним из организаторов и руководителей контрреволюционной организации “Союз хлеборобов”. В период колчаковщины был членом городской думы. В 1922 г. судим за ввод китайских войск на территорию СССР. В 1931 г. арестовывался и привлекался к уголовной ответственности по ст. 58-9 УК РСФСР. До ареста директор Кяхтинского краеведческого музея проживал в г. Кяхте. Обвинен в том, что является агентом японской разведки, участником контрреволюционной белогвардейской организации РОВСа.

В японскую разведку завербован в 1920 г. в г. Троицкосавске японским агентом Успенским Сергеем Александровичем.

По заданию Успенского собирал и передавал ему для японской разведки шпионские материалы: об экономическом и политическом положении Забайкалья; о наличии в Забайкалье полезных ископаемых; об охране монгольской границы; о шоссейных и грунтовых дорогах приграничной полосы; о населенности приграничной полосы и об отношении пограничного населения к мероприятиям советской власти; о ходе коллективизации в Забайкалье; о Красноармейских частях Иркутского гарнизона; о военных заводах 104 и 125.

Для шпионской работы завербовал белогвардейца Блиновского.

За шпионаж от японской разведки через Успенского получил 40 000 руб.

В 1928 г. по указанию Успенского принимал участие в создании в г. Троицкосавске контрреволюционной белогвардейской организации. По заданию Троицкосавской белогвардейской организации был связан с членами подпольного штаба Иркутской белогвардейской организации – Козьминым и Буриным.

Был осведомлен о террористической и диверсионной деятельности Иркутской белогвардейской организации, – в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-1-а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР⁵⁷.

Виновным себя признал. Изобличается показаниями Бурина, Успенского».

Первого ноября 1938 года был вынесен приговор о расстреле П.С. Михно с конфискацией всего, лично принадлежащего ему, имущества. Приговор привели в исполнение 23 ноября 1938 года.

Шли годы. Наступила хрущевская “оттепель”, многие дела были пересмотрены. Эта участь постигла и архивно-уголовное дело П.С. Михно. Оказалось, что

“бывший сотрудник УНКВД по Иркутской области Троцкий, принимавший участие в аресте и допросах проходящих по этому делу лиц, за нарушение социалистической законности осужден”, а также “проверив материалы дела, военный трибунал Забайкальского военного округа находит, что в протесте правильно ставится вопрос об отмене постановления тройки УНКВД по Иркутской области от первого ноября 1938 года, но по тем же мотивам дело подлежит прекращению не за недоказанностью, а за отсутствием состава преступления”⁵⁸.

Это постановление относится к 11 февраля 1957 года. В “Заключении” по архивно-следственному делу П.С. Михно, в частности, так доказана невиновность ученого:

“Осужденный Михно П.С. на предварительном следствии показал, что в японскую разведку он был завербован в 1920 г. Успенским Сергеем Александровичем, в дальнейшем с которым имел организационную связь по шпионской деятельности. Успенский С.А. (осужден в 1938 г. к ВМН) хотя и показал на следствии, что он вербовал Михно в качестве агента японской разведки, но его показания в этом неубедительны в связи с тем, что он не указывает, при каких обстоятельствах им Михно был завербован. Откуда стало известно Бурину П.П. (осужден к ВМН) о принадлежности Михно к японской разведке, также из его показаний не известно.

Кроме того, причастность Михно к японским разведорганам сомнительна еще и тем, что его практическая шпионская деятельность о которой он – Михно, показал на следствии, в частности: по заданию Успенского он – Михно, путем личного наблюдения, и используя место своей работы в краеведческом музее, собирал и передавал ему сведения о настроении населения приграничной с Монголией полосы, о ходе коллективизации, как в пограничной полосе, так и по всему Забайкалью, а через Чиркова М.А., Громова И.П. и Буйновского со-

⁵⁷ Там же. Л. 142, 149, 150.

⁵⁸ Там же. Л. 467.

общал сведения о воинских частях иркутского гарнизона, о иркутской промышленности оборонного значения, никакими материалами дела не обосновано.

Чирков М.А. (осужден в 1938 г. к ВМН), в процессе следствия доводов Михно не подтвердил.

Громов за контрреволюционную деятельность не арестовывался и по делу Михно с Буйновским не допрашивался. Место их нахождения в данное время не установлено.

Проверкой установлено, что Козьмин П.П., названный Михно агентом японских разведорганов, с которым он имел в 1924 г. личное знакомство, последнего не подтвердил⁵⁹.

Справка о посмертной реабилитации П.С. Михно была выдана его внучке – Кузнецовой Валерии Николаевне.

* * *

Подводя некоторый итог флористическим исследованиям П.С. Михно в Забайкалье и Северной Монголии следует сказать, что они не только пополнили списки растений этих регионов новыми видами, но и позволили получить ботанико-географические данные относительно распространения уже известных растений в этом регионе. Особым вниманием исследователя пользовались споровые растения – грибы и лишайники. Что касается животного мира вышеназванных территорий, то П.С. Михно внес значительный вклад в изучение насекомых, а также пресмыкающихся и земноводных, не потерявший своего значения и в настоящее время. Таким образом становится очевидным, какой широчайший круг научных интересов был присущ Петру Саввичу Михно, он был знаком со многими известными естествоиспытателями как в России, так и за рубежом (лично или по переписке).

П.С. Михно – представитель того замечательного поколения исследователей-романтиков, которое ничего не жалело на благо науки и процветания родины – ни сил, ни времени, ни здоровья. Любовь к природе и ее познанию он сумел привить и своим ученикам, вспоминая о совместных экспедициях с учителем спустя много лет. В Кяхтинском музее сохранились богатые коллекции по ботанике, зоологии и геологии, собранные исследователем-натуралистом. Его трагическая судьба (оклеветание и расстрел) стали ярким примером политики власти в отношении людей науки, проводимой ею в 20-е–30-е годы XX столетия.

⁵⁹ Там же. Л. 732.

Основные даты жизни и деятельности П.С. Михно*

- 1867, 21 декабря** – в г. Ромны Полтавской губернии в семье казака родился П.С. Михно.
- 1888** – после окончания Глуховского учительского института приезжает в Троицкосавск на должность преподавателя естествознания четырехклассного городского училища.
- 1894, 13 июля** – П.С. Михно становится членом ТКОПОИРГО.
- 1898** – первая экспедиция П.С. Михно на озеро Косогол.
- 1900, июнь** – изучение флоры и фауны горы Бурин-хан.
- 1901, июнь** – поездка с исследовательской целью на Иринские минеральные воды.
- 1902, июнь–июль** – вторая экспедиция на оз. Косогол. П.С. Михно становится инспектором городского Троицкосавского училища.
- 1903** – награжден малой серебряной медалью Русского географического общества. Становится членом Русского энтомологического общества.
- 1904–1905** – изучение флоры Ямаровских минеральных вод.
- 1907** – становится членом-сотрудником ТКОПОИРГО. Переведен на должность инспектора народных училищ в г. Читу.
- 1908** – изучение животного мира и споровых растений Агинской степи.
- 1909–1910** – П.С. Михно являлся директором Читинского музея.
- 1910–1911** – возвращение в Троицкосавск, работа в Акшинском районе в качестве инспектора народных училищ.
- 1917** – инспектор народного образования в г. Чите.
- 1922–1937** – директор Кяхтинского краеведческого музея.
- 1927** – организация и участие в экспедиции по изучению животного и растительного мира Гусиного озера (Бурятия).
- 1930** – П.С. Михно собран гербарий, состоящий из 15 000 экземпляров лекарственных, ядовитых, эфирноосных растений Даурии для Химико-фармацевтического института в Новосибирске.
- 1931, январь** – арест и заключение П.С. Михно. Получил три года условно по сфабрикованному обвинению в принадлежности к партии социалистов-революционеров.
- 1937, 2 февраля** – арест и заключение во внутренней тюрьме УНКВД г. Иркутска по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии.
- 1938, 23 ноября** – П.С. Михно расстрелян по приговору “тройки” во внутренней тюрьме УНКВД г. Иркутска.
- 1957, 11 февраля** – посмертная реабилитация П.С. Михно.

* До 1917 г. даты приведены по старому стилю.

Библиография

Работы П.С. Михно

- Михно П.С.* Краткий отчет о поездке в Монголию на Иринские минеральные воды летом 1901 г. // Труды ТКОПОИРГО, 1902. СПб., 1903. Т. V, вып. 3. С. 6–15.
- Михно П.С.* Путевой дневник Косогольской экскурсии (с 2 фототипиями и картой) // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 1–24.

Работы, основанные на коллекциях П.С. Михно

- Берг Л.С.* Заметка о рыбах оз. Косогола // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 64–70.
- Герасимов А.П.* Заметка о геологических материалах, собранных Косогольской экскурсией // Там же. С. 72.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Бабочки, собранные между р. Джидой и оз. Косогол П.С. Михно // Там же. С. 71.
- Елпатьевский В.С.* Земноводные и пресмыкающиеся Забайкалья // Труды ТКОПОИРГО, 1906. СПб., 1908. Т. IX, вып. 1. С. 42–61.
- Карстен П.А.* Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно преимущественно на Ямаровских минеральных водах летом 1904 и 1905 гг. // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 60–64.
- Карстен П.А.* Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно около Читы в 1908 и 1909 гг. // Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1910. Т. XII, вып. 1/2. С. 108–113.
- Палибин И.В.* Материалы для флоры Забайкалья I. Растительность горы Бурин-хан // Труды ТКОПОИРГО, 1902. СПб., 1903. Т. V, вып. 1. С. 11.
- Палибин И.В.* Материалы для флоры Забайкалья. III. Растительность верховьев р. Джиды // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. 25–30.
- Палибин И.В.* Материалы для флоры Северной Монголии. V. Ботанические исследования между р. Джидой и оз. Косогол // Там же. С. 31–54.
- Райченко А.А.* О синезеленой водоросли *Nostoc pruniforme* Agardh // Там же. С. 55–63.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.* Ямаровка как курорт и будущая санатория для Восточной Сибири // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 1. С. 36–70.

- Титовский Н.Г.* Отчет об экскурсии на гору Бурин-ула летом 1900 г. // Труды ТКОПОИРГО, 1901. СПб., 1902. Т. VI, вып. 1. С. 81–96.
- Цальбрукнер А.* Забайкальские лишайники // Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1910. Т. XII, вып. 1/2. С. 73–95.
- Якобсон Г.Г.* Насекомые, собранные в 1900, 1902 и 1903 гг. П.С. Михно в Забайкалье // Труды ТКОПОИРГО, 1907. СПб., 1909. Т. X, вып. 1/2. С. 13–29.
- Brotherus V.F.* Fragmenta ad floram bryologicam Asiae orientalis cognoscendam. I // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3, С. 10–19.
- Brotherus V.F.* Fragmenta ad floram bryologicam Asiae orientalis cognoscendam. II // Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. С. I–VIII.

Литература о П.С. Михно

- Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 180. (Жизнь замечательных людей).
- Константинов М.В.* Петр Михно: Арестованное краеведение // Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Чита, 1997. С. 46–50.
- Котов И.* Краевед Забайкалья // Правда Бурятии. 1967. 21 дек.
- Ларичев В.Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблемы родины человека: (История идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. С. 200–202.
- О юбилее П.С. Михно // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 207.
- Попов В.В.* Михно как краевед // Бурятияведение. 1927. № 3/4. С. 59–63.
- Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 473.

Архивные источники

- Архив УФСБ Республики Бурятия. Д. 3720. Л. 732. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 35. Л. 72.

Использованная литература

Исследования

На русском языке

- Будков Я.* Короеды, найденные в лесной даче Петровского Завода Кабинета его Величества в Забайкальской области // Тр. Рус. энтомол. о-ва. 1987. Т. XXXI. С. XLVII–LIX.
- Васильев А.В., Криштофович А.Н.* И.В. Палибин // Ботан. журн. 1950. № 6. С. 684–688.
- Комаров В.Л.* Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 г. // Изв. ИРГО. 1905. Т. 41, вып. 1. С. 23–154.

- Максимович К.И.* Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. СПб., 1889. Вып. 1. С. 1–11.
- Моравиц Ф.* Список насекомых, собранных А.М. Хлебниковым около Кяхты // Тр. Рус. энтомол. о-ва. 1876. Т. VIII. С. 323–324.
- Палибин И.В.* Очерк растительности монгольских степей между Ургой и Калганом // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3. С. 24–39.
- Перетолчин С.П.* Физико-географический очерк оз. Косогол с картой, чертежами и 7 таблицами рисунков // Труды Общества естествоиспытателей при имперском Казанском университете. 1903. Т. XXXVIII, вып. 1. С. 54.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1. СПб., 1881. С. 262–265.
- Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 1. С. 512–513.
- Радаков В.Н.* Очерк орнитологической фауны Забайкалья // Изв. О-ва любителей естествознания. 1890. Т. VIII, вып. 1. С. 225–229.
- Руднев А.Д.* Бурин-Хан – Ула // Изв. ВСОИРГО. 1900. Т. XXXI, № 1/2. С. 26–41.
- Семенов П.П.* История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. СПб., 1896. С. 103.
- Талько-Грынцевич Ю.Д., Моллесон М.И.* Отчет о деятельности Отделения, составленный правителем дел Ю.Д. Талько-Грынцевичем и консерватором музея М.И. Моллесон // Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 2. С. 21–65.
- Труды ТКОПОИРГО, 1902. М., 1902. Т. V, вып. 1. 165 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 1. С. 32–33.
- Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 2. 65 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1904. СПб., 1905. Т. VII, вып. 3. 224 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1. 68 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1905. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 3. 80 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1906. СПб., 1908. Т. IX, вып. 1. 87 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1907. СПб., 1909. Т. X, вып. 1/2. С. 7, 9
- Труды ТКОПОИРГО, 1909. СПб., 1911. Т. XII, вып. 1/2. 161 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1910. СПб., 1911. Т. XIII, вып. 1. 74 с.
- Труды ТКОПОИРГО, 1910. СПб., 1912. Т. XIII, вып. 2. С. 174.
- Труды ТКОПОИРГО, 1911. СПб., 1912. Т. XIV, вып. 1/2. С. 19.
- Труды ТКОПОИРГО, 1912. СПб., 1913. Т. XV, вып. 2. 84 с.
- Федченко Б.А.* Материал для флоры вершин г. Мунку-Сардык и берегов оз. Косогол // Приложение к протоколу заседаний Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. 1902. № 201. С. 1–20.

Прочие

- Turczaninow N.* Flora Baicalensi-Dahurica. Mosquae, 1842–1845. Vol. I. P. 17–18.

Сретенский врач и естествоиспытатель Александр Капитонович Белявский (1872–1931)

Наряду с Читой, Троицкосавском (Кяхтой) и Нерчинском, четвертым культурным и научным центром Забайкалья в конце XIX – начале XX века стал Сретенск. К концу XIX века, благодаря своему выгодному географическому положению (расположен на речном пути, связывающем Сибирь с Дальним Востоком), а также постройке здесь железной дороги, увеличившей объем транзита различных грузов, Сретенск из маленькой казачьей станции превратился, как тогда говорили, в “родину Амурской флотилии”, здесь появились телеграф, почтовая контора, а также войсковая казачья больница¹. Сюда устремились служащие из Европейской России, многие из них были не только заинтересованы выгодными условиями сибирской службы, но и проявляли большой интерес к исследованию Забайкалья. Одним из представителей новой волны российской интеллигенции, прибывшей на работу в Даурию на рубеже двух столетий, стал врач Александр Капитонович Белявский (1872–1931), проживший в Сретенске более тридцати лет. Этот человек лучшие годы своей жизни посвятил изучению Забайкалья в естественноисторическом, этнографическом и медико-санитарном отношениях, его перу принадлежит свыше пятидесяти работ по исследованию края. А.К. Белявский с гордостью говорил, что «если, по выражению И.И. Мечникова, “Россия – жемчужина нашей планеты”, то Забайкалье – одно из самых интереснейших мест России»². Имя доктора Белявского до сих пор с благодарностью вспоминается сретенцами, ими также сохраняется деревянный дом врача (по адресу – ул. Партизанская 63). Несмотря на добрую память населения о враче, всегда готового словом и делом помочь каждому нуждающемуся, почти отсутствует какая-либо литература о жизни и деятельности исследова-

¹ Головачев Д.М. Поселки по линии Забайкальской железной дороги. Чита, 1908. С. 46–47; Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, 1901–1902 гг. СПб.; М., 1902. С. 261–263; Сретенск и его пути сообщения для отправки войск и грузов в районе военных действий в 1900 г. // Военный сборник. 1900. С. 145–165.

² Цит. по: Петряев Е.Д. Люди и судьбы: Очерки по истории и культуре Забайкалья. Чита, 1957. С. 114.

дователя (за исключением нескольких газетных и журнальных статей в местной печати), а его весьма значительное научное наследие до сих пор не только не опубликовано, но даже вовсе не упоминается историками науки. Данная научная биография А.К. Белявского – первая, позволяющая оценить его вклад в развитие науки в Забайкалье.

Источником к написанию данной научной биографии послужил прежде всего богатый личный фонд А.К. Белявского, хранящийся в ГАЧО и включающий в себя рукописи неопубликованных работ исследователя, затрагивающие самые различные научные проблемы (начиная с эндемической краевой патологии и кончая забайкальским фольклором). Кроме того, весьма важные факты были нами почерпнуты от старожилов города Сретенска: А.П. Мариненко, О.П. Мичуриной, К.М. Звонаревой. Работы А.К. Белявского заслуживают самого пристального внимания историков науки, они весьма оригинальны и информативны, совершенно неизвестны исследователям. Как уже упоминалось выше, всего несколько статей в газетах “Забайкальский рабочий” и “Советское Забайкалье”, а также в “Календаре знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области”, “Известиях” Иркутского государственного научного музея и двух брошюрах краеведа Е.Д. Петряева, составляют всю историографию работ о незаурядном враче – исследователе, ставшем своего рода “энциклопедистом” не только Сретенска, но и всего Забайкалья³. Задача настоящей биографии – насколько возможно полно представить научное наследие А.К. Белявского, до конца жизни посвятившего себя исследованию Забайкалья и оставшегося здесь, несмотря на заманчивые предложения места преподавателя в университете и перевода в другие, более крупные города.

Александр Капитонович Белявский родился на Урале, в Илецкой Защите Оренбургской губернии, 21 августа 1872 года. Он происходил из многодетной небогатой семьи и, учась в Оренбургской гимназии, с 13 лет вынужден был работать – давать частные уро-

³ Афанасьев, Мармаленский. А.К. Белявский: (Некролог) // Советское Забайкалье. 1931. 6 мая; Барбас Г.И. 30 лет работы // Забайкальский рабочий. 1926. 29 сент.; Бардакова В.В. 120 лет со дня рождения врача, исследователя Забайкалья, А.К. Белявского (1872–1931) // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области. Чита, 1992. С. 43–47; Бондаренко С.В. Забытый краевед // Известия Иркутского государственного научного музея. Иркутск. 1937. Т. 2. С. 107–117; Павлова Г. Врач, ученый, просветитель // Советское Забайкалье. 1988. 13 сент.; Петряев Е.Д. Люди... С. 102–113; Он же. Краеведы... С. 14; Самойлова Е. Патриот, ученый, исследователь // Советское Забайкалье. 1969. 9 авг. Хавкин О.А. Специалист, человек, гражданин // Забайкальский рабочий. 1946. 17 нояб.

ки. Юный гимназист с детских лет проявлял большой интерес к естествознанию и даже помогал готовить биологические препараты для Оренбургского городского училища. Во время каникул Александр охотился и рыбачил, помогал косить и убирать хлеб. Благодаря стипендии казачьего войска, в 1890 году юноша поступил на медицинский факультет Казанского университета, в стенах которого преподавали выдающиеся профессора, основавшие свои школы и прославившие российскую науку. С особенным благоговением всю свою жизнь А.К. Белявский вспоминал профессора зоологии Н.И. Мельникова (1840–1900), выдающегося энтомолога и сторонника теории Ч. Дарвина. Мельников обработал коллекцию бабочек, собранную А.М. Бутлеровым, привел в порядок университетский ботанический сад и зоологический музей. Неоднократно с научной целью он бывал в Сибири (Казанский университет являлся своего рода “покровителем” первого сибирского университета в Томске) и, возможно, именно в беседах с профессором у А.К. Белявского возникла идея о поездке туда и продолжении изучения этого обширного и загадочного края. В 1896 году он окончил Казанский университет и обязан был в течение девяти лет нести службу военного врача в казачьих войсках, отработывая казенную стипендию. Первый год врачебной практики начался для Александра Капитоновича с борьбы с эпидемией дифтерии, разразившейся в Оренбургской губернии. Молодой врач сам заразился этой опасной болезнью и перенес ее в тяжелой форме, с осложнением в виде поражения нервной системы по типу общего полного паралича. Выздоровление принесла противодифтерийная сыворотка, а пример собственной болезни стал материалом для первой научной статьи Белявского “Случай общего полного паралича после дифтерита”, опубликованной в 1898 году в “Еженедельнике практической медицины”. После выздоровления А.К. Белявский переезжает сначала в Ковно, а затем в Кальварию Сувалкской губернии, находящиеся на территории разделенной Польши, где работает младшим врачом казачьего полка. К этому времени относится его знакомство с одним из выдающихся российских хирургов Н.А. Богоразом.

1898 год стал переломным в жизни А.К. Белявского: его перевели в забайкальский город Сретенск на должность младшего врача войсковой 50-коечной больницы. Несмотря на многочисленные предложения покинуть Даурию, молодой врач раз и навсегда посвятил себя изучению края и не отступил от этой благородной цели. В одной из своих работ он отмечал, что

“Забайкалье издавна привлекало внимание многих видных ученых-исследователей самобытностью природы, почвы, климата и оригинально сложившимся бытом”.

Александр Капитонович, следуя их примеру, с большим энтузиазмом принялся сначала за изучение литературы, имевшейся в то время о Забайкалье, а затем за проведение собственных исследований края. Путь через всю Европейскую Россию и часть Сибири до Стретенска произвел на А.К. Белявского неизгладимое впечатление.

“Мы еще застали Забайкальскую железную дорогу в периоде постройки и укладки”, – писал он, – “и весь путь от г. Иркутска до Стретенска сделали по Московскому тракту на лошадях. Поэтому нам пришлось видеть то оживление, которое внесла железная дорога в край, до того малонаселенный и представлявший много неудобств и лишений вольным и невольным выходцам из Европейской России”⁴.

В весьма трудных условиях приходилось Белявскому вести борьбу за жизнь и здоровье пациентов. Александр Капитонович вспоминал:

«До 1897 года медицинская помощь населению Забайкалья стояла на такой низкой степени, что скорее ее можно было назвать “медицинской беспомощностью”, и народное здоровье находилось почти исключительно в руках знахарей, шаманов и лам. Условия врачебной деятельности были до того тяжелы и беспросветны, что шли сюда только те врачи, которые до того опустили, что нигде в другом месте не были терпимы. И конечно это обстоятельство, в связи с необозримыми участками, скудным отпуском медикаментов и пр. не способствовало процветанию медицины»⁵.

Однако данные условия не заставили Александра Капитоновича опустить руки. Дабы лучше узнать методы лечения, применяемые ламами и шаманами, он целенаправленно изучал не только опубликованные по этому вопросу научные работы (среди которых выделялась книга Н.В. Кирилова “Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины”⁶), но также и на практике посещал и расспрашивал лам и шаманов. Служебные обязанности А.К. Белявского, связанные с многочисленными командировками-разъездами, способствовали его знакомству с жизнью и бытом коренного населения Забайкалья – бурят и тунгусов, а также старообрядцев – “семейских”. Начало его научных исследований в Даурии относится к 1903–1904 гг., когда Белявский жил в казачьей станице Кударе на реке Чикой, у самой границы с Монголией. Он вспоминал:

⁴ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 3.

⁶ Кирилов Н.В. Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины. СПб., 1892.

“Жизнь в Кударе заставила заняться и глубоко заинтересоваться окружающим, интересным и малоизученным миром. Я полагаю, что год, проведенный на монгольской границе, послужил мне, так сказать, краеведческой зарядкой. Здесь я впервые стал записывать виденное, делая выписки из книг, которые необходимо было достать для изучения края”⁷.

Именно служебные разъезды по Забайкалью дали возможность А.К. Белявскому заняться этнографией области, в результате из под его пера вышло два этнографических исследования, оставшихся в рукописях: “Шаманство” и “Буряты”.

Весьма заинтересовали ученого слова знаменитого исследователя Сибири Г.Н. Потанина, который так писал о шаманах и шаманизме:

“Шаманская способность – врожденная, обучением приобретает только знание навыков и обрядов. Иногда эта способность передается по наследству, как нервная болезнь. Человек, которому суждено природой сделаться шаманом, рано начинает чувствовать свое предрасположение: он видит высшие силы, испытывает болезненные припадки”⁸.

Весьма красочно описан А.К. Белявским следующий случай, перевернувший его отношение (приверженца традиционной медицины) к народному знахарству. Белявский писал:

“Мне пришлось случайно присутствовать при лечении шаманом больной. Летом в полдень я ехал на лошадях по унылой Аргунской степи от станции Маньчжурия до Старого Цурухайтуя. Кругом ни кусточка, жара невыносимая, хотелось куда-нибудь укрыться”⁹.

Доктор остановился возле двух войлочных юрт, одиноко стоявших среди степи, впоследствии оказалось, что они принадлежали местному шаману – крещеному тунгусу Николаю Гаученову.

«Он производил приятное впечатление умного, “себе на уме” тунгуса, с выразительными глазами и подвижной мимикой. Видимо старался быть медлительным и вежливым, но его пылкий темперамент прорывался как в разговоре, так и в движениях», – пишет далее А.К. Белявский¹⁰.

Доктор попросил у шамана разрешения сфотографировать его, на что тот с удовольствием изъявил свое согласие и оделся в свой характерный костюм, состоящий из кафтана, увешанного многочисленными металлическими пластинками и погрешушка-

⁷ Цит. по: *Петряев Е.Д.* Люди... С. 105.

⁸ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же.

ми, изображавшими птиц и зверей, а также надетого на голову железного обруча с рогами. Лицо шамана было завешено плетеными ремешками, в руках он держал бубен и колотушку. После фотографирования Николай Гаученов пригласил приезжего доктора посмотреть на методы его врачевания. Белявский подробно описывает свои впечатления:

«Мы вошли в пустую юрту, где на земляном полу лежала связанная молодая женщина, по-видимому, в истерическом припадке. Шаман медленно подошел к ней, уставился на нее глазами и вдруг ударил в бубен под самым ее ухом. Больную подбросило как от электрического удара, тело ее изогнулось в дугу, глаза как бы выскочили из орбит и уставились на шамана. Через несколько секунд он ударил в бубен в другой, третий, четвертый раз, все сокращая промежутки между ударами. Бубен гремел, тело больной извивалось, веревки впились в тело, нечеловеческий крик вырывался из груди больной, на которую было страшно смотреть. Но через несколько минут движения больной стали медленнее, она закрыла глаза, лицо покрылось росинками пота, и она вскоре уснула крепким сном, несмотря на продолжавшиеся удары бубна. Шаман отходил от больной, удары бубна стали реже и глуше. Шатаясь и обливаясь потом, шаман вышел из юрты и снял свой костюм. Лицо его было мертвецки бледно и только глаза горели вдохновенным огнем. Мне в ту же минуту вспомнилось из физиологии действие однообразных звуков на нервную систему: сон артиллериста под гром орудия и мельника под шум мельничного колеса, чем пользовались и пользуются европейские гипнотизеры для погружения в сон своих пациентов при гипнотическом внушении. И в это время я не так легкомысленно отнесся к искусству своего “коллеги”: я убедился, что и шаман знает кое-что в медицине, как в диагностике, так и в терапии, так что с тех пор я стал разделять взгляды Потанина на шаманов. По моему мнению, шаманы – преимущественно избранные натуры, с более тонкой нервно-психической организацией, граничащей может быть с истерией и эпилепсией, обладающие способностью внушения и приносящие нередко посильную пользу в деле лечения нервных болезней, столь распространенных среди инородцев. Кроме того, шаманы, как люди более развитые и способные, могут быть друзьями, давая советы в затруднительных случаях жизни. Конечно, среди них есть обманщики, но большинство – несомненно искренние люди, верующие в свое призвание и искусство»¹¹.

¹¹ Там же. Л. 9, 10.

А.К. Белявский называл шаманов “светочем среди инородцев”, по его данным в Забайкалье в конце XIX – начале XX века проживало около четырех тысяч шаманистов. Он подробно описывал мировоззрение и верования этих людей. Согласно им, шаманы – существа, живущие на границе двух крайних миров, и по мере надобности могут посещать как тот, так и другой. Если шаман хочет сделать зло, он обращается прямо в ад и вызывает духа, который беспрекословно повинуется и боится его, ведь шаман устрашает духов, гоняясь за ними с плетью и гремя металлическими подвесками и погремушками своего костюма. Белявский описывал, как в экстазе шаманы предсказывали будущее в иносказательных выражениях и привел некоторые из них, например: “Златоглавая змея моя, Амарга, пьющая из вершин рек, шагающая по вершинам гор”, или “Левой рукой держусь за радугу, правой – за небо”. Эти прорицания шаманисты объясняли следующим образом: во время экстаза ум шамана засыпает и туда входят духи, которые и предсказывают будущее.

Весьма интересны понятия шаманистов о мироздании, подробно описанные А.К. Белявским. Они считали, что миром управляет “лысый отец” – бесстрастное и непреклонное божество, к нему бесполезно обращаться с молитвами и жертвоприношениями, его невозможно прогневить или умалить. Главным же божеством, принимающим участие в судьбе человека, является злой могущественный дух Улус-Ханнат Улу тойен, который вместе со своим другом Аревен-Далой насыпает на человека и его скот болезни и бедствия. Поскольку добрые духи делают людям только добро, молиться им и приносить жертвы не стоит, это, по мнению шаманистов, нужно делать по отношению к злым духам, чтобы умиловить их. Вот почему при еде и питье они всегда “давали поесть” и злым духам. “Одной из особенностей шаманства в Восточной Сибири”, – писал А.К. Белявский, – “является почитание тунгусами медведя. Убивая его, они, дабы не прогневить духов, говорят, что убили его русские”¹². Интересно, что шаманисты весьма почитали русскую икону Николая Угодника, называя русского святого “белый старик” (Цаган-Убугун) и на праздник его посещали русские храмы и жгли свечи. Так причудливо в мировоззрении коренного населения Забайкалья переплелось язычество и христианство.

Представления шаманистов о душе, описанные А.К. Белявским, весьма оригинальны. По их мнению, у каждого человека при жизни есть две тени (у обманщиков – три), которые после смерти сопровождают их в “улусы абагы”, где душа превращает-

¹² Там же. Л. 3.

ся в злого или доброго духа, в зависимости от поступков при жизни, а также в “эры”, которые по приказанию злых духов могут вселяться в живых и вызывать различные заболевания.

“Когда люди приносят недостаточно жертв злым духам, они насылают массовые бедствия. Избавиться от этих бедствий можно только чрезвычайными жертвоприношениями (тайлаганами)”¹³.

По мнению шаманистов, и при жизни душа иногда разлучается с телом, это происходит во время сна или бессознательного состояния, тогда душа отлетает от тела и витает, а иногда отлетает так далеко, что заблудится и возвратится к телу только тогда, когда телесная оболочка уже станет для нее непригодной (так объясняются, в частности, случаи внезапной смерти). В течение первой ночи после смерти душу водит злой дух по тем местам, где при жизни бывал умерший, и там, где он грешил, наказывает ее. Злой дух не властен над душой лишь в тех местах, где ему поставлено препятствие в виде деревянных крестов, которыми шаманисты окружали свои юрты (снова – причудливое переплетение христианства и язычества). Особенно боялись шаманисты принести с собой с погребения “духа смерти” и поэтому избавлялись от него следующим образом: разводили у входа в юрту костер и перепрыгивали через него (тогда дух, боящийся огня, терял свои намеченные жертвы), а также развешивали над ним одежду умершего, дабы изгнать злого духа, если он вздумает спрятаться в складках ткани. “Последняя манипуляция”, – отмечал Белявский, – “не лишена рационального основания, так как служит мерой, дезинфицирующей платье в случае заразной болезни”¹⁴.

Как указал в своей работе исследователь, русское население также постепенно стало поклоняться шаманским духам и идолам, надеясь на исцеление, подобно тому, как шаманисты почитали крест и Николая Угодника. Следует подчеркнуть, что изучение народной медицины и знахарства в Забайкалье принесло много нового и в традиционную науку, что очень хорошо понял врач Александр Капитонович Белявский, соприкоснувшись ближе с необычными методами лечения.

К началу XX века в российской печати появилось некоторое количество работ, посвященных этнографии народов Сибири, как правило, небольшое место в этих сочинениях занимало упоминание о коренном населении Забайкалья – бурятах и тунгусах (среди

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же.

них следует назвать исследования Н.М. Ядринцева, А.Н. Пынина, К. Ельницкого и Н. Астырева)¹⁵. Наряду с этим, в указанный период появились и специальные работы, как центральных, так и местных исследователей, посвященные вопросам этнографии Даурии. Особенно большой материал собрала в 1897 году прибывшая в Забайкалье комиссия статс-секретаря А.Н. Куломзина для исследования землевладения и землепользования, опубликовавшая результаты своего этнографического изучения¹⁶. Весьма важная информация об экономическом положении “инородческих хозяйств” была получена участниками Агинской экспедиции Читинского отделения ПОИРГО, и, прежде всего, Д.М. Головачевым и В.В. Солдатовым, она вошла в VII выпуск “Трудов Агинской экспедиции”¹⁷. Обычаями и верованиями забайкальских бурят занимался авторитетный этнограф (юрист по профессии), ссыльный М.А. Кроль, опубликовавший свои статьи по данному вопросу в нескольких сибирских изданиях¹⁸. Некоторые сведения по этнографии бурят и тунгусов (ороченов) в конце XIX – начале XX века собрали проживавшие в Забайкалье фельдшер П.К. Белецкий, врач П.Г. Мацокин, кяхтинский музыкант Г.М. Осокин и кяхтинский юрист В.В. Птицын¹⁹. Несомненно, что обладая едва ли не самой богатой в Срегенске библиотекой и регулярно выписывая большое количество лите-

¹⁵ *Астырев Н.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891; *Ельницкий К.* Инородцы Сибири и среднеазиатские владения России: Этнографические очерки. СПб., 1908; *Пынин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4: Белоруссия и Сибирь; *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

¹⁶ *Разумов Н., Сосновский И.* Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря П.А. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Население, значение рода у инородцев и ламаизм. СПб., 1898.

¹⁷ *Головачев Д.М.* Население Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Чита, 1911. Вып. 7. С. 1–94; *Солдатов В.В.* Хозяйственный быт инородцев Агинской степи // Там же. С. 96–366.

¹⁸ *Кроль М.А.* Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Известия ВСОИРГО. 1894. Т. XXV, вып. 1. С. 34; *Он же.* О забайкальских бурятах // Записки ЧОПОИРГО. Чита, 1896. Вып. 1. С. 1–26; *Он же.* По кочевьям забайкальских бурят // Новое слово. 1897. № 5. С. 107–126; *Он же.* Эволюция землепользования у забайкальских кочевников // Научное обозрение. 1900. № 6. С. 1101–1119; № 7. С. 1229–1296.

¹⁹ *Белецкий П.К.* Баргузинские орочены // Вестник знания. 1904. № 1. С. 141–148; *Мацокин П.Г.* Метисы Забайкалья // Записки императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. 16, № 1; *Осокин Г.М.* На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906; *Птицын В.В.* Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края. СПб., 1896.

ратуры как на русском, так и на иностранных языках. Александр Капитонович Белявский был знаком с вышеупомянутыми новинками в области этнографии Забайкалья. Он считал нужным и полезным для пополнения знаний о даурских автохтонах (аборигенах) фиксировать собственные наблюдения, почерпнутые им в многочисленных поездках по области, которые и легли в основу его статьи “Буряты”²⁰. Белявский собирал материалы и по этнографии эвенков, посетил лежащие недалеко от Сретенска тунгусские селения Усть-Дая, Дая, Даякон, Верхняя Куренга и др. и отметил, что тунгусы “по лингвистическим особенностям стоят на первом месте среди сибирских инородцев, так как без акцента говорят по-русски”²¹. Рукопись А.К. Белявского “Буряты”, к сожалению, не была окончена, однако и существующая ее часть весьма увлекательно, в научно-популярной форме, описывает этот народ. Основной акцент Александр Капитонович, как врач, делал на физический тип, а также санитарно-гигиенические условия жизни и пищу бурятского населения. Врач отмечал, что мужчины-буряты редко доживали до 60-ти лет, а женщины быстро старели. В характере кочевников он выделил флегматичность, миролюбие, любознательность и гостеприимство. В конце XIX века многие буряты перешли, по примеру русских поселенцев, к оседлому образу жизни и земледелию. По свидетельству А.К. Белявского, указавшего в своей работе и количество пахотных десятин, приходящихся на бурят в каждом уезде Забайкальской области, они “превзошли в земледелии своих учителей”, а “в отношении скотоводства не имеют себе соперников во всей России, не исключая и киргизы”²². Описав юрту бурята-кочевника, Александр Капитонович отмечал, что со временем, особенно оседлые номады, поселялись в деревянных зимовьях с русской печью. “Буряты рассказывают”, – вспоминал ученый, –

“что первые поселившиеся в избе подверглись гневу онгонов (духов), которые ночью и задушили немало отступников от старины, и только обильными жертвоприношениями удалось умиловить разгневанных грозных богов. Но дело объяснялось проще. Буряты не умели сначала обращаться с русскими печами и рано закрывали трубы для большего тепла, а потому ночью угорали до того, что утром соседи вытаскивали их на снег даже мертвыми”²³.

²⁰ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 31.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 6.

По свидетельству А.К. Белявского, бурятские скотоводческие хозяйства обладали значительным экономическим потенциалом, бурятский скот составлял 38,3% всего поголовья скота в Забайкалье (лошади –30,4%, крупный рогатый скот 43,7%, мелкий скот – 38% от общего числа голов в области). В Забайкалье бурятам принадлежало 14% всей распаханной земли. Ученый отмечал и то уважение, с которым русское население относилось к бурятам (“братским” на сибирском наречии), записав мнение о них старожилов: “У братских не по-нашему, все артельно, ломоть хлеба они разделят всем по равным кусочкам, кто бы ни случился в улусе”²⁴. Ученый также описал “аба” – бурятскую зверопромышленную артель, в которой собиралось до тысячи охотников, члены ее оказывали друг другу посильную взаимопомощь.

Для врача А.К. Белявского интересны были и обычаи, идущие вразрез с правилами санитарной гигиены: ношение одежды двумя-тремя поколениями, смазывание тела маслом при сильных холодах, редкое умывание и отказ от мытья в бане. Дабы волосы казались более густыми, бурятские женщины вплетали в косы конский волос. Пища этих забайкальских автохтонов, хотя и весьма оригинальная, готовилась в санитарных условиях, заставлявших желать много лучшего. Она состояла из жирной баранины, молока, кирпичного чая, “затурала” (муки, поджаренной на масле или сале) и “арсы” (полужидкого творога, получаемого при перегоне молока в водку, которую сливали в кадки, при употреблении в пищу разводили водой или молоком и кипятили с добавлением муки). Мясо буряты опускали в кипящий рассол и варили на ветру. Белявский отмечал и крайнюю нечистоту используемой ими посуды.

Из праздников и развлечений этого коренного населения Забайкалья ученый особенно подробно описал так называемый “праздник на обонах”. “Обо” – куча камней или хвороста в священном для бурят месте, где раньше шаманы приносили жертвы, к ним привязывались “хадаки” – разноцветные шелковые платочки и ленты. Здесь устраивали конные состязания в честь доброго гения Далха. Белявский А.К. привел в своей работе и количественное распределение “братских” в Забайкалье согласно их верованиям. На тысячу представителей этого коренного населения 917 были ламаитами, 64 – православными, 16 – шаманистами, 3 – приверженцами прочих вероисповеданий (старообрядцами, мусульманами, католиками, баптистами).

Белявский А.К. интересовался также образом жизни и традициями забайкальских старообрядцев, так называемых “семей-

²⁴ Там же.

ских”, заселявших долины рек Чикоя и Хилка в юго-западной части области. Они были насильственно переселены в Сибирь в 1755–1780 гг. с восточных территорий бывшей Речи Посполитой. Предметом изучения А.К. Белявского стал также и язык семейских, говоривших на особом наречии.

Выше уже упоминалось, что сфера научных интересов А.К. Белявского была столь широка, что включала в себя весьма далекие друг от друга области знаний. Ученый так писал об этом в одной из своих работ:

“Изучение края особенно важно и необходимо и не отрывочное, не эпизодическое, а всестороннее, и еще добавим – не безотносительное”²⁵.

Следуя им самим выработанному принципу, А.К. Белявский активно прорабатывал казалось бы весьма далекую от интересов своей основной специальности тему – историю Забайкалья. Ей посвящены восемь работ исследователя, из них только две были опубликованы, причем на личные средства автора²⁶.

Две исторических работы А.К. Белявский посвятил основоположникам систематического изучения Забайкалья, ставших вдохновителями практически всех культурных начинаний в крае – декабристам: “Декабристы в Забайкалье” и “Декабрист Завалишин как основатель г. Читы”²⁷. При написании данных очерков А.К. Белявский использовал прежде всего опубликованные в последней четверти XIX века мемуары декабристов (в основном в журналах “Русская старина” и “Русский архив”), а также воспоминания забайкальских старожилов и доступные ему на месте неопубликованные документы и материалы того времени. “Они во тьме рудников засияли, как драгоценные камень”, – такой яркий эпитет употребил исследователь по отношению к декабристам²⁸. По мнению А.К. Белявского, декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин после освобождения из тюрьмы в Петровском Заводе и выхода на поселение оставшийся в Чите и проживший здесь с 1839 по 1862 год, был “первым серьезным краеведом Забайкалья”. Завалишин составил лучшую для того времени карту Даурии, которой пользовались все администраторы. Когда в 1851 году была образована Забайкальская область и все шансы на то, чтобы стать ее столицей, имел старинный и большой город Нерчинск, Д.И. Завалишин ходатайствовал перед генерал-губернато-

²⁵ Там же. Д. 37. Л. 7.

²⁶ Белявский А.К. Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925; *Он же*. Сретенск: Очерк по краеведению. Сретенск, 1928.

²⁷ Там же. Д. 59–60.

²⁸ Там же. Д. 59. Л. 7.

ром Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским о присвоении статуса областного центра маленькой Чите, мотивируя это ее выгодным географическим положением. В 1849 году Завалишин опубликовал статью “О причине упадка Нерчинских заводов и способах восстановления их”, представленную Н.Н. Муравьеву, в которой доказал невыгодность для государственной казны добычи и выплавки здесь серебра, предлагая активно разрабатывать золотые прииски²⁹. Это предложение было принято и последовательно воплотилось правительством в жизнь. Перу Д.И. Завалишина принадлежат многочисленные статьи по истории, народным промыслам, разного рода статистике Забайкалья³⁰. Он, например, опроверг традиционную точку зрения, называвшую основателем Читы казака Петра Бекетова, утверждая на основании сохранившихся, начиная с 1690 года, документов, что Читинский острог был заложен позднее, после 1675 года, а не в 1654, как считалось ранее. Александр Капитонович Белявский на собственные средства, к столетнему юбилею восстания декабристов, в 1925 году, издал одну из своих работ – “Декабристы в Забайкалье”.

Еще одной историко-биографической статьей, посвященной предшественнику – исследователю Забайкалья, стал очерк “Биография А.К. Кузнецова”³¹. Выше уже упоминалось, что Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928) был основателем Нерчинского и Читинского музеев, а также активнейшим деятелем Читинского отделения ПОИРГО. Белявский А.К. хорошо знал Кузнецова, неоднократно заседания Забайкальского общества врачей происходили в залах Читинского музея (на одном из таких заседаний сретенский врач делал доклад “Забайкалье как климатическая станция”, отметив все положительные и отрицательные для здоровья стороны климата региона³². Он назвал его “самым видным забайкальским краеведом” и счел своим долгом после смерти Кузнецова (12 ноября 1928 года) написать его научную биографию. В ней он особо отметил собранную директором Читинского музея в 1895 году в низовьях р. Ингоды, на р. Онон и в Агинской степи петрографическую коллекцию, имевшую особое научное значение благодаря сотрудничеству известного инженера,

²⁹ Завалишин Д.И. О причине упадка Нерчинских заводов и способах восстановления их // Русская старина. 1881. Октябрь. С. 389; *Он же*. Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906.

³⁰ Завалишин Д.И. Документы, относящиеся к Сибири // Русская старина, 1881. Октябрь. С. 387–418; *Он же*. Забайкальский край // Московские ведомости. 1885. № 6; *Он же*. О кустарных промыслах в Забайкалье // Там же. 1886. № 210; *Он же*. К истории о г. Чите // Владивосток. 1886. № 31–32.

³¹ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 66.

³² Там же. Д. 64.

члена Забайкальской горной партии, А.П. Герасимова. Кузнецов А.К. был автором ряда работ по истории, археологии, животноводству в Забайкалье³³. Белявский писал о нем: “Заслуги А.К. Кузнецова перед Забайкальем неизмеримо велики и всем нам могут служить примером”³⁴.

В обширной незаконченной работе “История Забайкалья” А.К. Белявский основное внимание уделил пребыванию здесь на каторге политических ссыльных – поляков и декабристов, в целом истории Нерчинской и Карийской каторги, упоминание о которых вызывало содрогание не только в России, но и за ее пределами (они произвели огромное впечатление на посетившего их американца Джорджа Кеннана, впоследствии написавшего книгу “Сибирь и ссылка”). А.К. Белявский описал жизнь польских ссыльных на Нерчинской каторге, возникновение их подпольной организации “Огул”, а Нерчинский Завод назвал “столицей забайкальских польских изгнанников”³⁵. Исследователь владел польским языком, так как использовал в своей работе произведение ссыльного поляка Агатона Гиллера “Описание Забайкальской области в Сибири”, рассказывающее в том числе и о судьбе повстанцев 1830 года: П. Сцегенного и П. Высоцкого, о пребывании последнего в Акатуевском руднике³⁶. Излагая историю жизни декабристов в тюрьмах Читы и Петровского Завода, Белявский особо выделил личность коменданта Нерчинских рудников и начальника тюрьмы декабристов генерала Станислава Романовича Лепарского (1754–1837), поляка по происхождению, отличавшегося тактичным и гуманным отношением к заключенным, заслужившего этим признательность узников. “Прощаясь с комендантом, – писал исследователь, – уезжавшие декабристы старались выразить ему ту благодарность, которую раньше показать считали неуместною”³⁷. Ученый не обошел своим вниманием и той огромной просветительской роли, которую сыграли для сибирского населения декабристы, ставшие учителями и репетиторами многих забайкальских детей, дав им тем самым возможность поступить в учебные заведения Европейской России. Если

³³ Кузнецов А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Известия ВСОИРГО. 1893. Т. XXIV, № 2. С. 1–12; *Он же*. Изюбринный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области. Чита, 1899; *Он же*. Исторический очерк пчеловодства в Сибири и Забайкалье. М., 1899; *Он же*. Пчеловодство в Забайкальской области // Сибирская жизнь. 1900. № 56.

³⁴ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.

³⁵ Там же. Д. 21. Л. 20.

³⁶ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy na Syberii. Poznań, 1912. Т. 1.

³⁷ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

раньше считалось, что причина плохой подготовки юных забайкальцев заключается в их ограниченных умственных способностях, то в последующем воспитанники декабристов удивляли своей эрудированностью и глубокими познаниями.

Пять рукописей (лишь одна из них, посвященная Сретенску, опубликована), хранящихся в личном фонде А.К. Белявского в ГАЧО, носят комплексный, как исторический, так и статистико-экономический и краеведческий характер. Это “Золотопромышленность в Забайкалье”, “Земледелие и землеустройство в Забайкалье”, “Скотоводство в Забайкалье”, “Забайкальцы и их соседи”, а также “Сретенск – очерк по краеведению”³⁸.

«Забайкалье слывет “золотым дном” и не только в переносном смысле слова, но и в буквальном», – писал А.К. Белявский в своем очерке “Золотопромышленность в Забайкалье”³⁹. Основное количество золотых приисков находилось по системе реки Чикой, в Баргузинском районе, а также в восточной части Забайкалья, на территории Нерчинского горного округа. По официальным данным на 1914 год в Западном Забайкалье находилось 468 приисков (разрабатывалось 120), в Восточном – 292 (разрабатывалось 80). Белявский А.К. не раз посещал золотые прииски, знакомился с методами работы поисковых партий, выявлял причины все увеличивающейся нерентабельности золотодобычи. Данная его статья относится к 1915 году, в этот период в Забайкалье добывалось исключительно россышное золото, технический уровень золотодобычи значительно отстал и устарел. При частых засухах был постоянный “недомыв” золота, а разработка рудных месторождений находилась в зачаточном состоянии. А.К. Белявский лично познакомился с английскими горными инженерами, приехавшими исследовать забайкальские горы и нашедшими здесь богатые месторождения золота. Ученый, однако, был противником интенсивной разработки недр и советовал беречь их для будущих поколений:

“Если до сих пор большая часть естественных богатств Забайкалья лежит втуне, не находя для эксплуатации русского капитала, то это только доказывает, что для этого еще не настало время. Вовсе нет необходимости форсировать их эксплуатацию”⁴⁰.

По свидетельству А.К. Белявского, английские специалисты обнаружили в приисковых отвалах большое содержание золота, что свидетельствовало о хищнических методах его разработки. В

³⁸ Там же. Д. 24, 28, 32, 35, 40.

³⁹ Там же. Д. 32. Л. 26.

⁴⁰ Там же. Л. 12.

данной статье исследователя описана работа поисковой партии, состоящей из 6–12 опытных рабочих, отправлявшихся в тайгу зимой на 3–4 месяца. По свидетельству автора, для опытного золотодобытчика совершенно необязательно было пробивать шурф для определения уровня золотоносности, залежи золота определяли на глаз по составу почвы, горных пород и характеру древесной растительности. Для взятия же пробы на земле разжигали костры, таким образом, оттаивая почву, а затем ломami пробивали шурф. В том месте, где золота было больше, “разведчики” ставили столб с надписью, где указывали имя золотопромышленника, а также дату постановки. Этот процесс носил название “застолбить территорию”. Затем в полицейском управлении делалась “явка” – заявление с подробным описанием местности, после чего получалось официальное разрешение на разработку. Как правило, забайкальские золотые прииски находились в глухой таежной местности, в широких долинах рек. Крупные прииски имели вид села с церковью, больницей, баней, конюшнями, казармами для рабочих. По свидетельству А.К. Белявского, здесь не строили долговременных зданий, так как запасы золота быстро истощались и поселок становился заброшенным. Работу на приисках исследователь называл “вольной каторгой”, золотодобыча длилась здесь с мая по сентябрь, а рабочий день составлял 18 часов. Доктор Белявский выделил в особый подраздел своей статьи влияние приисковой жизни на здоровье рабочих. Казармы, где они жили, в большинстве случаев не отвечали гигиеническим нормам, а благодаря тому, что пища золотодобытчиков отличалась малым содержанием овощей, здесь свирепствовала цинга, протекающая в тяжелой форме и делающая людей инвалидами (лечение заключалось только в употреблении дикого чеснока). Суставной ревматизм, эпидемии дизентерии и брюшного тифа перемежались лихорадкой и также нередко поражали приисковых рабочих. А.К. Белявский отмечал и пагубное влияние на население соседства золотых приисков. Рабочие пропивали заработанное годовое жалованье за несколько дней в близлежащих деревнях, где крестьяне, ища легкой жизни, бросали свое хозяйство и пьянствовали, женское же население проституировало на приисках. “Двадцать из тысячи доносят домой заработанную плату – писал А.К. Белявский о золотодобытчиках⁴¹.

Как уже отмечалось выше, в Забайкалье в указанное время разрабатывалось лишь россыпное золото. Песок на телегах (рельсовые вагонетки весьма редко здесь использовались) свозился на золотопромывочную машину, промывка происходила в два этапа. Золотопромывочная машина старой конструкции

⁴¹ Там же. Л. 25.

представляла собой железную бочку с многочисленными отверстиями по бокам, вращающуюся вокруг горизонтальной оси при помощи водяных колес, реже – паровой машины. Ниже бочки помещался деревянный желоб, на дне которого находились “ловушки” для золота: сукно с лежащей поверх него деревянной решеткой, а также ртуть, обладающая свойством связывать золото с образованием амальгамы (“сортутки”). Песок загружали в золотопромывочную машину, вода омывала его, а попадая в нижележащий желоб, золотые песчинки оседали на дне в “ловушках”. Далее находился “вашгерт” – шлюз, куда клался золотоносный песок, вода пускалась в него медленной струей. Промытое золото собирали совками и сушили в железной печи. В запечатанных кружках золото поступало в приисковую контору. Сюда также доставлялась и амальгама, где она прокаливалась на огне, а присутствующая в соединении ртуть испарялась, оставляя чистое золото. На некоторых крупных приисках песок поступал в золотопромывочную машину прямо с землечерпательной машины – “драги”, на более мелких – рабочие свозили песок на тачках.

Описав способы добычи и промывки золота в Забайкальской области, А.К. Белявский выделил пять причин, по которым золотодобыча в регионе была технически отсталой и несовершенной. Среди них – большая дороговизна производимых за рубежом машин, плохое состояние таежных дорог, отдаленность промыслов от культурных и научных центров, отсутствие специалистов по ремонту вышедших из строя машин. Основная же, по мнению А.К. Белявского, причина заключалась в том, что подавляющее большинство золотых приисков разрабатывалось мелкими предпринимателями, отсутствовали инвестиции и крупные капиталовложения. Даже на территориях, принадлежавших Кабинету (личная собственность царской семьи), большинство приисков разрабатывалось мелкими подрядчиками (среди них было немало китайцев). По статистике 1915 года, из 210-ти пудов добытого в Забайкалье золота 176 добыли мелкие подрядчики. Основной мерой для улучшения сложившегося положения А.К. Белявский считал привлечение инвестиций, проведение новых дорог, снижающих стоимость провоза золота. Однако он был категорически против привлечения иностранного капитала: иностранные золотопромышленные предприятия быстро истощали сибирские недра. А.К. Белявский, говоря о перспективах экономического развития Забайкалья, считал, что “золотопромышленности предстоит выдвинуться на первый план и отодвинуть хлебопашество и скотоводство на второстепенное, служебное место для развития добывающей и обрабатывающей промышленности”⁴².

⁴² Там же. Л. 11.

Работа А.К. Белявского “Земледелие и землеустройство в Забайкалье” затрагивает самые актуальные вопросы по наделению земель прибывших в Забайкалье переселенцев и те положительные и отрицательные результаты, которые были получены при проведении землеустроительной реформы. Автор, помимо своих собственных статистических и экономических данных, ознакомился с изданными материалами комиссии А.Н. Куломзина по исследованию землевладения и землепользования, а также с работами статистиков и экономистов Д.М. Головачева и В.В. Солдатова⁴³. Статья А.К. Белявского “Земледелие и землеустройство в Забайкалье” посвящена экономической ситуации в земельном фонде и сельском хозяйстве области и тем изменениям, которые произошли в этой сфере в результате проведения землеустроительной реформы. В Забайкалье к 1897 году существовало три вида землевладения: казенное, кабинетское (собственность царствующей семьи) и земли Забайкальского казачьего войска. Мелкие же участки земли были в собственности городов, монастырей и церквей. Большинство забайкальских земель находилось в чьих-либо руках на правах пользования. Что касается форм общинного землепользования, то оно делилось на два вида: вольное и уравнительное (в промежутке между ними существовали заимочный (захватный) и регулируемый захватный). Уравнительный тип, как правило, обязательно сменял вольный и заключался в выделении члену общины строго определенного участка земли и угодий. В Забайкалье совершенно отсутствовало подворное владение, а господствовало исключительно общинное землепользование. Богатые члены общины не стремились из нее выходить, так как в этом случае они не получали всей захваченной ими земли. По замыслу правительства, землеустроительная реформа должна была упорядочить землепользование, заменить захватный характер землевладения надельным, ограничив рамки крестьянского хозяйства до 15 десятин на душу населения мужского пола, а также укрепить юридическую и фактическую собственность государства на землю. Российское правительство было заинтересовано в как можно большем заселении “впустележащих” земель Даурии. Однако, как отмечал А.К. Белявский,

“поставленный и возвышенный принцип землеустройства – заселение впустележащих земель, приспособление их под

⁴³ Головачев Д.М. Заметки о русской колонизации Сибири // Землеведение. 1894. Кн. IV. С. 29–58; *Он же*. Поселки по линии Забайкальской железной дороги. Чита, 1908; *Он же*. Итоги землеустройства // Забайкальский хозяйн. 1912. № 2, 3, 5; Солдатов В.В. Сельскохозяйственный обзор Забайкальской области за 1911 г. Чита, 1913; *Он же*. Формы общинного землепользования в Забайкальской области // Вестник Европы. 1913. Кн. V. С. 240–267.

заселение и земледелие проведением дорог, осушением болотистых и ирригацией сухих земель, при первом столкновении с действительностью превратился в принцип – увеличить во что бы то ни стало переселенческую емкость Забайкалья за счет уже занятых старожильческим населением земель”⁴⁴.

В результате сокращения наделов крестьян-старожилов в среднем до 10 десятин на душу мужского населения, хозяйства забайкальцев стали приходить в упадок. А.К. Белявский так охарактеризовал этот процесс:

“Печальный результат налицо: Забайкалье, раньше снабжавшее весь Приамурский край мясом, в настоящее время нуждается в привозном из Монголии. Таким образом, результаты землеустройства в его настоящем виде как по отношению к быту старожилов, так и с государственной точки зрения, нельзя признать благоприятными: как хлебная, так и мясная зависимость от Китая увеличивается, а земледельческие и скотоводческие хозяйства старожилов ухудшаются”⁴⁵.

Говоря о забайкальском земледелии, А.К. Белявский отмечал примитивную систему его ведения (с преобладанием залежной и залежно-паровой систем полеводства) и экстенсивный характер. Исследователь подчеркивал высокую степень агрикультуры оседлых бурят, заимствовавших у китайцев систему орошения полей, что являлось весьма важным при засушливом забайкальском климате. Исследователь составил подробные таблицы, где указал количество пашни и посевных площадей (в десятинах) для каждого уезда и каждой группы населения (казаки, семейские, “инородцы”) Забайкальской области, а также высев отдельных культур на одну десятину (в пудах) и средний урожай с десятины. Белявский А.К. сравнивал и качество возделываемых в Забайкалье культур с таковыми же в Европейской России. Он отмечал, что климат Даурии неблагоприятен для хлебопашества, а также указал главных вредителей сельского хозяйства (грибы головню и спорынью, растения выюн и морковник, насекомое кобылку).

Огородничество также к началу XX века не получило достаточного развития в Забайкалье, с проведением железной дороги эта отрасль сельского хозяйства оказалась в руках корейцев и китайцев. Что касается рубки леса, то в результате землеустроительной реформы она была ограничена до трех десятин на душу мужского пола вследствие повышения спроса на строительный материал и уничтожения лесными пожарами значительных лесных угодий.

⁴⁴ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 32. Л. 21.

⁴⁵ Там же. Л. 22.

“Чувство уважения к лесу и бережное к нему отношение совершенно незнакомы забайкальцам”, – писал А.К. Белявский, – “а лес даже мешал и с ним старожил вел войну”⁴⁶.

Из народных промыслов забайкальцев исследователь отметил сбор кедровых орехов (который не ограничивался землеустроительной реформой), пчеловодство и охоту. Белявский считал, что начало пчеловодству в Даурии положили ссыльные поляки, “исконные любители и знатоки этого промысла, развитого в белорусских и литовских лесах”. Охота и пушной промысел были основными источниками дохода для населения Баргузинской тайги и Юго-Западного Забайкалья. Исследователь подчеркивал, что

“веками вырабатывались способы и приемы охоты, основанные на внимательном и детальном изучении привычек и повадок каждого зверя”⁴⁷.

Белявский неоднократно ссылался на работу горного инженера Александра Александровича Черкасова (1834–1895) “Записки охотника Восточной Сибири”, содержащую детальное описание характера и повадок даурских животных⁴⁸. Александр Капитонович поставил ее в один ряд с лучшими монографиями российских и зарубежных естествоиспытателей. Обширный очерк “Земледелие и землеустройство в Забайкалье” не датировано автором, но, судя по контексту, относится к 1914 году. В нем автор, на основании собственных исследований и опубликованных материалов забайкальских экономистов, беспристрастно указал на недостатки, которые имели место при проведении землеустроительной реформы в Забайкалье.

Смежной по тематике работой, отражающей экономическое состояние сельского хозяйства в Забайкалье в конце XIX – начале XX века, является очерк А.К. Белявского “Скотоводство в Забайкалье”. Исследователь писал:

“Скотоводство в Забайкалье тесно связано с земледелием в силу естественных условий страны, что отражается и на хозяйстве чистейших землеробов-новоселов, которые, присмотревшись к местному хозяйству, большое внимание уделяют и скотоводству. Секрет сытого житья забайкальца в наличии многих подсобных промыслов, в числе которых на первом месте стоит скотоводство”⁴⁹.

Даже казаки Южного Забайкалья, занимаясь земледелием, имели стада скота и табуны лошадей, которые отправляли с

⁴⁶ Там же. Л. 90.

⁴⁷ Там же. Л. 99.

⁴⁸ Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. СПб., 1867.

⁴⁹ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

особыми работниками на перекочевки также, как это делали буряты. По данным А.К. Белявского, в Забайкальской области на первом месте по скотоводству стоял Акшинский уезд, на втором – Читинский; общее же поголовье скота составляло в 1917 году 4 миллиона, в среднем по 32,5 голов на хозяйство. Мелкого скота в области насчитывалось 2 миллиона, крупного рогатого – 1,4 миллиона, лошадей – 600 тысяч голов. У казаков Акшинского уезда на одно хозяйство приходилось в среднем до 195 голов скота. “Инородцы и казаки”, – писал Александр Капитонович, –

“прекрасные скотоводы, и их умение обходиться со скотом удивительно: самые упрямые верблюды, самые дикие степные лошади в их руках становятся послушными и смиренными. Они жалеют и любят свой скот, никогда не оседлают слишком молодую лошадь, ни за что не продадут на зарез теленка”⁵⁰.

Белявский выделил те природные факторы, которые, по его мнению, создавали благоприятные условия для скотоводства в основном в юго-западной части Забайкалья. Во-первых, малоснежные зимы способствовали тому, что животные могли добывать себе пищу в степи и не простужались. Во-вторых, по мнению автора, забайкальские травы отличаются необыкновенной мягкостью, поэтому “лошади стирают себе зубы значительно позже, чем в Европейской России, здесь трудно определить возраст лошади правильно: ошибка возможна лет на пять-восемь”⁵¹. Кроме того, Белявский считал, что питательные свойства забайкальским кормовым травам придают минеральные соли, содержащиеся в почве. В-третьих, в степях Юго-Западного Забайкалья было мало так называемого “гнуса” – кровососущих насекомых, так вредящих скоту. Местные скотоводы не заготавливали на зиму корм, животные питались “ветошью” – прошлогодней степной травой; зато, если случалась снежная зима, много скота погибало от бескормицы. Белявский А.К. привел в своей работе и весьма интересные описания животных, разводимых скотоводами, отмечал достоинства и недостатки лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, верблюдов, оленей, а также изюбрей (во второй половине XIX века изюбреводство приобрело в Забайкалье масштабы народного промысла). Забайкальская лошадь, имеющая монгольское происхождение, отличалась необычайной выносливостью, целыми днями могла быть под седлом и даже в самые лютые морозы не требовала теплого стойла. Это умное животное было незаменимо в горах и сопках, быстро привыкало к хозяину и с лю-

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Там же.

бовью к нему относилось. Однако забайкальская лошадь была низкоросла и слабосильна. Для устранения этих недостатков А.К. Белявский предлагал улучшать ее путем скрещивания с английскими или арабскими скакунами или орловскими рысаками. Крупный рогатый скот в Даурии также имел монгольское происхождение, как и лошадь, отличался выносливостью и малыми размерами, был нетребователен, почти все время находился на открытом воздухе и лишь ночью или в ненастье содержался бурятами-скотоводами в низких сараях, обмазанных навозом. Несмотря на малое количество мяса и молока, получаемого от этих животных, качество их было превосходным (жирность молока составляла 7%). Мясо занимало весьма важное место в рационе жителей животноводческих районов области, по свидетельству А.К. Белявского, всю зиму и весну местное население питалось исключительно мороженым мясом, и вовсе не использовало в своем хозяйстве рога, копыта, волосы, кишки заколотых животных, что исследователь считал неэкономичным. Ученый предлагал разведение молочных пород в земледельческих районах, в степных же – мясных, это было экономически выгодным, но забайкальские скотоводы вовсе не соблюдали этого разделения. Из мелкого домашнего скота большой популярностью пользовалась овца, ее поголовье насчитывало до нескольких тысяч в каждом хозяйстве. Доктор Белявский прописывал баранину ослабленным больным, а также лицам, страдающим легкой диареей, считая это мясо питательным и легкоусвояемым. Исследователь рекомендовал разведение в Забайкалье тонкорунных, а не мясных пород, следуя примеру декабриста Н.А. Бестужева, применившего этот опыт на поселении в Селенгинске.

В Даурии имелось значительное поголовье верблюдов, насчитывающее в начале XX века около 10 тысяч голов. Эти требовательные к уходу животные могли до 6 дней обходиться без воды, перевозили одновременно до 300 кг груза со скоростью 5 верст в час.

“При постройке Амурской железной дороги” – писал А.К. Белявский, – “верблюды оказали громадную услугу перевозкой грузов и доставкой мяса из Забайкалья”⁵². Каждую весну владельцы верблюдов состригали у этих животных шерсть во время линьки, в последующем она шла на производство веревок и непромокаемой ткани, носящей название “армячины”. Разведение всех вышеописанных животных имело место в степных и лесостепных районах юга Забайкалья, в северных же его районах, занятых Баргузинской тайгой, в хозяйстве бродячих и кочевых тунгусов, главенствующее положение занимал олень, по выражению исследовате-

⁵² Там же. Л. 11.

ля являющийся “самым полезным в мире животным”. Его поголовье в Забайкальской области насчитывало в 1917 году 1500 голов. Белявский указывал, что выносливые олени могли по 5 дней обходиться без пищи и проходили по 200 верст в сутки. Все части оленьей туши находили применение в натуральном хозяйстве тунгусов Баргузинской тайги: из молодых рогов они варили студень; из костей изготовляли ложки, ножи и иглы; из вычещенных копыт – стаканы и чашки; из сухожилий – нитки; из высушенного желудка – посуду; из сала – свечи. Однако, эти полезные во всех отношениях для человека животные, были подвержены многочисленным заболеваниям: чуме рогатого скота, ящуре, сибирской язве и чесотке.

Особое внимание А.К. Белявский уделил народному промыслу забайкальцев – изюбреводству. Водящихся в дикой природе изюбрей (разновидность благородного оленя) ловили при помощи ям–ловушек и помещали в изюбрятники, где и разводили (по данным автора, на территории тогдашней Забайкальской области насчитывалось 300 изюбрятников и до тысячи голов содержащихся в них изюбрей). Рога изюбрей (так называемые “панты”) считались ценным лекарственным сырьем, особенно у китайцев, их спливали в мае–июне, варили в соляном растворе, после чего высушивали на ветру. Приготовленное таким образом сырье продавалось по огромной цене – до 200 руб. за штуку. В данной, весьма интересной, работе о скотоводстве в Забайкалье, отражалось не только экономическое состояние этой отрасли сельского хозяйства, но также описывались весьма интересные суеверия и связанные с ними обряды скотоводов. Например, при эпизоотиях среди домашних животных, население прибегало к знахарству и колдовству. Буряты, стараясь обмануть “божество чумы”, привязывали к крупному рогатому скоту конские гривы, как бы гримируя их, зная, что кони не болеют чумой.

Экономическое состояние Забайкалья в различные периоды его истории, а также его торговые сношения с сопредельными странами, раскрыты в очередном неопубликованном очерке А.К. Белявского “Забайкальцы и их соседи”⁵³. В нем также содержатся данные, относящиеся к освоению Забайкалья в XVII столетии, причем “двигателем освоения Сибири” автор называет соболя и пушной промысел. Данная рукопись показывает великолепное знакомство исследователя с документами XVII века, рассказывающими об освоении Даурии русскими и отношениях нашей страны с Китаем; он приводит многочисленные цитаты из донесений казаков царю о войнах с “инородцами” (бурятскими и тун-

⁵³ Там же. Д. 24.

гусскими племенами), о строительстве острогов, о сражениях с китайцами и разрушении ими построенного русскими землепроходцами Албазинского острога. Уступку Россией Китаю Приамурья в 1689 году по Нерчинскому договору, А.К. Белявский расценивал не как поражение, а как внешнеполитический успех:

“Установление приятных торговых отношений для русских явилось большим приобретением, чем завоевание какой-либо области... Расчеты русских были правильны и то обстоятельство, что они поступились Амуром, вполне компенсировалось выгодами торговых сношений с Китаем при доброджелательных соседских отношениях”⁵⁴.

Автор поэтапно рассмотрел историю торговли России с Китаем, где с русской стороны фигурировала пушнина, с китайской же – золото, серебро, фарфор, шелк и чай. Именно торговле с Китаем обязаны своим основанием в 1727 году приграничные Троицкосавск и Кяхта. С начала XIX века торговля между странами ограничилась только чаем, однако, золото и серебро продолжало ввозиться контрабандой из Китая. По Тяндзинскому договору 1862 года русские подданные получили полную свободу передвижения в Китае, что, по мнению А.К. Белявского, стало экономически разорительным для китайских купцов, проживающих в Забайкалье. С этого времени “китайцы появились в городах и селах Забайкалья, где вскоре забрали в свои руки мелочную торговлю”⁵⁵.

В рассматриваемой работе, говоря об экономическом развитии Забайкалья в XVIII–XIX вв., А.К. Белявский описывает основание Нерчинского Завода (1704 г.) – первого из российских сереброплавильных предприятий. В результате изучения автором документов по истории Нерчинских рудников, он сделал следующий вывод:

“Первые страницы истории Нерчинских заводов наполнены печальными картинами неурожаев, голодовок и хищничества серебряной руды”⁵⁶.

Кроме того, он составил таблицу, где по годам представил добычу серебряной руды в Забайкалье, а также описал характер подневольного труда рабочих и отметил ту ненависть, которую питало местное население к серебряному промыслу, основанному на чудовищной эксплуатации:

“Прежде, чем совершилось в 1861 году освобождение горнозаводских служащих Нерчинских заводов из крепостного

⁵⁴ Там же. Л. 12–14.

⁵⁵ Там же. Л. 21.

⁵⁶ Там же. Л. 23.

сословия, с причислением в сословие сельских обывателей, население это оказалось как бы принесенным в жертву для казенной эксплуатации серебряного промысла⁵⁷.

На смену экономически невыгодной добыче серебра, основанной на подневольном труде приписных крестьян и ссыльнокаторжных, пришла золотодобыча. А.К. Белявский описал открытие в 1838 году залежей золота в долине р. Кары (при впадении ее в Шилку) горным инженером А.В. Павлуцким и возникновение на этом месте Карийских золотых промыслов – центра печально известной в XIX веке Карийской каторги.

Комплексной работой А.К. Белявского, затрагивающей экономические проблемы добывающей промышленности Забайкалья и историю открытия здесь залежей полезных ископаемых, являющейся логическим дополнением к вышепроанализированным работам историко-экономического характера, стала статья “Недра Забайкалья”, относящаяся к периоду до 1914 года⁵⁸. Это яркий пример талантливого популярного освещения научных вопросов.

“Всеми исследователями без исключения признается”, – писал А.К. Белявский, – что “недра Забайкалья колоссально богаты, но добывающая промышленность до сих пор находится в жалком младенческом состоянии”⁵⁹.

Причиной такого положения дел в отрасли ученый считал недостаточное знакомство правительства, администрации и предпринимателей с богатством недр; недостаток соответствующих специалистов и технических знаний; недостаточность капитала, работающего на горную промышленность, а также бездорожье и связанную с ним дороговизну перевоза. Последнее обстоятельство заставляло даже золотопромышленников разрабатывать месторождения только с весьма высоким содержанием золота, иначе золотодобыча становилась нерентабельной. Описывая богатые залежи в Забайкалье бурого угля (Тарбагатайское, Талбагинское, Черновское, Харанорское месторождения) исследователь предвидел, что в будущем это обстоятельство послужит развитию добывающей и обрабатывающей промышленности. В начале XX века забайкальский уголь использовался весьма ограниченно и исключительно для нужд железной дороги (в среднем в указанный период его добыча составляла всего 35 млн пудов в год). Большие залежи железной руды также мало разрабатывались, получение чугуна возможно было только при использовании древесного топлива (бурый уголь для этого непригоден). По мнению

⁵⁷ Там же. Л. 30.

⁵⁸ Там же. Д. 33.

⁵⁹ Там же. Л. 30.

А.К. Белявского, при изобилии лесов для железоплавильного производства в этом регионе имелись все условия. Забайкальское серебро в руде встречалось вместе со свинцом или цинком. Последний в указанный период считался побочным продуктом и поступал в отвалы, вовсе не утилизировался. Белявский А.К., указав на крупнейшие в Даурии месторождения цинка, отмечал, что металл этот котируется на мировом рынке довольно высоко и стоит заняться его разработкой, как и стоит возродить заброшенные по причинам технического несовершенства добычи серебряные рудники (но уже на новом, высоком техническом уровне), не выдержавшие конкуренции с более выгодной золотодобычей. Белявским А.К. были описаны забайкальские месторождения меди, олова, ртути, сурьмы, мышьяка, висмута, вольфрама, цезия, серы, а также ценных камней: аквамарина, топаза, корунда, халцедона, сердолика, агата, яшмы, аметиста, александрита и турмалина. Автор указал и использование каждого полезного ископаемого в промышленности и тот спрос, который он имел на внутреннем и мировом рынках.

“В Забайкалье”, – писал А.К. Белявский, – “имеются все металлы, за исключением никеля, но разработка их или недостаточна, или вовсе не производится”⁶⁰.

Так же дело обстояло и с использованием ценных камней. А.К. Белявский считал, что при устранении указанных им причин слабой разработки забайкальских недр, несомненно, должен наступить расцвет добывающей промышленности и, как следствие, небывалый экономический рост. Статья “Недра Забайкалья”, как, впрочем, и проанализированные предыдущие, – это ценные исторические источники по изучению той или иной проблемы экономического и хозяйственного состояния Забайкальской области в конце XIX – начале XX века.

В течение десяти лет, с 1904 по 1914 гг., Александр Капитонович Белявский занимал должность старшего врача 16-го сибирского стрелкового полка и проживал в городе Сретенске. По воспоминаниям его коллеги, доктора Г.И. Барбаса, Белявский

“упорно боролся за личность солдата, старался улучшить его быт, боролся с мордобитием и не раз предавал суду офицеров, занимавшихся рукоприкладством”⁶¹. “В серой захолустной обстановке Сретенска”, – писал известный забайкальский краевед Е.Д. Петряев, – “Белявский жил кипучей жизнью человека, которому всегда некогда, мысли которого всегда заняты любимой, увлекающей его работой... Мало

⁶⁰ Там же. Л. 41.

⁶¹ Барбас Г.И. 30 лет...

находилось в те времена врачей, которые в такой обстановке сумели бы сохранить себя, идти вперед, не теряя связи с наукой”⁶².

Сретенский доктор активно занимался изучением края, старался привлечь к научной работе творческих представителей местного населения, вел среди сретенцев и культурно-просветительскую работу, читая лекции и доклады на самые различные темы и в самых разных аудиториях. Доклады эти касались изучения Забайкалья, насущных экономических проблем населения, а также основ санитарной гигиены, которые А.К. Белявский активно внедрял в малосведущую простонародную среду. Он писал:

“С появлением в Забайкалье молодых врачей, со свежими познаниями и энергией, быстро изменилась картина медицинской помощи... Доверие к терапии и гигиене, завоеванное врачами в короткое время, дает врачам нравственное удовлетворение и поддерживает на должной высоте их энергию и деятельность. Поэтому работа среди здешнего казачьего населения приятна и ценится врачами, которые сами потрудились для достижения настоящих результатов, и тогда оторванность от центров, отсутствие на месте разумных развлечений и другие неблагоприятные спутники захолустной жизни не так остро ощущаются, уравновешиваясь сознанием плодотворности работы. Энергичные врачи делали и делают не только терапевтическое дело, но являются источником просвещения и насаждения гигиенических принципов... Появление ряда таких врачей не только подняло на должную высоту медицинское дело, но и бесспорно уронило престиж лам и шаманов”⁶³.

А.К. Белявский был представителем того нового, прогрессивного поколения, которому на рубеже эпох суждено было не только изучать Сибирь, но и быть ее просветителем⁶⁴. В 1902 году он прошел курс усовершенствования при Петербургском клиническом институте (Еленинском), что позволило ему ознакомиться с новейшими достижениями медицины и биологии. Многие годы Белявский активно участвовал в работе Пироговского общества и Забайкальского общества врачей, а также был редактором статей в “Медико-санитарном сборнике”, в который входили работы сретенских врачей, в том числе и его собственные⁶⁵. На заседаниях Забайкальского общества врачей, проходивших в Чите, док-

⁶² Петряев Е.Д. Люди... С. 106.

⁶³ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 98. Л. 6, 7, 10.

⁶⁴ Там же. Д. 11. Л. 1.

⁶⁵ Белявский А.К. Перепись населения г. Сретенска // Медико-санитарный сборник. Сретенск, 1928. С. 56–59.

тор Белявский делал многочисленные доклады, часть которых была опубликована на страницах “Медицинского журнала”, издаваемого обществом (например, “Народное здравие и медицинская помощь в Забайкалье”, “Влияние забайкальского климата на органическую жизнь”)⁶⁶.

Весьма активной была и культурно-просветительская деятельность ученого, масштабов которой, пожалуй, Сретенск еще не знал. В 1901 году Александр Капитонович организовал здесь “Кружок любителей музыки и литературы”, устраивавший концерты и ставивший пьесы (например, “На дне” М. Горького, некоторых рассказов А.П. Чехова, произведения А.Н. Островского). А.К. Белявский способствовал тому, что кружком был получен из Иркутска новый рояль Шредера. Александр Капитонович проявил незаурядные актерские и литературные дарования: он руководил хором, играл в спектаклях, являлся автором инсценировок “Мертвых душ” Н.В. Гоголя и некоторых рассказов А.П. Чехова. Белявский был также инициатором издания сретенской газеты “Восточное Забайкалье”, первый номер которой вышел в мае 1914 года, был одним из ее редакторов. Именно в ней он опубликовал весьма интересную работу “Медико-топографическое описание Стретенска”, впоследствии вышедшей отдельной брошюрой (это одно из его немногих опубликованных исследований)⁶⁷.

Интерес к русской классической литературе и самостоятельные “пробы пера” сочетались с интересом А.К. Белявского к местному забайкальскому наречию, к тем словам и выражениям, употребляемым местным населением, которые не встречались в Европейской России, происходили либо из бурятского и тунгусского языков, либо имели старорусские корни. Опыт многолетнего изучения лег в основу опубликованной статьи ученого под названием “Метизация забайкальского населения”⁶⁸. В ней он, в частности, писал:

“Насчитывается до трех тысяч особенных слов. Мы за 25 лет собрали забайкальский лексикон в две тысячи слов, несомненно, старорусского северного происхождения, вышед-

⁶⁶ Белявский А.К. Народное здравие и медицинская помощь в Забайкалье // Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. Чита, 1923. № 4. С. 283–297; № 5. С. 368–379; *Он же*. Влияние забайкальского климата на органическую жизнь // Там же. № 1. С. 14–22.

⁶⁷ Белявский А.К. Медико-топографическое описание Сретенска. Сретенск, 1914.

⁶⁸ Белявский А.К. Метизация забайкальского населения // Труды I конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. Вып. 5. С. 125–133.

ших из употребления в Европейской России (голк, голометь, скудаться, хлопуща, зарный, черноstop, морок и многие другие); другая часть – местного образования и местного значения (“обробеть” – опоздать, “натакать” – направить, рекомендовать, “подражать” – потакать, мироволить и др.) и, наконец, значительная часть бурятского, тунгусского и даже корейского происхождения. Тунгусские и бурятские слова настолько вошли во всеобщее употребление, что жители и не подозревают их нерусского происхождения. Многие из этих слов привились ввиду заманчивой краткости и ясности: например, вместо того, чтобы говорить “вдвоем на одной лошади верхом” – по-бурятски “сундалой”; вместо “теленка на 2-м году” – “баракчан”; вместо “деревянный ушат без дна” – “буркыл”; “охлащенный баран” – “ырген”.

Не чужды были доктору Белявскому и вопросы народного просвещения. Именно благодаря его настойчивости в Сретенске открыли две школы: общественную гимназию и казенную смешанную гимназию для четырех старших классов. Кроме того, его стараниями под научную работу местных исследователей была подведена серьезная база. Во-первых, для анализа воды местных рек (Шилки и Куренги), источников (например, Филиппихи, Деревчихи, Теребиловки, Гремячего и др.) и колодцев, Белявский организовал при полковом лазарете первую в Сретенске химико-бактериологическую лабораторию. Во-вторых, активно содействовал открытию здесь филиала Забайкальского областного отдела Русского географического общества, активным членом которого стал.

На фоне старинного Нерчинска, занимавшего главенствующее положение в Восточном Забайкалье, совершенно мало внимания уделялось исследователями расположенному недалеко Сретенску. Белявский А.К. был автором первого обширного краеведческого очерка о городе, в котором он жил, (к сожалению, также неопубликованного) под названием “Сретенск – очерк по краеведению”⁶⁹. По инициативе А.К. Белявского в мае 1923 года слушателями педагогических курсов была произведена перепись населения города, большинство которого занималось торговлей и ремеслами. Данная перепись показала, что национальный состав был представлен следующим образом: русские (86%), евреи (8,1%), китайцы (2,6%), татары (1,3%), поляки (0,9%). Белявский А.К. отмечал, что благодаря транзитному положению Сретенска на трассе, ведущей из Сибири в Приамурье, здесь более, нежели где-либо, выразилась метизация населения. Рассматривая

⁶⁹ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 40.

этот процесс с медицинской точки зрения, сретенский врач назвал положительной стороной метизации высокую остроту зрения у соответствующих индивидов, отрицательными же – уменьшение роста и физической силы, низкую среднюю продолжительность жизни и снижение репродуктивной способности метисов. Характерными чертами сретенских старожилов Белявский назвал сосредоточенность, медлительность, самоуверенность, независимость, свободомыслие, наблюдательность и предприимчивость, а также “узкий утилитаризм, совершенно не склонный к эстетике”. Грамотность местного населения была высока для того времени и составляла 60%. Но, в то же время, город занимал одно из первых мест по преступности в России по причине близости Нерчинской каторги. Белявским А.К. профессионально была описана структура заболеваемости и смертности среди сретенцев, а также влияние климатических факторов на эти показатели. Причинами смерти чаще всего являлись инфекции (корь, оспа, дифтерия, коклюш, скарлатина, брюшной тиф, дизентерия), а также насильственные факторы и острое отравление алкоголем. По данным автора, ежегодно на каждого жителя Сретенска приходилось 6 ведер водки, алкоголь не употребляли только китайцы и евреи. Климат Сретенска по числу солнечных дней превосходит Крым и Херсон, а “наилучшими для здоровья являются месяцы, когда барометрическое давление возрастает (с октября по январь включительно)”. Белявский установил, что “в это время наблюдается наименьшая смертность и наименьшая заболеваемость заразными и прочими болезнями, даже простудные заболевания зимой реже, чем весной и летом”⁷⁰. Исследователь отмечал и выгодное экономическое положение города, считая, что в будущем за счет горнозаводской промышленности его развитие пойдет быстрыми темпами. В каждой строке его статей о Сретенске чувствуется любовь автора к этому городу:

“В то время, когда налаживалась жизнь амурской колонии, когда там строились города, открывались и разрабатывались золотые прииски и рыбопромышленность, Стретенск уже был снабдителем для этого нового обширного края... В будущем, с развитием промышленности, особенно горнозаводской, Стретенску несомненно предстоит еще большее развитие опять таки в силу его географического положения. Он должен явиться центром сосредоточия горнозаводской промышленности Восточного Забайкалья, богатейшего края горных месторождений”⁷¹.

⁷⁰ Там же. Л. 4.

⁷¹ Там же. Л. 11.

К сожалению, этим оптимистичным и вполне оправданным прогнозам не суждено было сбыться.

Изучение Забайкалья (в основном восточной его части) в естественноисторическом отношении занимало важное место в исследованиях А.К. Белявского. Оно было прервано на несколько лет в период Первой мировой войны. В 1914–1917 гг. Белявский являлся главным врачом госпиталей в Риге и Твери, но уже в 1917 году вновь возвратился в Сретенск и работал старшим врачом казачьей больницы, а после прихода подразделений Красной Армии занял должность начальника 700-кочного военного госпиталя. Период после 1917 года был весьма сложным в жизни исследователя, перемены, происходившие в стране, далеко не всегда находили отклик в его душе. По своим убеждениям А.К. Белявский являлся сторонником легального прогресса и выступал против каких-либо насильственных методов. Много незаслуженных упреков пришлось выслушать Александру Капитоновичу в адрес научной деятельности забайкальских врачей его поколения. Например, на заседании сретенской врачебной секции в марте 1929 года, молодой врач Витте, делая доклад о формах и методах научной работы врачей, отметил, что старые, дореволюционные врачебные общества изжили себя, они оторваны от народа и замкнуты в себе. В ответ Александр Капитонович, сдерживая обиду, выразил свое несогласие с мнением докладчика, сказав, что в то время, в весьма нелегких условиях, много было сделано в интересах развития медицинской науки, в Сретенске собиралась врачебная секция, делались интересные сообщения и демонстрировались больные⁷². Первого декабря 1921 года Белявский уволился с военной службы по собственному желанию и работал гражданским врачом в сретенской больнице, однако в 1923 году был уволен оттуда “за недостаточные коммерческие способности как администратора”. В 1924 году его назначили уездным санитарным врачом, но и на этой должности Александр Капитонович впал в немилость к администрации за то, что не выписывал денежных штрафов купцам и предпринимателям за “нечистое содержание рабочего места”, а ограничивался выговором, в то время как по замыслу местных руководящих органов штраф даже выделили в доходную статью, включив в смету. После этого в течение трех лет Белявский не занимал никакой врачебной должности, преподавал естественные науки в школе второй ступени и медтехникуме, вел научный врачебный кружок. В 1927 г. ему удалось получить должность участкового врача на железной дороге. Александр Капитонович не боялся открыто высказываться в от-

⁷² Там же. Д. 64. Л. 34.

ношении тех преимуществ медицинской помощи, которые отличали здравоохранение до 1917 года. Он писал: “Медицинская помощь в довоенное время качественно и количественно была значительно выше нынешней”. Совершенно справедливо Белявский характеризовал и абсурдную политику администрации, направленную на то, чтобы во что бы то ни стало избавиться от старых врачебных кадров.

«Мы не будем далеки от истины, – писал он, – если представим, сколько трудностей предстоит окрздраву заманить в нынешнюю сретенскую “врачебную яму” кого-либо из дельных медработников, разве только если резко изменится отношение к врачам со стороны администрации, здравотдела и союза медсантруда, тогда может быть через год можно рассчитывать на российскую незлобивость и забывчивость»⁷³.

Однако для А.К. Белявского превыше всего стояли его научные интересы и он, несмотря на изменившуюся ситуацию, продолжал активно участвовать в общественной жизни, делал интересные доклады на врачебной секции (например, в 1928 году он публично прочел лекцию “Ятрогенные заболевания и негативная психотерапия”), стараясь передать свои знания и опыт молодым специалистам⁷⁴. В середине 1920-х годов он выступил с инициативой создания в Сретенске музея при педагогическом училище, дабы иметь наглядный материал для учащихся. Идея Белявского заключалась в перевозе экспонатов Нерчинского музея, хранящихся после 1917 года во дворце купцов Бутиных и находящихся в весьма плачевном состоянии. Судьба Нерчинского музея являлась ярким примером нового отношения к признанным плодам титанической и самоотверженной деятельности исследователей старшего поколения. В марте 1927 года А.К. Белявский писал:

“Пыль, мыши, моль, холод и неуход в течение нескольких лет разрушили богатейший музей, составлению которого отдали лучшие силы видные нерчинские краеведы (Кузнецов, Стуков, Каро). Тяжело и обидно, что нерчугане не смогли сохранить сокровища музея от уничтожения”⁷⁵.

Александр Капитонович не опустил руки, но деятельно продолжал способствовать созданию Сретенского музея, им пожертвованы в музейные фонды многие выставленные там экспонаты и фотографии.

Выше мы проанализировали некоторые работы А.К. Белявского историко-экономического, сельскохозяйственного и крае-

⁷³ Там же. Д. 9. Л. 35–37.

⁷⁴ Там же. Д. 67. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Д. 20. Л. 5.

ведческого плана, однако, большая часть его научного наследия относится к естественной истории, биологии и медицине. Начнем анализ этой группы работ исследователя с очерков по климатологии Забайкалья, к коим относятся: “Тип забайкальской засухи”, “Анализ климатических факторов г. Стретенска” и “Влияние климата на органическую жизнь”. Следует сказать, что на рубеже XIX–XX веков в Забайкальской области появилось несколько статей, посвященных как в общем климату региона, так и отдельных его районов⁷⁶.

Однако для Стретенска и Стретенского округа климатологические исследования А.К. Белявского явились совершенно новыми.

Статья “Тип забайкальской засухи”, оставшаяся в рукописи, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение⁷⁷. В ней автор попытался разобраться в отдельных составляющих климата и погоды, дабы установить зависимость от них земледелия, основного занятия забайкальцев. Обработке и анализу подверглись метеорологические данные по Стретенску за 30 лет, собранные автором лично, подкрепленные имеющимися в его руках данными метеорологической станции Нерчинского Завода за 60 лет. Учитывались следующие составляющие климата: среднегодовая температура; средняя температура зимы, весны, лета, осени, вегетационного периода; годовое число осадков; абсолютная и относительная годовая влажность; барометрическое давление; число ясных и пасмурных дней в году и пр. Забайкалье – зона рискованного земледелия, поэтому главной целью А.К. Белявского было сделать возможным по условиям погоды весны и лета предсказание урожайности данного года. В определенной степени это ему удалось.

Наиболее неблагоприятными климатическими факторами, делающими земледелие в Забайкалье рискованным, исследователь считал заморозки, засуху и жару. Засуха, по его мнению, наиболее была опасна в период посева, так как в Восточном Забайкалье обычно сопровождалась весенними ветрами, выдувавшими семена из сухой почвы, а также в так называемые “критические” для растений периоды (то есть те, в которые они больше всего подвержены воздействию неблагоприятных факторов).

⁷⁶ Венске А. Краткий обзор климатических условий Забайкальской области в 1913 г. // Забайкальский хозяин. Чита, 1914. Кн. 2. С. 18–35; Григорьев М.П. Климат. Иркутск, 1913. (Труды Агинской экспедиции; Вып. II); Кирилов Н.В. О климате Забайкалья, преимущественно западной его половины: (Лекции, читанные в Военном собрании в 1894 г.). Чита, 1894; Славинский Б.А. О климате Акатуевского рудника // Записки ЧОПОИРГО. 1898. Вып. 3. С. 176–192.

⁷⁷ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 36.

Проанализировав распределение осадков в г. Сретенске по месяцам за период с 1900 по 1928 годы, А.К. Белявский составил таблицу, в которой в процентах указал вероятность засухи для каждой декады месяцев, входящих в вегетационный период. Это, по его словам, позволило прогнозировать засуху и бороться с нею. Например, с апреля до третьей декады мая вероятность засухи составляла в разные годы от 70% до 90%, с третьей декады мая по вторую декаду июня уменьшалась до 42%, во вторую–третью декаду июня – 33% (то есть малое количество осадков наблюдалось примерно раз в три года), в первой декаде июля – 13%. В конце же июля–августе засуха в Забайкалье маловероятна, наоборот, август был временем ливневых дождей. Это последнее обстоятельство, по мнению Белявского, являлось нежелательным для уборки хлебов, однако благоприятным для огородных культур. Поэтому исследователь выступил с инициативой увеличения в Забайкалье площадей посева кормовых корнеплодов и клубней. По данным А.К. Белявского, засушливому лету предшествовало малое выпадение осадков осенью и весной. Что же касается зимних осадков, то

“их количество вообще так ничтожно, что оно не может служить показателем: даже наибольшее их количество за зиму 1916 года едва равняется одному хорошему летнему дождю”⁷⁸.

Засушливые годы в Восточном Забайкалье, как правило, сочетались с частыми майскими заморозками, зато осенние заморозки наступали позже обычного. В связи с этим обстоятельством А.К. Белявский дал следующий, весьма важный практический совет:

“Позднее наступление осенних заморозков в засушливые годы дает возможность еще раз рекомендовать большее развитие огородничества, которое в этих случаях может значительно компенсировать неурожай хлебов. Удлинением осенней части безморозного периода в засушливые годы Сретенск резко отличается не только от Западного Забайкалья, но и от Западной Сибири”⁷⁹.

Данное предложение А.К. Белявского являлось новаторским: Даурия в течение нескольких веков была ориентирована на выращивание зерновых культур, огородничество же здесь имелось в незначительных масштабах. Особенно пагубным для будущего урожая исследователь считал недостаточное количество осадков в июне и первой–второй декаде июля – наиболее важный отрезок

⁷⁸ Там же. Л. 10.

⁷⁹ Там же.

вегетационного периода. К засухе и заморозкам порой присоединялся и третий неблагоприятный для растений фактор – “иссушливая жара”, наиболее часто посещающая Восточное Забайкалье в июле и августе. Максимальная температура лета, отмеченная Белявским, составляла 37,8 °С, которая, по его мнению, стала причиной летнего застоя вегетации.

Александра Капитоновича весьма увлекал вопрос о зависимости засух и неурожаев от космических факторов, в частности, от деятельности Солнца, выражающейся в изменении на нем числа пятен. Еще будучи студентом Казанского университета, он слушал лекции профессора И.М. Догеля, который доказывал на основании периодичности зависимость появления эпидемий холеры и чумы от количества солнечных пятен. Белявский был увлечен идеями профессора А.Л. Чижевского, установившего, как ему казалось, связь между процессами на Солнце и общественными движениями, а также теорией “возмущения климата” (зависимость от Солнца вулканической деятельности и пр.). Белявский А.К. провел и собственное исследование, пытаясь найти возможность предсказать засуху по деятельности Солнца, установить взаимозависимость между ними.

“В этом космическом факторе – солнцедетельности”, – писал ученый, – “мы имеем только приблизительно точный признак для предсказания неурожая и большой засухи, хотя все же довольно надежный и устойчивый... Мы еще не располагаем верными и точными показателями для предсказания урожайности, а только приблизительно верными признаками, но, несомненно, что при более детальном изучении климата приблизительность предсказаний будет увеличиваться”⁸⁰.

Само исследование климатических факторов Восточного Забайкалья носило у Белявского весьма оригинальный характер: он регистрировал и измерял их не на уровне роста человека, а гораздо ниже, у поверхности земли, где произрастали растения (здесь показатели были несколько другими). Ученый считал,

“что такого рода изучение деталей микроклимата продвинет вперед вопрос об урожайности, а климатологам и метеорологам сулит обширное поприще интереснейших задач”⁸¹.

Несомненно, что данное исследование климата Восточного Забайкалья, влияния климатических факторов на культурные растения, а также возможности прогнозирования засух, являлись не только новаторскими для региона, но и основополагающими

⁸⁰ Там же. Л. 18.

⁸¹ Там же. Л. 19.

для профессиональной деятельности местных агрономов, для которых Белявский особо выделил семь следующих положений:

- для г. Стретенска несостоятельна народная примета о том, что жаркому лету предшествует холодная зима;

- число лет с достаточным количеством осадков не превышает 4-х подряд, а засушливых лет может быть не более 3-х подряд;

- условия распределения осадков в Забайкалье весьма неблагоприятны для озимых хлебов, которые здесь пытались культивировать;

- главное место среди неблагоприятных для земледельцев климатических факторов занимают заморозки и засуха;

- во второй половине вегетационного периода даже в засушливые годы осадки выпадают в достаточном количестве, что является благоприятным для огородных культур, а заморозки в засушливые годы значительно отодвигаются;

- засушливые неурожайные годы сопровождаются жарким летом, недостатком осадков в июне и первой половине июля, коротким безморозным периодом, частыми весенними заморозками, резкими колебаниями температуры дня и ночи, малой относительной влажностью, чередованием больших сплошных периодов засухи с условно засушливыми периодами;

- неурожайным годам предшествует весьма сухая осень, холодная зима с малым количеством осадков, малое выпадение весенних осадков в апреле–мае⁸². Таким образом, работа А.К. Белявского “Тип забайкальской засухи” основана не только на многолетних собственных метеорологических наблюдениях автора, но и на наблюдениях за жизнью растений.

Двумя другими исследованиями А.К. Белявского, также носящими комплексный, климато-гигиенический и отчасти антропологический и флористический характер, стали статьи “Анализ климатических факторов г. Стретенска” и “Влияние климата на органическую жизнь”. В первой из них он отметил те особенности в физиологии и анатомии организма сибиряков, которые сформировались под влиянием забайкальского климата. Наиболее благоприятным для здоровья временем года Александр Капитонович считал зиму с ее сухими и солнечными днями, на основании проанализированной им статистики заболеваемости. Организм местных жителей зимой был приспособлен к большим колебаниям температуры (при выходе из натопленного помещения на улицу) за счет употребления жирной и калорийной пищи. Сухое же и жаркое лето было периодом эпидемий диареи с высокой смертностью, в особенности у грудных детей. Белявский А.К.

⁸² Там же. Л. 14–15.

впервые отметил и весьма интересную особенность анатомического строения забайкальцев, сформировавшуюся под влиянием климата, и впервые описал ее:

“Суммированное действие климатических факторов в связи с умеренным возвышением местности (447 метров над уровнем моря), по-видимому, отражается на формировании грудной клетки местных жителей. Отличительным свойством строения тела забайкальца является широкая объемистая грудная клетка, превышающая известные до сих пор нормы. Это подтверждает громадный материал призывников всех сибирских округов: по индексу Эрисмана (соотношение окружности груди с ростом) Стретенский округ занимает первое место. Наши антропологические измерения нескольких тысяч стретенских школьников показали, что широкая грудная клетка не только особенность старожильческих детей, но и детей приезжих, если они родились здесь. Таким образом приходится допустить, что на формирование грудной клетки действуют местные климатические факторы”⁸³.

Данное предположение ученого, проведенного весьма оригинальное исследование, не имевшее места ранее в Восточном Забайкалье, является совершенно справедливым и связано с увеличением объема легких забайкальцев из-за характерного для этого региона недостатка кислорода в воздухе. Фрагменты данного рукописного текста отчасти фигурируют в его опубликованной в “Известиях общества врачей Южно-Уссурийского края” статье “К вопросу о физическом сложении сибирской молодежи”⁸⁴. Третья из названных рукописей А.К. Белявского, “Влияние климата на органическую жизнь”, целиком посвящена взаимосвязи климата региона и его растительного мира (как дикорастущих, так и культурных растений)⁸⁵. Влияние климата региона на здорового человека, а также на рождаемость, смертность и заболеваемость вообще отражены в неопубликованных очерках “Медико-топографическое описание станций Забайкальской железной дороги” и “Охрана здоровья населения Забайкалья”, а также в вышедшей в 1927 году статье “Распространение туберкулеза в Забайкалье”⁸⁶. В какой-то мере информация о влиянии климата на человека повторяется и в вышеназванной работе “Анализ климатических факторов г. Стретенска”.

⁸³ Там же. Д. 42. Л. 11–12.

⁸⁴ Белявский А.К. К вопросу о физическом сложении сибирской молодежи // Известия общества врачей Южно-Уссурийского края. 1928. № 36.

⁸⁵ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 37.

⁸⁶ Там же. Д. 4; Белявский А.К. Распространение туберкулеза в Забайкалье // Иркутский медицинский журнал. 1927. Т. 5, № 1/2. С. 13–25.

В статье “Медико-топографическое описание станций Забайкальской железной дороги” особенно ценными являются приведенные в ней личные наблюдения Белявского за климатическими факторами на железнодорожных станциях, а также результаты переработки им бюллетеней некоторых отдельных метеорологических станций и летописей Главной физической (Николаевской) обсерватории, начиная с 1910 года. Весьма интересно и его изучение почв Западного и Восточного Забайкалья. До Белявского этим вопросом в основном занимался агроном Н.А. Крюков, предложивший выделить почву Даурии в особый вид (лессовидную), так как она своей вертикальной слоистостью напоминает лесс, отличаясь от чернозема свойством светлеть по мере обработки, тогда как чернозем всегда оставался неизменно черным⁸⁷. Причину отсутствия в Забайкалье чернозема А.К. Белявский видел в следующем:

“Образованию чернозема здесь между прочим препятствует ничтожное количество земляных червей, да вообще, благодаря сухости воздуха и почвы, химические процессы в органических веществах почвы происходят крайне медленно. Нами, например, наблюдалось полное неизменение бараньего помета, пролежавшего в поверхностном слое почвы свыше пятидесяти лет”⁸⁸.

Белявский А.К. считал, что происхождение забайкальской лессовидной почвы тройное: на плоскогорьях – это дно бывших раньше и затем высохших водоемов; в речных долинах – аллювиальные наносы из продукта разрушения пород соседних гор; на склонах и покатых возвышенностях – эллювий от разрушения горных пород на месте. Белявский А.К. отмечал, что, поскольку, забайкальские почвы богаты минеральными солями, то здесь гораздо важнее не удобрение, а искусственная ирригация. Предметом изучения исследователя стала также и вечная мерзлота, для которой он обозначил глубину залегания на каждой станции (например, 30 м в Петровском Заводе, 70 м на станции Бушулей). Ученый отметил, что в Забайкалье вечная мерзлота залегает глубже, чем в южной части Якутии, хотя морозы здесь не так суровы. Белявский объяснил это тем, что в Забайкалье большому промерзанию почвы способствует скудный снежный покров.

Относительное санитарное благополучие Даурии исследователь также связывал с сухостью климата и высокой солнечной активностью, препятствующими размножению бактерий:

⁸⁷ Крюков Н.А. Земледелие в Восточном Забайкалье // Приамурские ведомости. 1894. № 44–45; *Он же*. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1896.

⁸⁸ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

“Можно считать до известной степени установленным факт неврежденности суровой зимы на здоровье людей и положительно доказанным благоприятное влияние солнечности и сухости воздуха. Эти два последние фактора, вместе взятые – лучшие друзья здоровья населения”⁸⁹.

Белявский А.К. доказывал на основании данных санитарной статистики и собственных наблюдений, благотворность влияния прозрачного, разряженного, холодного и чистого забайкальского воздуха на течение любой легочной патологии (за исключением крупозной пневмонии). Ученый впервые установил, что заболеваемость туберкулезом в Забайкалье в четыре раза ниже, чем в Европейской России (1,8 человек на 1000 населения), причем инфекция эта вовсе не встречалась среди живущих в улусах бурят, а также среди старожильческого населения, живущего в известной отдаленности от городов. Белявский А.К. не раз выражал на страницах медицинской печати свое твердое убеждение в том,

что “туберкулез в Забайкалье значительно менее распространен и течение его сравнительно благоприятно... Местные жители, особенно удаленные от городской жизни, почти не заболевают туберкулезом при обычных естественных условиях, но если резко изменится образ жизни, питание, жилищные условия, то и они могут заболеть туберкулезом, хотя и с меньшей вероятностью, так как указанные климатические особенности служат всегда неблагоприятной средой для развития туберкулеза”⁹⁰.

Так как острые бронхиты, плевриты и прочие заболевания дыхательных путей в Забайкалье встречались реже, А.К. Белявский рекомендовал этот регион в качестве курорта для легочных больных. Такое благоприятное воздействие на легкие забайкальского воздуха исследователь объяснил компенсаторным улучшением их кровоснабжения (гиперемией) вследствие низкого парциального давления кислорода в условиях высокогорья. Согласно его исследованиям, здесь также хорошо поддавались лечению рахит (солнце способствовало выработке в коже витамина D) и малярия (это было обусловлено практическим отсутствием болот и сухостью). Однако, забайкальский климат является неблагоприятным для течения ревматизма, пороков сердца и нервных болезней (общее для высокогорных районов). Среди местного населения, по данным А.К. Белявского, весьма часто встречалась подагра по причине высокого потребления мяса (по подсчетам ученого – 43,2 кг на душу населения в год).

⁸⁹ Там же. Д. 2. Л. 7.

⁹⁰ Там же. Л. 8–9.

Белявский А.К. – автор первого специализированного руководства по географии Забайкалья, к сожалению, не изданного. В нем он описал орографию и гидрографию региона; длину, ширину, глубину, характер берегов, флору и фауну рек Селенги, Баргузина, Уды, Чикоя, Витима, Шилки, Онона и Аргуни, озер Гусиное, Далай-нор и Байкал. Байкал, по мнению автора, “чрезвычайно красив, но красота эта дикая, печальная и однообразная”⁹¹. В работе приведено описание тектоники и геологического строения Забайкалья, а также основных водораздельных хребтов (Хамар-Дабан, Иройские горы, Хамбинский хребет, Зыр-Ху Зун, Ганзуринский хребет, Цаган-Дабан, Хундунский и Яблоновый хребты). Значительное место в данном руководстве А.К. Белявский отвел Байкалу. Он привел древнейшие сообщения об озере, почерпнутые в китайских летописях; описал обилие горячих минеральных источников, бьющих на его берегах (это, по его мнению, свидетельствовало о тектонической активности местности, проявлением которой стало в том числе и сильное землетрясение, произошедшее здесь в 1861 году), а также флору и фауну Байкала. Данное пособие, носящее научно-популярный характер, дает представление о А.К. Белявском не только как об ученом, но и как о прекрасном педагоге, сумевшем доступным и интересным языком изложить сугубо научную информацию, адаптировать ее к восприятию учащимися.

Выше уже упоминалось, что исследователь был инициатором создания в Сретенске химической лаборатории, в которой производились анализы в том числе и минеральных источников Сретенского округа. Белявский А.К. посетил и описал географическое положение 33-х минеральных ключей этого региона, для многих впервые определил среднегодовую температуру окружающей среды, а также температуру и химический состав воды. Среди них значились, например, Алашерский, Буруканский, Вершино-Туровский, Кудринский, Уровский, Амкунский источники. Для воды каждого ключа А.К. Белявский обозначил показания и противопоказания к применению, основываясь на опыте ее использования местными жителями, а также химическом составе. Например, воды Амкунского источника он рекомендовал при поражениях суставов, рахите, сухотке, невралгиях, хронических женских болезнях и болезнях обмена веществ; советовал не применять при туберкулезе, инсульте, эпилепсии и декомпенсированных пороках сердца⁹².

⁹¹ Там же. Д. 23. Л. 9.

⁹² Там же. Д. 5.

Наиболее обширное исследование, касающееся вопросов естественной истории, А.К. Белявский посвятил забайкальской фауне. Он писал:

“Своеобразие климата, богатство травяного покрова, обширность лесов и простор в связи с малой населенностью Забайкалья создают условия, наиболее благоприятные для населения области множеством разнообразных пород животного царства, так что Забайкалье является как бы естественным богатейшим зверинцем”⁹³.

На основании своих собственных наблюдений и исследований, а также опубликованных трудов П.-С. Палласа, Г.И. Радде, А.Ф. Миддендорфа и Б.И. Дыбовского по фауне Забайкалья, А.К. Белявский сделал вывод, что преобладающими группами животных здесь являются млекопитающие и птицы, тогда как весьма ограничено число видов пресмыкающихся. Еще одной особенностью фауны Даурии, обратившей на себя внимание исследователя, было малое число видов, но большое, в то же время, количество кровососущих насекомых. Белявский весьма красочно описал этот своего рода “бич” тайги:

«Тайга представляет собой настоящее царство комаров, мошек и оводов, имеющее у населения название “гнуса”. Все живые обитатели тайги, за исключением птиц и пресмыкающихся, терпят от гнуса неимоверные лишения и теряют потоки крови, даже густой мех лисиц, волков и медведей не служит достаточной защитой от этих маленьких, но грозных врагов тайги. С утра до вечера донимают пауты, а с вечера до утра мошка и комары. Кожа многих короткошерстных животных летом представляет собой решето от многочисленных прокусов и отложений яиц. Обессиленные животные покидают пастбища, целыми часами стоя по горло в озере или реке, а то убегая на голые высокие сопки, обдуваемые ветром. Человек без сетки и рукавиц во многих местах не рискует выходить из жилища. Такое засилие гнуса нередко служило причиной отказа поселяться в некоторых таежных местах, хотя в других случаях удаление заболоченности, целесообразная вырубка леса радикально изменяли условия и изгоняли этим кровососущих из тайги»⁹⁴.

В своем очерке по флоре Забайкалья А.К. Белявский описал некоторых представителей следующих отрядов млекопитающих: рукокрылых, насекомоядных, хищных, ластоногих, грызунов, толстокожих, жвачных. Самыми многочисленными по числу ви-

⁹³ Там же. Д. 27. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Л. 2–3.

дов в Забайкалье являлись представители хищных и грызунов. Исследователь не только перечислял виды млекопитающих на трех языках (русском, латинском, монгольском или бурятском), но также указывал ареал распространения, описывал внешний вид (размеры, цвет шерсти и пр.), остроту зрения и слуха, повадки, поведение при спаривании и по отношению к детенышам, характер пищи и способ ее добывания. Из собранной им на этот счет информации видно, что Белявский сам являлся страстным охотником, подобно А.А. Черкасову, именно во время нее наблюдал за жизнью животных в дикой природе. Кроме того, будучи врачом, Белявский не мог не интересоваться информацией об употреблении животного сырья в народной медицине (ее он подробно фиксировал в своей работе). Например, в народной медицине забайкальцев широко применялся тарбаганий жир (при полипах, кашле, грудных болезнях и ревматизме). Белявский описал также охоту коренного населения на пушного зверя (белку, соболя, горноста, куницу, степную лисицу корсака), воспроизводя информацию, полученную им от “охотников-туземцев”. Он отмечал также значение каждого пушного зверя как в охотничьем, так и в торговом отношении. Птиц, рыб и пресмыкающихся Забайкалья А.К. Белявский коснулся в этой работе лишь кратко, охарактеризовав ареал обитания и характер промысла для нескольких десятков видов. Пытаясь привлечь внимание к защите охотничьих и промысловых животных, исследователь обозначил те виды, которые к началу XX века находились на грани вымирания (горный баран (арголей), дикая лошадь (чикичей), антилопа-дзерен, выдра (*utra vulgaris*, калун)). К сожалению, и эта высокопрофессиональная и интересная работа, посвященная фауне Забайкалья, также осталась в рукописи, тогда как по ценности и глубине представленной в ней информации не уступала трудам зоологов того времени⁹⁵.

Белявский А.К. был одним из ведущих специалистов в области эндемичной для Восточного Забайкалья патологии – уровской болезни, пытался выявить ее причины (кстати, до конца неясные и по сегодняшний день). Именно он дал ей употребляемое в настоящее время название болезни Кашина-Бека (этот факт не отмечен, к сожалению, ни в одном издании по истории ее изучения). Остановимся несколько подробнее на этой патологии, ее особенностях и истории исследования.

Первое упоминание об уровской болезни относится к 1849 году, когда межевой техник И.М. Юренский описал патологию,

⁹⁵ См., напр.: *Кащенко Н.Ф.* О коллекции млекопитающих из Забайкалья. СПб., 1910; *Скворцов Б.В.* Фауна и флора Маньчжурии и русского Дальнего Востока. Харбин, 1922.

встречающуюся среди казачьего населения в заболоченной долине р. Уров (притока р. Аргуни) и заключающуюся в появлении зоба, а также деформации конечностей, и позвоночника, что приводило к нарушению двигательной активности⁹⁶. В середине 1850-х годов уровские больные привлекли к себе внимание врача Забайкальского казачьего войска Н.И. Кашина, отметившего их низкий рост и короткопалость. Кашин назвал болезнь “ломотной” или “забайкальским ревматизмом”, а причиной ее считал неблагоприятные факторы внешней среды: суровость климата, заболоченность долины Урова, плохие санитарно-бытовые условия⁹⁷. Поскольку болезнь встречалась на строго ограниченной территории, Н.И. Кашин выступил с предложением о переселении жителей пораженных болезнью сел, и в 1857 году 430 казачьих семейств (более десятка деревень среднего и нижнего течения Урова) переместили на рр. Аргунь и Амур. Однако, уже в 1866 году эта местность вновь стала заселяться из-за хороших пашенных и сенокосных угодий. Следующий серьезный шаг в изучении уровской патологии сделан в трудах врачей-супругов Е.В. и А.Н. Бек. Они поголовно обследовали жителей 11-ти пораженных сел, причем почти треть населения (31.7%) обнаруживала симптомы болезни. Бек Е.В. назвал уровскую патологию забайкальским обезображивающим остеоартритом (*osteoarthritis deformans endemica*) и причиной ее считал химический состав воды бассейна р. Уров. На защиту своей диссертации по уровской болезни, состоявшейся в 1906 году в Санкт-Петербурге, Е.В. Бек привез шесть больных, которых впоследствии ему удалось для дальнейшего клинического рентгенологического обследования госпитализировать в ортопедическую клинику Военно-медицинской академии⁹⁸. После смерти Е.В. Бека, в 1915 году, дальнейшим изучением этой патологии занималась А.Н. Бек, опубликовавшая несколько статей по данной тематике⁹⁹.

⁹⁶ Об уродливости жителей берегов реки Урова в Восточной Сибири: (Извлечение из донесения члена-корреспондента почетного гражданина Юренского из Нерчинска, с примечанием V отделения Общества) // Труды императорского Вольного экономического общества за 1849 г. СПб., 1849. Ч. 2. С. 87–91.

⁹⁷ *Малинковский Н.Н.* Н.И. Кашин. М.: Медгиз, 1957; *Петряев Е.Д.* Исследователь Приаргуны Николай Иванович Кашин // Забайкалье. Чита, 1957. Кн. 7. С. 211–221.

⁹⁸ *Бек Е.В.* К вопросу об обезображивающем эндемическом остеоартрите в Забайкальской области: Диссертация. СПб., 1906; *Он же.* Об изучении уровской болезни // Забайкальская новь. 1909. № 219.

⁹⁹ *Бек А.Н.* К вопросу об *osteoarthritis deformans endemica* в Забайкальской области // Труды Первого съезда врачей Восточной Сибири в г. Иркутске, 20–25 августа 1924 г. Иркутск, 1925. С. 79–92; *Она же.* Опыт антропометрических и других исследований в очаге болезни Бека в Забайкалье // Новая хирургия. 1927. № 5. С. 518–526.

Проживая и практикуя в непосредственной близости от данного эндемического очага, А.К. Белявский много времени посвящал изучению урвской болезни. Он самостоятельно обнаружил новый очаг эндемии, находящийся вне бассейна Урова, а именно, в Шелопугинской волости по р. Унде, в 80-ти верстах от Сретенска. Причиной данной патологии Александр Капитонович считал аномалию желез внутренней секреции (подтверждением чего являлся маленький рост больных). Первоочередной же задачей в изучении этиологии поражения этих желез, по Белявскому, является всестороннее исследование окружающей среды этого района: флоры, фауны, климата, почвы, горных пород, воды рек и ключей. Ученый уточнил и клиническую картину болезни Кашина-Бека, чаще начинающуюся в возрасте 8–20 лет с общей повышенной утомляемости, за которой следовали изменения (утолщения) в фалангах пальцев (короткопалость) и крупных суставах, хруст и затруднение движения в них, изменение походки (“иноходь”). Следствием поражения суставов становился малый рост. Болезнь не была заразной, течение ее замедлялось при переселении в другую местность. Опытным путем А.К. Белявский установил, что у некоторых пациентов удалось вылечить “сведение суставов” на местном курорте Ямкун, где он вел наблюдение за больными¹⁰⁰.

К началу 1920-х годов относится новая волна изучения урвской болезни, причем на место эндемии из Москвы было отправлено несколько экспедиций, самая крупная из них, под руководством Л.И. Добровольского (1924) впоследствии издала результаты своих исследований¹⁰¹. Именно во второй половине 1920-х годов наблюдалась довольно активная полемика в печати по поводу этиологии урвской болезни¹⁰². В стороне от нее не остался и Александр Капитонович Белявский¹⁰³. Большинство исследователей и по сей день придерживаются мнения, что именно вода является причиной урвской болезни, а точнее, присутствие в ней различных субстанций, например, микроорганизмов, радиоактив-

¹⁰⁰ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 6.

¹⁰¹ Материалы экспедиции 1924 г. в пораженный урвской болезнью район / Авторы текста Я.О. Добровольский, Н.П. Сажин, А.М. Суворов. Чита, 1926.

¹⁰² *Белковский А.В.* Еще о болезни Бека // Медико-санитарный сборник. Сретенск, 1928. С. 3–47; *Он же.* Призыв 1925 года и болезнь Бека в Нерчинско-Заводском и Газимурском районе Сретенского округа // Там же. С. 148–151; *Добровольский Л.И.* Об урвской болезни. Чита, 1925; *Киреев М.П.* Клинические данные при болезни Бека // Московский медицинский журнал. 1927. № 2. С. 45–51.

¹⁰³ *Белявский А.К.* Болезнь Бека // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1929. № 2. С. 107–109; *Он же.* Современное состояние вопроса о болезни Бека // Советская клиника. 1932. Т. 17, вып. 4/6. С. 520–530.

ного свинца, органических ядов. Вообще, вода р. Уров слабо минерализована и содержит мало кальция, необходимого для костей. Уже позже, в 1946 году, забайкальский врач Ф.П. Сергиевский высказал мнение, что болезнь вызвана особым грибом “ржавцем”, называемым местным населением “помхой”, поражающим зерновые культуры в районе эндемии, и, по мнению врача, привносящим алиментарно-токсический фактор в патогенез заболевания¹⁰⁴. Еще раз отметим, что в настоящее время все эти гипотезы имеют право на существование, поскольку окончательно причина болезни не выявлена.

Белявский А.К., посвятивший исследованию уровской патологии много лет, называл экспедиции, приезжавшие из Москвы в район эндемии, “гастрольными поездками”, считая, что серьезно подойти к разрешению этой проблемы можно только организовав на месте какое-либо учреждение для ее изучения. Когда в конце 1920-х годов встал вопрос о месте постройки Уровской научно-исследовательской станции, Александр Капитонович на заседаниях научно-врачебного кружка высказался не за центр эндемии – Ямкун, а за Сретенск, так как он являлся ближайшим городом, где находилась химико-бактериологическая лаборатория и вообще работали люди с высшим медицинским образованием. Он предлагал создавать в Сретенске “бековские кружки” из “местных культурных сил”, которые бы работали при отделении географического общества и по данной им инструкции исследовали геологию, гидрологию, водопользование, флору, фауну, климат территории эндемии. Много фотографического материала по болезни Кашина-Бека Александр Капитонович подарил местному музею. Уровская научно-исследовательская станция все же была открыта в 1929 году на Ямкуне. При ней проходили межрайонные конференции по болезни Кашина–Бека, читались и публиковались доклады¹⁰⁵. Из сохранившейся переписки А.К. Белявского следует, что в то время (то есть в 1920-е годы) мнение его в отношении методов изучения уровской патологии было весьма авторитетным. Вот, например, одно из писем к сретенскому врачу сотрудника Хабаровского краеведческого музея Н. Билибина:

“Уважаемый Александр Капитонович! Посылаю на ваше заключение инструкцию, составленную профессором Б.С. Домбровским по изучению болезни Бека со стороны геохимической. Не откажите сообщить свое мнение: 1) о самой инструкции, 2) дополнении или изменении с медицинской точ-

¹⁰⁴ Сергиевский Ф.П. Уровская Кашина–Бека болезнь. Чита, 1948.

¹⁰⁵ Уровская болезнь // Доклады научной межрайонной конференции при уровском институте в июле 1933 г. Сретенск, 1933. Т. 1. Вып. 1.

ки зрения и 3) продвижении вопроса в части применения инструкции в жизнь”¹⁰⁶.

Уровская научно-исследовательская станция своим существованием во многом обязана тому, что А.К. Белявский привлек должное внимание к этой проблеме, а также ходатайствовал о ее скорейшей организации.

Еще одним заболеванием, эндемичным для Южного Забайкалья и Монголии, изучаемым А.К. Белявским, являлась чума. Ученый имел по роду своей службы непосредственный контакт с подозрительными по чуме группами китайцев, которые ежегодно проезжали через Сретенск на работу на золотые прииски на Шилку и Амур, подвергаясь здесь обсервации¹⁰⁷.

Интереснейшей и новаторской с теоретической точки зрения стала неопубликованная работа А.К. Белявского “Жизнь, смерть, возрасты, старость, омоложение”, свидетельствующая, на наш взгляд, о его прекрасной ориентировке в вопросах биологии. Он начал свои рассуждения с, казалось бы, парадоксального утверждения:

“Величайшая способность всего живого – упорно сопротивляться разрушению... Не смерть, а бессмертие является характерной особенностью жизни”¹⁰⁸.

Конец XIX – начало XX века ознаменовались своего рода “бумом” в биологии и медицине: ученые пытались объяснить процессы старения и получить “эликсир бессмертия”. Белявский А.К. особо выделил так называемую гуморальную теорию старения, считая что

“смена возрастов происходит благодаря действию определенных химических веществ, выделяемых в кровь самим организмом”¹⁰⁹.

Этими веществами являлись гормоны: “гормон старости” адредалин, способствующий развитию атеросклероза в сосудах, и половые гормоны – “гормоны молодости” (в доказательство исследователь приводит информацию о пересадке половых желез молодых особей крыс старым, что увеличило продолжительность жизни последних на 1/3 от средней). Таким образом причиной смерти, по мнению А.К. Белявского, являлось не физическое изнашивание, а химическое самоотравление:

“Смерть наступает от самоотравления, интоксикации теми ядами, которые вырабатываются в процессе оплодотворения и созревания”¹¹⁰.

¹⁰⁶ ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.

¹⁰⁷ Там же. Д. 3.

¹⁰⁸ Там же. Д. 17. Л. 3, 7.

¹⁰⁹ Там же. Л. 11.

¹¹⁰ Там же. Л. 8.

В качестве примера он приводил жизненный цикл растения, погибающего после принесения плодов. Одновременно А.К. Белявский высказал собственную гипотезу о том, что

“смерть является не необходимостью, лежащей в природе организма, а только приспособлением, почему-либо полезным для вида в борьбе за существование”¹¹¹.

Действительно, ведь только небольшое число видов хорошо приспособлено к окружающим условиям, а естественная смерть других – выгодное приспособление вида, выработанное в борьбе с изменяющимися неблагоприятными условиями:

“бессмертие индивидуума защищает вид от вымирания меньше, чем быстрая смена поколений”.

Смерть, по Белявскому, являлась крупным фактором в борьбе за существование между видами и поэтому закрепилась, как целесообразный признак. Однако, существуют частицы организма человека, являющиеся бессмертными – это зачатковые клетки. Белявский А.К. весьма увлекательно писал об этом:

“Мы с полным правом можем утверждать, что наши зачатковые клетки – потенциально бессмертны и вполне возможно, что они будут жить через миллионы лет в последующих тысячах поколений, после нашей индивидуальной смерти. Мы же не называем смертью то, что с нашей головы падают волосы. Точно так же бессмертна непрерывная цепь зачатковых клеток, переходящих одна в другую и сбрасывающих с себя бремя тела, как кожа головы сбрасывает волосы... Главное отличие живого от бессмертного – бессмертие зачатковых клеток. Эта способность живых организмов – потенциальное бессмертие”¹¹².

Бессмертие зачатковых клеток А.К. Белявский доказывал на примере простейших одноклеточных организмов – инфузорий, которые беспрерывно делятся, не образуя трупа, не зная ни старости, ни смерти. Существовал подобный пример и среди многоклеточных животных (кораллы). Весьма живучи и растения, размножающиеся вегетативным путем, например, картофель, также не нуждающийся в омоложении.

“Мы уже устранили смерть у картофеля и плодовых деревьев”, – писал А.К. Белявский, – “по крайней мере на то время, пока жив человек. Может быть, и человек откроет для себя жизненный эликсир, то тогда, несомненно, должно быть сокращение или даже уничтожение рождаемости, а также приостановка дальнейшей эволюции человеческого вида”¹¹³.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. Л. 4.

¹¹³ Там же. Л. 9.

А.К. Белявский был знаком с опытами отечественных и зарубежных ученых (Ф.А. Андреева, Ш. Броун-Сикара, Г. Гельмгольца, С. Аррениуса, Б.И. Словова, Н.П. Кравкова), уже в то время доказывающими возможность жизни и функционирования некоторых органов отдельно от всего организма, что, по мнению исследователя, было очередным шагом к бессмертию.

Из вышеописанной научной деятельности А.К. Белявского в Забайкалье становится очевидным, как необыкновенно широк был кругозор исследователя, не признававшего узких направлений, стремившегося придать своей работе всесторонний, системный характер. Получив образование в ведущем учебном заведении России – Казанском университете, будучи учеником специалистов с мировой известностью, исследователь Восточного Забайкалья все свои знания использовал для изучения этнографии, истории, экономики, климата, географии, животного мира, заболеваемости и ее зависимости от климатических факторов и пр. Без преувеличения можно сказать, что вместе взятые исследования А.К. Белявского, без каких-либо дополнений, составляют своего рода “энциклопедию Забайкалья”, так как весьма полно описывают во всех отношениях Нерчинскую Даурию.

Александр Капитонович Белявский скоропостижно скончался в Сретенске 3 мая 1931 года от сердечного приступа и был похоронен на городском кладбище. Его супруга и дочь вскоре выехали в Иркутск, где, спустя некоторое время, погибла большая часть архива ученого. По свидетельству сретенской старожилки А.П. Мариненко, спустя много лет сотрудники Сретенской районной больницы почитали вставанием упоминание имени А.К. Белявского, его исследования неоднократно назывались и на Первой научной конференции врачей Читинской области в 1946 году. В 1992 г. на средства Сретенской районной больницы на могиле талантливого исследователя был установлен гранитный памятник.

Основные даты жизни и деятельности А.К. Белявского*

1872, 21 августа – в Илецкой Защите Оренбургской губернии родился А.К. Белявский.

1890 – после окончания Оренбургской гимназии поступил на медицинский факультет Казанского университета.

1896 – окончил медицинский факультет Казанского университета и получил диплом врача.

* До 1917 г. даты приведены по старому стилю.

- 1896–1898** – работал в качестве младшего врача казачьего полка в г. Ковно и г. Кальвария Сувалкской губернии. Знакомство с хирургом Н.А. Богоразом.
- 1898** – приезд в г. Сретенск Забайкальской области на должность младшего врача казачьей войсковой больницы.
- 1902** – прошел курс усовершенствования при Петербургском (Еленинском) клиническом институте.
- 1903–1904** – проживал в станице Кудара Забайкальской области. Начал изучения им Забайкалья.
- 1902–1904** – А.К. Белявский проживал в г. Сретенске и занимал должность врача 16-го сибирского стрелкового полка. В этот период появляются его статьи по этнографии, экономике, сельскому хозяйству и истории Забайкалья.
- 1914–1917** – призван в действующую армию, являлся главным врачом госпиталей в Риге и Твери.
- 1917–1921** – возвратился в Сретенск, работал врачом в казачьей больнице, а затем начальником военного госпиталя.
- 1921, 1 декабря** – освобожден от военной службы по собственному желанию.
- 1923** – под руководством А.К. Белявского прошла перепись населения Сретенска.
- 1924** – работал санитарным уездным врачом.
- 1927–1931** – работал участковым железнодорожным врачом, преподавал естествознание в школе 2-й ступени, медтехникуме, на педагогических курсах. Написание ряда работ по климату, фауне, а также эндемическим заболеваниям Забайкалья.
- 1929** – по ходатайству А.К. Белявского на Ямкуне создана Уровская научно-исследовательская станция по изучению болезни Кашина-Бека.
- 1931, 3 мая** – А.К. Белявский скоропостижно скончался в г. Сретенске.

Библиография

Работы А.К. Белявского

Опубликованные

- Белявский А.К.* Медико-топографическое описание Сретенска. Сретенск, 1914. 23 с.
- Белявский А.К.* Влияние забайкальского климата на органическую жизнь // Мед. журн. Забайкал. о-ва врачей. 1923. № 1. С. 14–22.
- Белявский А.К.* Народное здравие и медицинская помощь в Забайкалье // Там же. № 4. С. 283–297; № 5. С. 368–379.
- Белявский А.К.* Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925. 20 с.
- Белявский А.К.* Метизация забайкальского населения // Труды I конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. Вып. V. С. 125–133.
- Белявский А.К.* Распространение туберкулеза в Забайкалье // Иркут. мед. журн. 1927. Т. 5, № 1/2. С. 13–25.
- Белявский А.К.* К вопросу о физическом сложении сибирской молодежи // Изв. о-ва врачей Южно-Уссурийского края. 1928. № 36.
- Белявский А.К.* Перепись населения г. Сретенска // Медико-санитарный сборник. Сретенск, 1928. С. 56–59.
- Белявский А.К.* Сретенск: Очерк по краеведению. Сретенск, 1928. 31 с.
- Белявский А.К.* Болезнь Бека // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1929. № 2. С. 107–109.
- Белявский А.К.* Современное состояние вопроса о болезни Бека // Сов. клиника. 1932. Т. 17, вып. 4/6. С. 520–530.

Не опубликованные (рукописи)

- Белявский А.К.* Анализ климатических факторов г. Сретенска // ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–27.
- Белявский А.К.* Биография А.К. Кузнецова // Там же. Д. 66. Л. 1–8.
- Белявский А.К.* Буряты // Там же. Д. 31. Л. 1–20.
- Белявский А.К.* География Забайкалья // Там же. Д. 23. Л. 1–42.
- Белявский А.К.* Декабрист Завалишин как основатель г. Читы // Там же. Д. 60. Л. 1–16.
- Белявский А.К.* Доклад об организации Сретенского окружного музея // Там же. Д. 20. Л. 1–11.
- Белявский А.К.* Жизнь, смерть, возрасты, старость, омоложение // Там же. Д. 17. Л. 1–12.
- Белявский А.К.* Забайкальцы и их соседи // Там же. Д. 24. Л. 1–38.
- Белявский А.К.* Здравоохранение, медицина и знахарство // Там же. Д. 11. Л. 1, 2.

- Белявский А.К.* Земледелие и землейстройство в Забайкалье // Там же. Д. 35. Л. 1–131.
- Белявский А.К.* Золотопробышленность в Забайкалье // Там же. Д. 32. Л. 1–25.
- Белявский А.К.* История Забайкалья // Там же. Д. 21. Л. 1–95.
- Белявский А.К.* Курортная помощь в Восточном Забайкалье // Там же. Д. 6. Л. 1–12.
- Белявский А.К.* Медико-топографическое описание станций Забайкальской железной дороги // Там же. Д. 4. Л. 1–43.
- Белявский А.К.* Минеральные источники Сретенского округа и возможности эксплуатации их // Там же. Д. 5. Л. 1–13.
- Белявский А.К.* Недра Забайкалья // Там же. Д. 33. Л. 1–41.
- Белявский А.К.* О чуме // Там же. Д. 3. Л. 1–20.
- Белявский А.К.* Охрана здоровья населения Забайкалья // Там же. Д. 2. Л. 1–25.
- Белявский А.К.* Скотоводство в Забайкалье // Там же. Д. 28. Л. 1–16.
- Белявский А.К.* Тип забайкальской засухи // Там же. Д. 36. Л. 1–14.
- Белявский А.К.* Фауна Забайкалья // Там же. Д. 27. Л. 1–121.
- Белявский А.К.* Шаманство // Там же. Д. 7. Л. 1–13.

Литература о А.К. Белявском

- Афанасьев, Мармаленский.* А.К. Белявский: (Некролог) // Сов. Забайкалье. 1931. 6 мая.
- Барбас Г.И.* 30 лет работы // Забайкальский рабочий. 1926. 29 сент.
- Бардакова В.В.* 120 лет со дня рождения врача, исследователя Забайкалья, А.К. Белявского (1872–1931) // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области. Чита, 1992. С. 43–47.
- Бондаренко С.В.* Забытый краевед // Известия Иркутского государственного научного музея. Иркутск, 1937. Т. 2. С. 107–117.
- Павлова Г.* Врач, ученый, просветитель // Сов. Забайкалье. 1988. 13 сент.
- Петряев Е.Д.* Люди и судьбы: Очерки по истории и культуре Забайкалья. Чита, 1957. С. 102–113.
- Петряев Е.Д.* Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиографический указатель. Чита, 1981. С. 14.
- Самойлова Е.* Патриот, ученый, исследователь // Сов. Забайкалье. 1969. 9 авг.
- Хавкин О.А.* Специалист, человек, гражданин // Забайкальский рабочий. 1946. 17 нояб.

Архивные источники

ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 9. Л. 35–37.	ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 64. Л. 34.
ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–10.	ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–11.	ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 98. Л. 6, 7,
ГАЧО. Р. 1527. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–7.	10.

Использованная литература

Исследования

На русском языке

- Астырев Н.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. 450 с.
- Бек А.Н.* К вопросу об osteoarthritis deformans endemica в Забайкальской области // Труды Первого съезда врачей Восточной Сибири в г. Иркутске 20–25 августа 1924 г. Иркутск, 1925. С. 79–82.
- Бек А.Н.* Опыт антропометрических и других исследований в очаге болезни Бека в Забайкалье // Новая хирургия. 1927. № 5. С. 518–526.
- Бек Е.В.* К вопросу об обезображивающем эндемическом остеоартрите в Забайкальской области: Диссертация. СПб., 1906. 114 с.
- Бек Е.В.* Об изучении урвской болезни // Забайкальская новь. 1909. № 219.
- Белецкий П.К.* Баргузинские орочены // Вестн. знания. 1904. № 1. С. 141–148.
- Белковский А.В.* Еще о болезни Бека // Медико-санитарный сборник. Сретенск, 1928. С. 3–47.
- Белковский А.В.* Призыв 1925 года и болезнь Бека в Нерчинско-Заводском и Газимурском районе Сретенского округа // Там же. С. 148–151.
- Венке А.* Краткий обзор климатических условий Забайкальской области в 1913 г. // Забайкальский хозяин. Чита, 1914. Кн. 2. С. 18–35.
- Головачев Д.М.* Заметки о русской колонизации Сибири // Землеведение. 1894. Кн. IV. С. 29–58.
- Головачев Д.М.* Поселки по линии Забайкальской железной дороги. Чита, 1908. 130 с.
- Головачев Д.М.* Население Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Чита, 1911. Вып. VII. С. 1–94.
- Головачев Д.М.* Итоги землеустройства // Забайкальский хозяин. 1912. № 2, 3, 5.
- Григорьев М.П.* Климат. Иркутск, 1913. 49 с. (Труды Агинской экспедиции; Вып. II).
- Добровольский Л.И.* Об урвской болезни. Чита, 1925. 11 с.
- Ельницкий К.* Инородцы Сибири и среднеазиатские владения России: Этнографические очерки. СПб., 1908. 136 с.
- Завалишин Д.И.* О причине упадка Нерчинских заводов и способах восстановления их // Русская старина. 1881. Октябрь. С. 389.
- Завалишин Д.И.* Документы, относящиеся к Сибири // Там же. С. 387–418.
- Завалишин Д.И.* Забайкальский край // Моск. ведомости. 1885. № 6.
- Завалишин Д.И.* О кустарных промыслах в Забайкалье // Там же. 1886. № 210.
- Завалишин Д.И.* К истории о г. Чите // Владивосток. 1886. № 31–32.

- Завалишин Д.И.* Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906. 464 с.
- Кащенко Н.Ф.* О коллекции млекопитающих из Забайкалья. СПб., 1910. 32 с.
- Киреев М.П.* Клинические данные при болезни Бека // Моск. мед. журн. 1927. № 2. С. 45–51.
- Кирилов Н.В.* Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины. СПб., 1892. 47 с.
- Кирилов Н.В.* О климате Забайкалья, преимущественно западной его половины: (Лекции, читанные в Военном собрании в 1894 г.). Чита, 1894. 33 с.
- Кроль М.А.* Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Изв. ВСОИРГО. 1894. Т. XXV, № 1. С. 34.
- Кроль М.А.* О забайкальских бурятах // Зап. ЧОПОИРГО. 1896. Вып. 1. С. 1–26.
- Кроль М.А.* По кочевьям забайкальских бурят // Новое слово. 1897. № 5. С. 107–126.
- Кроль М.А.* Эволюция землепользования у забайкальских кочевников // Научн. обозрение. 1900. № 6. С. 1101–1119; № 7. С. 1229–1296.
- Крюков Н.А.* Земледелие в Восточном Забайкалье // Приамур. ведомости. 1894. № 44–45.
- Крюков Н.А.* Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1896. 233 с.
- Кузнецов А.К.* Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. ВСОИРГО. 1893. Т. XXIV, № 2. С. 1–12.
- Кузнецов А.К.* Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области. Чита, 1899. 58 с.
- Кузнецов А.К.* Исторический очерк пчеловодства в Сибири и Забайкалье. М., 1899. 13 с.
- Кузнецов А.К.* Пчеловодство в Забайкальской области // Сибир. жизнь. 1900. № 56.
- Малинковский Н.Н.* Н.И. Кашин. М.: Медгиз, 1957. 155 с.
- Материалы экспедиции 1924 г. в пораженный урловской болезнью район / авт. текста Я.О. Добровольский, Н.П. Сажин, А.М. Суворов. Чита, 1926. 162 с.
- Мацокин П.Г.* Метисы Забайкалья. СПб., 1904. 125 с. Зап. имп. Акад. наук; Т. 16, № 1.
- Об уродливости жителей берегов речки Урова в Восточной Сибири: (Извлечение из донесения члена-корреспондента почетного гражданина Юренского из Нерчинска, с примечанием V отделения Общества) // Труды императорского Вольного экономического Общества за 1849 год. СПб., 1849. Ч. 2. С. 87–91.
- Осокин Г.М.* На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906. 304 с.
- Петряев Е.Д.* Исследователь Приаргунья Николай Иванович Кашин // Забайкалье. Чита, 1957. Кн. 7. С. 211–221.
- Птицын В.В.* Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края. СПб., 1896. 306 с.

- Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге 1901–1902 гг. СПб.; М., 1902. С. 261–263.
- Пынин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. 488 с.
- Разумов Н., Сосновский И. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря П.А. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Население, значение рода у инородцев и ламаизм. СПб., 1898. 165 с.
- Сергиевский Ф.П. Уровская Кашина–Бека болезнь. Чита, 1948. 98 с.
- Скворцов Б.В. Фауна и флора Маньчжурии и русского Дальнего Востока. Харбин, 1922. 121 с.
- Славинский Б.А. О климате Акатуевского рудника // Зап. ЧОПОИРГО. 1898. Вып. 3. С. 176–192.
- Солдатов В.В. Хозяйственный быт инородцев Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Чита, 1911. Вып. VII. С. 96–366.
- Солдатов В.В. Сельскохозяйственный обзор Забайкальской области за 1911 г. Чита, 1913. 44 с.
- Солдатов В.В. Формы общинного землепользования в Забайкальской области // Вестн. Европы. 1913. Кн. V. С. 240–267.
- Сретенск и его пути сообщения для отправки войск и грузов в районе военных действий в 1900 г. // Военный сборник. 1900. С. 145–165.
- Уровская болезнь: Доклады научной межрайонной конференции при уровском институте в июле 1933 г. Сретенск, 1933. Т. 1, вып. 1. 62 с.
- Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. СПб., 1867. 707 с.
- Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

На польском языке

- Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy na Syberii. Т. 1. Poznań, 1912. 294 с.

Список сокращений

ГАИО	– Государственный архив Иркутской области.
ГАЧО	– Государственный архив Читинской области.
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности.
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирское отделение императорского Русского географического общества.
СОИРГО	– Сибирское отделение императорского Русского географического общества.
ЧОПОИРГО	– Читингское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества.
ТКОПОИРГО	– Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества.
ИМОИП	– императорское Московское общество испытателей природы.
ИРГО	– императорское Русское географическое общество.
ZNIO	– Национальная библиотека им. Оссолинских (г. Вроцлав, Польша).
ВЈ	– Ягеллонская библиотека (г. Краков, Польша).

Оглавление

Введение	5
Глава I. Бенедикт Иванович Дыбовский – исследователь фауны Забайкалья (1833–1930)	9
Основные даты жизни и деятельности Б.И. Дыбовского	60
Библиография	61
Работы Б.И. Дыбовского	61
<i>На русском языке</i>	61
<i>На польском языке</i>	62
Литература о Б.И. Дыбовском	62
<i>На русском языке</i>	62
<i>Справочники и энциклопедии</i>	62
<i>Исследования</i>	63
<i>На польском языке</i>	64
Архивные источники	65
<i>Российские</i>	65
<i>Польские</i>	65
Использованная литература	65
<i>Справочники. Энциклопедии</i>	65
<i>Исследования</i>	65
<i>На русском языке</i>	65
<i>Прочие</i>	66
Глава II. Забайкальский ботаник Георгий Андреевич Стуков (1854–1912)	67
Основные даты жизни и деятельности Г.А. Стукова	110
Библиография	112
Работы Г.А. Стукова	112
Литература о Г.А. Стукове	112
Архивные источники	113
Использованная литература	113
<i>Справочники. Энциклопедии</i>	113
<i>Исследования</i>	113
<i>На русском языке</i>	113
<i>На польском языке</i>	115
Глава III. Кяхтинский натуралист Петр Саввич Михно (1867–1938) ...	116
Основные даты жизни и деятельности П.С. Михно	165
Библиография	166

Работы П.С. Михно	166
Работы, основанные на коллекциях П.С. Михно	166
Литература о П.С. Михно	167
Архивные источники	167
Использованная литература	167
<i>Исследования</i>	167
<i>На русском языке</i>	167
<i>Прочие</i>	168
Глава IV. Сретенский врач и естествоиспытатель Александр Капитонович Белявский (1872–1931)	169
Основные даты жизни и деятельности А.К. Белявского	216
Библиография	218
Работы А.К. Белявского	218
<i>Опубликованные</i>	218
<i>Не опубликованные (рукописи)</i>	218
Литература об А.К. Белявском	219
Архивные источники	219
Использованная литература	220
<i>Исследования</i>	220
<i>На русском языке</i>	220
<i>На польском языке</i>	222
Список сокращений	222

Научное издание

Эйльбарт Наталья Владимировна
Портреты исследователей Забайкалья
Вторая половина XIX – начало XX века

*Утверждено к печати Редакцией серии
“Научно-биографическая литература” Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Е.С. Степанова*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректор *А.Б. Васильев*

Подписано к печати 28.03.2006. Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0 + 0,75 вкл. Усл.кр.-отт. 16,1. Уч.-изд.л. 16,5. Тираж 1250 экз. Тип. зак. 3335

Издательство “Наука”. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Н. В. Эйльбарт
**Портреты
исследователей
Забайкалья**

Н. В. Эйльбарт Портреты исследователей Забайкалья

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга рассказывает о жизни и деятельности четырех выдающихся исследователей Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. – Б.И. Дыбовского, Г.А. Стукова, П.С. Михно и А.К. Белявского. Бенедикт Иванович Дыбовский (1833–1930), сосланный в Сибирь за участие в польском восстании 1863–1864 гг., открыл и описал в Забайкалье несколько сотен ранее неизвестных науке видов животных. Георгий Андреевич Стуков (1854–1912), на рубеже XIX–XX вв. лучший знаток даурской флоры, оставил интересные труды о растительном мире региона, открыл несколько новых видов растений. Директор Троицкосавского (Кяхтинского) музея Петр Саввич Михно (1867–1937), изучавший флору и фауну Юго-Западного Забайкалья и Северной Монголии, собрал бесценные для науки коллекции, открыл несколько новых видов растений и животных, названных его именем. Сретенский врач и краевед Александр Капитонович Белявский (1872–1931) написал значительное количество трудов, посвященных фауне, климату и бальнеологии Забайкалья, большая часть которых не опубликована и впервые вводится в научный оборот.

ISBN 5-02-034066-9

9 785020 340664 >

